

Dubman Films Presents

*Кровь,
Молоко
и
Шоколад*

Кэмерон Аджейс

После последнего Дримори, Фейбл, Аксель и Шу хотят разузнать побольше о Семи Потерянных и каким образом Охотник полюбил Белоснежку; им также предстоят расследования, которые повлекут за собой весьма печальные последствия. Меж тем, дневник Кармиллы Карнштейн попадает в руки Люси Румпельштейн, которая отчаянно пытается разгадать загадку Королевы: как она превратилась в совершенное зло и всю ту правду, которую лучше оставить в тайне ото всех. Так кто же такая Королева Скорби, и как она превратилась в хладнокровного монстра, жаждущего сердца собственной дочери? Когда и как Охотник полюбил Белоснежку? Существует ли Истинная Любовь на самом деле?

Пролог

Сахарный Домик пару минут спустя как Локи, контролируемый Королевой Скорби посредством Руна, побежал убивать Шу.

После происшествия в Сахарном Домике, Люси Румпельштейн не могла выкинуть из головы Королеву Скорби. Она сидела на стуле в кухне, не вполне веря, что она смотрит на ту самую одну единственную Королеву. Это была она — во плоти, подумала Люси, — Кармилла Карнштейн, ошибочно известная как Злая Королева Белоснежки, как привыкли судить все те глупенькие девчонки по дурацким диснеевским фильмам. Это была женщина, которая посвятила свою жизнь идее съесть сердце своей собственной дочери. Что это была за история!

Люси было плевать на Акселя и Фейбл, которые пустились в погоню за Локи, пытаясь не допустить, чтобы он убил Белоснежку... или как там звали эту противную девчонку-вампиришу. Никто из этих отвратительных подростков ничего не значил для Люси. Все эти разговоры об Истинной Любви между Локи и Шу лишь раздражали ее. Она не верила, что Истинная Любовь существует. Она никогда не сталкивалась с ней, видела или же ощущала ее, за исключением подростковых фильмов. Люси, не смотря на свой возраст, шестнадцать лет, была весьма популярна в Средней Школе имени Румпельштейна. Она всегда хотела чувствовать себя старше и опытней. Истинная Любовь для детишек, которые только и ждут, как им скормят очередную иллюзорную ложь. Она не считала, что такая легенда как Королева Скорби, верит в Истинную Любовь.

Взгляд Люси по-прежнему был прикован к прекрасной Королеве. Кармилла сидела, высоко вздернув подбородок, легонько постукивая ногтями по деревянной поверхности стола. На ней была современная одежда, которая позиционировала ее как директора школы. Тем не менее, она все равно выглядела по-королевски: элегантная, могущественная и внушающая страх, будто бы она и сейчас сидела на своем хрустальном троне в Королевстве Скорби. Люси не приходилось прежде восхищаться кем — либо более могущественным, чем Королева Скорби. Она была ее идолом. Женщина, у которой было чему поучиться. Люси продала бы душу дьяволу, лишь бы только научиться чему-нибудь у такой женщины. Ее подкупало, какой непримиримо злобной оказалась Кармилла, какой величественно хитрой и обманчивой. Больше всего Люси нравилось то, что Королева никогда не приукрашивала свои злые поступки. Она никогда не кичилась тем, что хотела прикончить свою дочь ради всего того добра, что существует в мире...., не смотря на то, что обманом заставила Локи думать

именно так. Она просто говорила:

«Привет, я — Королева Скорби; преклоните предо мной свои бранные колени или я сожру ваше сердце с ломтиком печени и запью все чашей отборного красного вина.» Королева всегда гордилась тем, что она — абсолютное зло, а Люси ее просто обожала.

Люси пожирала глазами Королеву Скорби, запоминая каждую деталь ее европейской красоты. Это прекрасное, слегка заостренное лицо. Эти пышные локоны светлых волос, которым не хватало лишь тонкого серебряного обруча, которым они как правило были аккуратно собраны. Эти пугающие голубые глаза с золотым оттенком, который сиял, сияет и будет сиять. Эти тонкие губы в форме сердца, и эти длинные ухоженные ногти. Люси желала бы такой пугающей красоты самой себе, когда будет становиться старше.

Прошу, взгляните на меня, Кармила. Прошу, обратите на меня внимание. Вот она я, дочь владельца школы Румпельштейна, самая популярная девушка в школы и маленького затерянного американского городишки на вершине кита; городок, в который можно попасть пройдя сквозь Ад. Вот она я, желаю выполнить все, о чем меня не попросите. Вы пробудили во мне зло. Изысканное зло одинокого, испорченного и скупающего подростка. Я такая же стильная, как и Вы, только в примитивном мире абсурдной реальности. Возьмите меня в Мир Сновидений и поделитесь со мной кусочком сердца своей дочери. Клянусь, я вгрызусь в него, словно оголодавший зомби.

Люси пожала плечами. Толи присутствие Королевы возымело на нее такой эффект или же она всегда была склона к злу, кто знает?

— На что уставилась? — произнесла Кармила, тихонько постукивая ноготками и откинувшись на спинку стула.

— Простите, Ваше Величество, — Люси склонила голову, испытывая слабость, называя ту "Величеством". На дворе был 21 век, Реальный Мир, со времен Королевы прошло почти более двухсот веков. Никто больше не называл ее "Величеством".

— Простить за что? — поморщилась Кармила.

— За то, что рассматриваю Вас, Моя Королева, — ответила Люси. — У меня нет ничего против Вас. На самом деле, я глубоко Вам симпатизирую, Ваше Величество, — пожала плечами Люси. — Вы пожертвовали своей жизнью ради маленькой принцессы. Ваш брак оказался неудачным, и Вы унаследовали королевство, полное зла. Это не значит, что я считаю Вас злом. Вы — мой герой.

Королева лишь еще сильнее поморщилась, но ничего не сказала. Люси задумалась, что если ей все же понравилось то, что она сказала.

— Мне бы хотелось, чтобы Вы взяли меня на свою сторону, — взмолилась Люси. — Я желаю служить Вам. Я хочу научиться у Вас всему. Быть может, я могу сделать что-нибудь для Вас?

Королева проигнорировала предложение Люси и повернула шею к окну, убеждаясь, что Локи, Аксель и Фейбл исчезли из поля зрения.

— Люси Румпельштейн, — зашипела Королева, не глядя на нее. — Ты хоть представляешь, о чем ты меня просишь. Ты понятия не имеешь, как оскорбительна твоя просьба. Знаешь почему?

У Люси пересохли губы. Переменившийся тон Королевы напугал ее. Ее язык слишком устал, чтобы отвечать ей.

— Потому что я не нуждаюсь ни в чьей помощи, симпатии или любви, — объяснила Королева. Она перестала стучать ногтями. — На протяжении многих веков я обрела такую

мудрость, которая подвластна лишь только бессмертным. Будешь любить себя больше всех, будешь соответственно получать все, чего только пожелаешь.

Слова Кармиллы лишь заставили восхищаться ею еще больше. Прошу, научите меня, как стать такой как Вы. Внезапно глаза Люси зачесались. Она удивилась почему, но тут же позабыла об этом. В присутствии Королевы не было времени на глупости.

— Ты едва знаешь, кто я такая, — продолжила Королева. — Никто не знает знает настоящую меня. — Она издала вздох, который сдерживала уже минуту, в этот момент Люси почти поверила, что Кармилла всхлипнула.

Такое вообще возможно? Она потому не смотрела на Люси сейчас? Кто же ты такая, Королева Скорби? Что за секрет ты хранишь?

— Вы плачете, Моя Королева? — спросила Люси, не заботясь на этот раз, что на ней могут выместить весь гнев. Ей просто нужно было знать. Королева не ответила. Она щелкнула пальцами, так и не взглянув на нее.

— Ты можешь идти, Люси, — произнесла она, все еще глядя в окно Сахарного Домика.

Люси поднялась, потирая запястья. Она попала в ловушку, разрываясь между приказом Королевы и желанием увидеть, как та плачет. Какова цена послушаться Кармиллу Карнштейн? Тебя обратят в камень, как проделывала Медуза, когда кто-либо осмеливался взглянуть на нее? Быть может, Королева и была той самой Медузой когда-то во всемирной истории? Кто знает?

Ощущая собственную хрупкость, Люси направилась к двери, мимо Королевы, боясь взглянуть той в лицо. Для девушки, которая привыкла всегда получать того, чего пожелает, это было действительно трудное решение. Страх поглотил Люси. Страх перед Королевой и страх перед Злом, как оно есть, выплыл из недр ее души на поверхность. Ее глаза снова зачесались. Она начала беспокоиться, что если это какая-то серьезная болезнь.

— Увидимся в школе, Директриса Миркалла, верно? — произнесла Люси, нарочито медленно, не поворачивая головы.

— Конечно же, — ответила Королева с намеком на усмешку.

Люси подумала, что теперь станется со Средней школой имени Румпельштейна с новой директрисой? Черт, во что теперь превратится Скорбь, начиная с этого момента?

— Вообще-то..., - Королева вновь начала выбивать чечетку коготками по столу, — ... есть кое-что, что ты могла бы сделать для меня, Люси Румпельштейн.

Сердце Люси встрепенулось. Дааа!

Она ничего не сказала, она лишь слегка обернулась. Люси кивнула.

— Но ты должна знать последствия, которые постигают тех, кто не выполняет мои желания, — предупредила ее Королева.

— Я осознаю, что Вы можете причинить мне боль, — кивнула Люси. Мне нравится то, что я боюсь Вас. У меня есть чего бояться в этом скучном городишке. Разве не этого мы ищем во второсортных ужастиках... разве нам не хочется хорошенько испугаться, потому что мы слишком устали от наших нормальных жизней?

— Я занята поисками сердца своей дочери, мне некогда делать тебе больно. — В голосе Королевы проскользнула фальш. — Если облажаешься, убью тебя в мгновение ока.

— Я поняла, — ответила Люси. Ее глаза чесались все больше и больше. Вот только руки онемели, она даже не могла поднять их на уровень глаз. На самом деле, каждый дюйм ее тела онемел, от предупреждения Кармиллы.

— Мне нужно, чтобы ты нашла для меня книгу, — сказала Кармилла.

— Книгу? — Люси никогда бы не подумала, что ей придется выменять свою жизнь на книгу. Она в жизни ни одной не прочла.

— Она нечто большее, нежели дневник, — объяснила Кармила, ее голос снова стал напряженным. — Я не знаю, как она выглядит сейчас, или какой она приняла облик, спустя столько лет.

— Ваш дневник? — спросила Люси.

— Не перебивай. — все же кивнула Королева.

— То есть, ей больше двух сотен лет? — Люси чуть ли прыгала на месте.

Раздраженного взгляда Королевы хватило, что Люси успокоилась и вновь опустила голову.

— Ну, то есть, это такой старый и потерянный дневник, — медленно произнесла Люси, — его могли передавать от одного человека к другому все эти годы. Что если его уже...

— Быть того не может, — отрезала Кармила. — Это отчасти проклятая книга..., нечто такое, что вы — подростки, называете "зачарованная". Книга, которую можно прочесть лишь раз в сто лет.

— Раз? — недоумение Люси достигло высот. Интриги и загадки не были ее сильной стороной. Она желала, чтобы Королева рассказала ей, где была книга, что она смогла пойти и взять ее. — Как книгу можно прочесть лишь раз, Ваше Величество? Я не понимаю.

— Это — Песочная Книга. — Кармила выглядела нетерпеливой. — Каждая страница распадается на песчинки, стоит ее прочесть раз в сто лет. Если кто-нибудь попытается прочесть ее после, то не сможет ее даже отыскать, поскольку она принимает уже иную форму на следующие сто лет. Последний раз, кто-то прочел ее сто лет назад. Уверена, больше ее никто не читал, поскольку завтра — полночь, и минует ровно сто лет. Если поторопишься, то достанешь ее для меня.

— Ой, — нахмурилась Люси. — Тогда как же я ее найду?

— Прежде чем я расскажу тебе, я должна вновь предупредить тебя. Это мой дневник. Я написала его еще в Королевстве Скорби, и я не потерплю неудачи, если я прошу тебя раздобыть его для меня. — Неожиданно, Королева пожалала плечами... шестеренки в голове Люси тут же заработали.

— Это честь — служить Вам, Моя Королева, — сказала Люси. — На книге написан нечто вроде "Дневник Кармиллы Карнштейн"?

— Нет, — ответила Королева, но похоже, что она была не совсем уверена. Люси смутилась. — Я не уверена. Я написала его давным-давно. Первое предложение звучит примерно так: "Я пишу ночью 31 Октября..."

— Вы написали его в Хеллоуин? — Люси пришлось подавить свое возбуждение. Становилось все лучше и лучше.

— Я позволю тебе прочесть лишь первую страницу, — сказала Королева. — Чтобы убедиться, что этот тот самый дневник, что я ищу. Но если ты прочтешь еще хоть одну страничку, я подвешу тебя за прекрасные длинные волосы на самой высокой башне в мире, заставлю голубей выклевывать тебе глаза и прокляну тебя бессмертием, чтобы ты страдала целую вечность. Поняла?

Люси трижды кивнула. На этот раз из страха, а не потому что поняла. Так значит, прочесть дневник не удастся? Она разочарованно вздохнула.

— Теперь, иди и выполняй, как было тебе приказано, пока я наблюдаю за Дримори

Белоснежки через Руно Локи. — Она вытащила маленький хрустальный шар и поставила его на стол.

Люси не знала, что это означало, ей, честно говоря, было совершенно плевать. В данный момент ее разрывали противоречия. Она повернулась, чтобы уйти, но у нее остался последний вопрос.

— Вы не сказали мне, где найти дневник, — напомнила Люси.

— Разве? — усмехнулась Королева.

— Нет.

— Помнишь, я говорила, что Песочные Книги принимают различные формы, после того, как их прочтут? — Королева не стала дожидаться ответа. — Дневник принял форму попугая.

— Попугая?

— Попугая Пиквика. — Королева протерла хрустальный шар. — Ты, должно быть, видела такого где-нибудь неподалеку.

— Я...

— Видела или нет, теперь твоя задача — раздобыть попугая. — Королева постучала по шару, чтобы тот заработал. Он наполнился серебряным и голубым цветами. — Найди книгу, или я убью тебя.

Люси в то же мгновение выбежала из дома, не только за тем, чтобы найти Попугая Пиквика. Теперь она на самом деле испугалась Королевы Скорби. Испугалась настолько, что теперь почти сожалела о том, что не ушла, когда у нее был шанс. И черт бы побрал эти глаза. Почему они так чесались?

Часть 1. Хлебные крошки и Зеркала

Глава 1

Сахарный Домик

Никто в Сахарном Домике не подозревал, какие ужасные события поджидают их.

Только Фейбл все никак не покидало предчувствие беды, с тех самых пор, как ей удалось завладеть телом Локи, чтобы спасти его в Мире Сновидений, не могла отделаться от ощущения, что надвигается нечто кошмарное. Что именно, она не могла сказать. Но она была уверена, что ее ведьмовское шестое чувство ощущает сам запах беды, витающий в воздухе.

Но что если она ошибалась. Быть может, все дело было лишь в последствиях одного из ее неправильно произнесенных заклинаний, как, например, она напугала Локи, когда тот впервые пришел к Акселю в Сахарный Домик. Но опять же, быть может, она была права, и обратном случае почему все вокруг нее ощущалось таким неправильным?

Фейбл начала свой день с того, что с трудом смогла проснуться ото сна, в котором Локи убивал детей от имени Королевы Скорби. Она увязла в этом кошмаре настолько, что не могла дышать. Во сне Локи искал детей с осколками в глазах. Локи был уже не тем влюбленным парнем, которого она знала прежде. Он был жестокий и бессердечный, готовый рубить головы направо и налево. Фейбл задумалась, почему слово "бессердечный" находит отклик в ее груди, словно пытается сказать ей о чем-то. Но о чем именно, она не могла понять.

В конце концов, Фейбл очнулась от кошмара и встала с кровати. Утреннее солнце поцеловало кожу и заверило ее, что она в своей кровати, в Сахарном Домике. Она хлопнула

ладошкой по груди и сделала глубокий вдох. Бедная Шу, первое о чем подумала Фейбл. Шу пришлось убить Локи, после того, как тот отрубил Серене руки. Ей пришлось убить того, кого она любила, чтобы наконец пробудиться от бесконечного сна и остановить свою злую мать от поисков Семи Потерянных в Реальном Мире. Фейбл задумалась, какого это — убить свою Истинную Любовь.

Все еще находясь в кровати, Фейбл заметила, что дом был тих. Она не услышала голосов Акселя и Шу за пределами своей комнаты. Почему никто не пришел проверить ее? Она, должно быть, кричала из-за кошмара. Обычно, Аксель спешил на помощь своей младшей сестренке, он всегда старался защитить ее. Но никто не пришел. Быть может, они еще не проснулись, подумала Фейбл.

Она позволила солнцу исцелить свою душу, прежде чем заправить кровать и пойти чистить зубы. К своему удивлению, она нашла Пиквика под кроватью.

— Пиквик? — Фейбл взяла очки с ночного столика, чтобы убедиться, что это попугай Чармвилля. Близорукость усугублялась на несколько часов после пробуждения. Это и впрямь был Пиквик, свернувшийся калачиком в позе эмбриона и испуганно глядя на нее из под кровати.

— Меня зовут Пиквик, и я нем, — простонал попугай.

Фейбл не знала, плакать ей или смеяться. Ведь это была единственная фраза, которую Чармвилль позволил Пиквику произносить. И эта фразочка получалась очень даже умопомрачительной.

— Ты ищешь Локи? — Она взяла попугая и прижала к себе. Казалось, Пиквику пришлось по душе объятие Фейбл, и он обнял ее в ответ своими короткими крыльшками. — Не бойся, Пиквик. Все будет хорошо, обещаю. — Она погладила его, думая о том, как Чармвилль наказал Локи заботиться о Пиквике, на случай если он погибнет.

Теперь, когда Локи был мертв, Пиквик дважды остался сиротой. Фейбл задумалась, что же этот загадочный попугай на самом деле значил для Чармвилля. Вне сомнений, что Пиквик знал секреты, о которых и знать не положено. Без его помощи, она бы ни за что не догадалась, что Истинное Имя Чармвилля Глиммера — Вильгельм Карл Гримм.

— Знаешь что, — предложила Фейбл. — Я сейчас покормлю Итси и Битси. А потом как на счет я приготовлю тебе сытный завтрак?

Пиквик помотал головой. Казалось, еда его совсем не интересовала, в отличие от прочих членов семьи Крамблвудов и их питомцев. Он указал на поля за окном, но Фейбл не могла понять, на что он намекает.

Внезапно, кровать Фейбл начала трястись. Пиквик сильнее прижался к ней, зажмурив глаза. Он был похож на ребенка, который нуждался во всей любви в мире.

— Шшш, — прошептала Фейбл, дожидаясь, пока кровать перестанет потряхивать. Она к подобному уже привыкла. Все в Скорби привыкли. Она услышала протяжный далекий и глухой звук, словно какой-то великан стонал в горах. Кровать тряхнуло еще пару раз, прежде чем все успокоилось, будто корабль на волнах.

— Видишь? — Она улыбнулась Пиквику. — Все прошло. Это наш Скорбный Кит. — объяснила она ему. — Скорбь стоит на ките. Ему нравится потряхивать городок время от времени. Мы не против, до тех пор пока он не вздумает перевернуться и утопить нас в океане.

Пиквик нахохлился.

— Знаю, это глупо. — Фейбл отсадила его в сторону и вытянула руки. — Мы живем в

городе, стоящем на спине кита. — Она закрыла глаза. — И это наименьшая из наших проблем, поверь мне.

Она взяла полотенце и направилась в ванную. Пиквик взлетел ей на плечо по дороге.

— Не уверена на этот счет, — остановилась Фейбл. — Знаешь, я ведь девушка. Мне нужно некое уединение в ванной.

Пиквик не пошевелился, а у Фейбл была слабость к животным.

— Ладно. — Она снова закрыла глаза. — Я только почищу зубы. Не ожидай больше ничего такого.

Внутри, Фейбл умыла лицо и почистила зубы, пока Пиквик сидел на краешке раковины. Он до сих пор казался взволнованным, но она понятия не имела как помочь. Она и сама была взволнована, опять тоже странное чувство. Да что же происходит?

Фейбл стояла и разглядывала себя в зеркале. Ей не хотелось думать ни о чем из того о чем следовало: например, как воскресить Чармвилля, где была Серена и что станет с Шу. Черт, она не могла понять, к чему именно все это ведет. Она была уверена, попадись ей на глаза Аксель, он бы тут же выдвинул тонну предположений и теорий. А пока, она взмахнула щеткой в зеркале, словно мечом, принимая позу, как бывало делал Локи и произнесла:

— Меня зовут Локи Блекстар, и я здесь за тем, чтобы надрать вам задницу!

Пиквик выпучил глаза. Как и сама Фейбл. Что она только что сделала? Это вышло спонтанно. Может все потому, что она уже скучала по Локи? Разве она не пыталась смириться с мыслью, что, быть может, никогда его уже не увидит?

— Это было странно, — сказала она Пиквику, тот кивнул с явным согласием. — Думаешь, я странная? — прищурилась она. Пиквик снова кивнул. На этот раз, он захлопал крыльями.

— Так тебе нравятся странные? — спросила она. Пиквик вновь взмахнул крыльями. — Я всегда думала, что быть странной — круто, — Фейбл бросила взгляд на зеркало, не в силах объяснить, что за странное чувство ее охватило. Она чувствовала себя такой...такой... Она не могла описать это словами.

Фейбл вышла из ванной и открыла шкаф, чтобы надеть что-нибудь. Она подумала, что новый наряд как раз хорошая идея. Она была уверена, что сегодняшней день будет полон приключений. Затем, она обнаружила, что достала облегающие джинсы, вместо повседневного платья.

— Фух, — произнесла она. — Какая-то я дерзкая сегодня, — сообщила она Пиквику, который лишь пожал плечами и скривил клюв.

Фейбл натянула джинсы и простую белую футболку и завершила свой задиристый образ поясом с серебряной пряжкой, который изначально принадлежал Акселю. Одевшись, она оглядела себя в зеркало и оказалась впечатлена.

— Думаю, этот образ мне подходит, — обратилась она к Пиквику, который определенно не был так уверен на счет ее внешнего вида. Фейбл была слишком миниатюрной, чтобы одеваться вот так.

— Я тебя понимаю, — сказала она попугаю. — Я слишком мала, для такого наряда, но знаешь что?

Она начала рыться в бесконечном шкафу, в котором по большей части были книги, а не одежда, и вытащила пару тяжелых ботинок.

— Как на счет них? — Она надела их и ощутила себя чуточку выше. — Эти ботинки тоже принадлежат Акселю, — сказала она. — Теперь, все что мне нужно, так это оружие. —

Она снова покопалась в шкафу и выудила волшебную палочку. Пиквик покачал головой. — Ты прав, — согласилась она. — Палочка не подходит. Мне нужен пистолет. — Пиквик кивнул, скрючив крылья на манер пистолетов и стреляя, как ковбой. — Но у меня нет пистолета. Может, одолжу у Локи Аликорн, когда спустимся на кухню.

Фейбл еще раз осмотрела себя в зеркале, а потом сняла очки и повесила их на цепочку на шею.

— Задиры не носят очков, — прокомментировала она. — Хотя, я ж могу пристрелить не того парня на своем пути. — хихикнула она. — Как на счет косичек? — спросила она у Пиквика. Кажется, они ему понравились. — Да, мне тоже. Если оставлю волосы распущенными, будет слишком по-девчачьи. С косичками тоже буду выглядеть по-девчачьи, но как маньяк. — Она приняла позу стрелка еще раз и произнесла: — Меня зовут Гретель, и я надеру тебе задницу!

Пиквик чуть не задохнулся. Их с Фейбл взгляды встретились. Потом она бросила взгляд вверх и влево, словно увидела в воздухе свои собственные мысли.

— Я сказала Гретель? — спросила она у Пиквика.

Попугай кивнул, выглядя еще больше взволнованным и озадаченным.

— Почему я сказала "Гретель"? — Она сложила руки на груди.

Пиквик ничего не ответил, но, казалось, он знал больше ее самой.

— Ох, какая ж я глупая. — Фейбл всплеснула руками. — Это из-за всех этих сказок, что окружают меня. — Она повернулась к зеркалу и произнесла, — Меня зовут Фейбл Крамблвуд, и я надеру твою задницу, — затем пару раз выстрелила из воображаемого пистолета в руках. — Крамблвуд звучит как-то неправильно, — заметила она. Пиквик согласился. — Никто не испугается девушки по фамилии Крамблвуд. — Она сложила руки на груди. — Послушай, — сказала она Пиквику. — Не стоит, пожалуй, некому говорить что я собираюсь надрать задницу. — Пиквик наклонил голову набок. — Если я на самом деле задира, зачем говорить кому-то, что я надеру ему задницу, когда можно просто пойти и надрать?

Пиквик воспользовался моментом, словно пытался решить какую-то загадку. Клюв расплылся в улыбке, и он согласно кивнул.

Фейбл подняла попугая.

— То, что я выгляжу так дерзко и мужественно сегодня, еще не значит, что я не приготовлю тебе завтрак, — сказала она. — Тебе нужно есть, чтобы стать сильнее.

Она открыла дверь и вышла, все еще недоумевая по поводу внезапно возникшей дерзости, словно она была сама не своя. Когда она спустилась по ступеням, слабый намек на боль мгновенно пронзил ее глаза. Она удивилась, что это только что было; быть может, все потому, что она сняла очки. Ее глаза начали зудеть, когда она добралась до открытой кухонной двери.

Глава 2

Уже внизу, на кухне, Фейбл была удивлена не увидеть Аксея, жующего какую-нибудь снедь. На самом деле, кухня даже была вычищена и убрана как никогда прежде. Все лежало на своих местах, сияя и маня, словно кухню навестили волшебные феи. Даже магнитный алфавит, которым ранее было написано Истинное Имя Чармвилля Глиммера, теперь гласил:

Я прибрала в доме, вынесла мусор и приготовила мясо с овощами на ланч. Ешьте , сколько влезет.

Шу

Фейбл понадобилось мгновение, чтобы переварить тот факт, что Шу приготовила еду и убралась в Сахарном домике после всего того, что ей пришлось вынести...и это упустить из виду тот факт, что она вообще знала как готовить и убираться.

— Думаешь, она сварила поесть и прибралась, потому что это у нее в крови? — спросила Фейбл у Пиквика. — Я имею в виду, она же Белоснежка. Ей ведь пришлось делать подобное в той самой части сказки, когда она набрела на домик семи гномов.

Пиквик скептически скрестил крылья на груди.

— Ты прав, мы пока на самом деле не все знаем. — Фейбл заглянула в холодильник в поисках еды. Не плохо, подумала она. — Но кое-что нам уже известно. — Она обошла кухню в поисках хлеба.

Она не знала почему, но есть приготовленное Шу совсем не хотелось. Сегодня ей хотелось хлеба.

— Во-первых, в настоящей сказке не было никаких гномов. Они оказались молодыми крестьянами, они же Семеро Потерянных или Пилигриммы.

Пиквик посчитал от одного до семи на крыльях.

— А во-вторых, ночь в лесном домике несколько отлична от той, что представляется в сказке. Шу убежала от Локи, после того, как Кармила взвесила ее сердце и убедилась, что оно двадцать один грамм. Локи собирался убить Шу, когда Серена помогла той сбежать в лесной домик. Локи последовал за ними, строя из себя Большого Серого Волка, и ему даже удалось войти, но они к этому времени уже сбежали. Наконец, Локи отрубил Серене руки, и Шу пришлось убить его, чтобы выжить.

Пиквик, помолчав, почесал затылок.

— Знаю, история запутанная, и в ней больше вопросов, нежели ответов, — Фейбл не нашла ни крошки хлеба, поэтому ей пришлось закрыть холодильник. По взгляду Пиквика можно было понять, что он не меньше ее самой жаждет вопросов. — Например, все ли из случившегося произошло с Шу в Дримори? Были ли это точные воспоминания или же последствия предприимчивости Шу в Мире Сновидений? Если окажется, что Шу изменил прошлое в Дримори, повлияет ли это на будущее?

Казалось, Пиквик знал ответ на этот вопрос. Он приземлился на кухонный стол рядом с Аликорном Локи и дважды клюнул его.

— Понятно, — вздохнула Фейбл. — Ты имеешь в виду, что если Шу изменила историю и убила Локи в прошлом, тогда его нынешняя смерть просто бессмысленна. Это также означает, что он останется мертв навечно.

Пиквик поник и медленно, вперевалочку, направился к Фейбл, словно ленивый пингвин, затем обнял ее еще раз. Она обняла его в ответ, все еще изнывая по хлебу.

— Тогда возникает ряд вопросов, на случай, если Шу так ничего и не изменила в Мире Сновидений. — Фейбл ходила туда-сюда с Пиквиком на плече. Он предположила, что он тоже не прочь поесть хлебushка...если ей только удастся его отыскать. Разве птицы не обожают хлебные крошки? — Например, в какой период времени истории Шу она повстречала Семерых Потерянных? Я думала, что она встретила их в ночь своего шестнадцатилетия, когда Королева взвесила ее сердце, но этого не произошло. И как именно ей удалось поделить свое сердце между ними, как она вообще смогла сделать такое?

Пиквик пожал плечами. Казалось, он искренне не знает ответ.

— И если она убила Локи, тогда как, черт подери, они влюбятся? — Фейбл остановилась, когда мысль поразила ее. Все равно ее ботинки оказались слишком тяжелыми. Она предпочла постоять и отдохнуть. — Этот вопрос не дает мне покоя, Пиквик. Я имею в виду, между Локи — Злобным Охотником и Локи — Истинной Любовью Шу огромный разрыв, который требует ответа, — сказала Фейбл, словно обращаясь к Аликорну Локи на кухонном столе.

Она подошла ближе и взяла его в руку, думая об оружии, которое бы полностью завершило ее дерзкий образ. Не смотря на то, что она восхищалась Аликорном Локи... рогом единорога... на этот раз ощущения были иные. Ее по-настоящему тянуло к нему, будто некой маической силой, словно между рогом в ее руках и ней была особая связь. Она подняла его и сказала:

— Какие слова говорил Локи, чтобы Аликорн превратился в змею-хлыст?

Пиквик казался расстроенным своей немотой. Он определенно знал их.

— Не имеет значения, — произнесла Фейбл. — Все равно лишь он может им пользоваться. — Она отложила его и покачала головой. — Где все? — Она поняла, что они уже должны были проснуться к этому моменту.

Фейбл подошла к входной двери и открыла ее, чтобы посмотреть, вдруг Шу и Аксель сидят на крыльце. Вместо них, ее внимание привлекло нечто другое. По ее телу пробежал холодок, словно ее поразила невидимая глазу сила. Боль в глазах вернулась, и она обнаружила, что тупо смотрит себе под ноги. Кое-что на полу заинтересовало ее самым необычным образом. Фейбл пригляделась и увидела след из хлебных крошек, ведущий в поле.

Глава 3

След из хлебных крошек вел к Кармен, красной машине Локи, которая так и осталась припаркованная на окраине холма Скорби. В свою очередь чувства Фейбл странным образом обострились. Опять же, она снова и снова спрашивала себя, что если все это последствия запретного заклинания, которое она использовала, чтобы завладеть душой Локи во вчерашнем Дримори.

Что беспокоило ее на самом деле, так это противное ощущение в желудке, когда она шла по следу из хлебных крошек. Может, всему виной ее любопытство. Может, она просто хотела проверить Кармен. Но чувство было на самом деле неприятное.

Она не удержалась и, упав на колени, начала подбирать с земли сухарики и хлебные крошки, и тут же есть их. Она хотела хлеба аж с самого утра.

— Хочешь? — Она предложила несколько Пиквику, которого, казалось, несколько смущал сам факт того, что их подняли с земли. Фейбл и не догадывалась, каким избирательным был Пиквик, когда дело касалось еды.

Уже ближе к Кармен, она заметила чей-то силуэт за запотевшими стеклами машины. Она сомневалась, что кто-нибудь захочет угнать Кармен. Должно быть, это какой-то бедолага, вне сомнений, что Кармен сможет за себя постоять.

— Как поживаешь, красотка? — Фейбл погладила Кармен по капоту. Она заметила, что Пиквик закатил глаза. Пиквик, должно быть, подумал, что Кармен всего лишь подумала, пронеслась мысль у Фейбл.

Должно быть, это несколько странно с ее стороны думать, что к Кармен нужно относиться как к девушке. Тем не менее, Фейбл было плевать. Каким-то образом, она

гордилась своими сегодняшними странностями.

— Вот ты где! — завопил Аксель, пиная дверь изнутри. — Тебе пора было уже давно проснуться, соня.

— Что ты позабыл в машине Локи? — Фейбл скрестила руки на груди, стараясь не рассыпать сухарики.

— Пытаюсь завести ее, — ответил Аксель. — Разве не видно?

— Зачем? — спросила она. — Ты ведь знаешь, что только Локи мог ездить на Кармен.

— Да, знаю я. Знаю, — ответил Аксель, вытирая масло с перемазанного лица.

Фейбл рассмеялась.

— Видишь? Вот что выходит, когда пытаешь подкатить к машине Локи.

Кармен дернулась единожды, заставляя Акселя вылезти.

— Я лишь пытался припарковать ее в более безопасном месте, — оправдывался Аксель, сдерживая себя, чтобы не пнуть Кармен по бамперу. — Теперь, когда Локи мертв.

Пиквик пронзительно закричал.

— Не упоминай о нем при Пиквике, — потребовала Фейбл. — Он ведь должен был быть его новым хозяином.

Аксель остановился и посмотрел на нее, словно увидел впервые. Потом снова перевел взгляд на Пиквика, он выглядел так, словно хотел закричать. Фейбл со вздохом посмотрела на него, достав несколько хлебных крошек с ладони, она проглотила их.

— Хватит есть мой Синебородый Хлеб, — предупредил он ее.

— Он называется Синебородый Хлеб? — спросила Фейбл.

— Новое блюдо в "Пузатой и Чудовище", — ответил он, утирая лицо рукавом. — По мотивам сказки про Синюю Бороду.

— По-крайней мере, звучит лучше, чем тот Мертвецкий Хлеб, что ты притащил на прошлой неделе.

— По-крайней мере, признай, он был вкусный, — Аксель поморщился. — Кроме того, ты что, подобрала с земли сухари и съела их? Я просто бросал их всю дорогу к машине. У меня с собой целая сумка.

— Мне нравятся сухарики, — ответила Фейбл. Пиквик кивнул.

— А что случилось с твоим внешним видом? — спросил Аксель. — Ты выглядишь как мальчишка.

— Точнее, сорванец. Мне нравится.

— Если парни из-за этого не будут к тебе приближаться, тогда я счастлив, — сказал он.

— Можно мне попробовать? — Фейбл протиснулась мимо него и уселась в машину. Ей больше не хотелось продолжать разговор с Акселем в том же духе, будто бы она слишком мала для свиданий.

— Как будто ты умеешь водить машину, — усмехнулся Аксель. — Ты ведь знаешь, что Кармен работает без ключей, верно?

— Я в курсе, Аксель. Ее нужно пнуть, чтобы она завелась, — ответила Фейбл, все еще дожевывая сухарики. — Но мне жаль пинать тебя, моя красненькая машинка, — Фейбл погладила руль.

Пиквик и Аксель обменялись взглядами и закатили глаза. Фейбл все видела, и сдержала смех. Но после, то странное ощущение в ней усилилось. Она почувствовала себя более взрослой, чтобы впредь говорить подобную чушь. Она почувствовала себя более мужественной. Она ведь задира и потому должна быть бессердечной. Она сидела тут и

жевала сухари, болтала с Акселем, в то время как Шу пришлось перенести все эти невзгоды после смерти Локи. Как она могла стать такой безответственной и наивной? Тем не менее, ей нравились ее мысли, словно кто-то другой внутри нее разговаривал. Может ей стоит рассказать Акселю, как она назвала себя Гретель этим утром?

— Так, где же Шу? — Фейбл ощутила потребность спросить.

— В подвале, — ответил Аксель, когда зазвонил телефон.

— Что она делает в подвале?

— А ты как думаешь? — Аксель достал телефон из кармана. — Оплакивает тело Локи.

— Оу. — Фейбл перестала жевать. Пиквик погрузился.

Аксель прочел имя звонившего. Его выражение лица изменилось. Фейбл не могла понять, что оно значило, но одно она знала наверняка, он возбужден.

— Мне нужно ответить, — бросил он, убегая. — Даже не вздумай включать радио Кармен. Если попытаешься, машина начнет дико трястись. Поболтаем позже, сестренка! — Он нажал на кнопку, и где-то в поле раздалась его болтовня.

— В подвале? — прошептала Фейбл. — Как думаешь, может нам следует быть с ней или же оставить ее наедине со своей Истинной Любовью? — спросила она у Пиквика.

Вместо Пиквика ответило радио. Из колонок полилась мелодия, у Фейбл от удивления открылся рот. Радио играло лишь в присутствии Локи. Как такое вообще было возможно?

Когда песня закончилась, ведущий поблагодарил Фейбл Крамбувуд и Попугая Пиквика за внимание. Ведущий объявил, что следующая песня будет прощальной и посвящается она единственному и неповторимому Локи Блекстару, исполняют единственные и неповторимые Воинствующие Тыквы. Когда песня заиграла, что-то произошло с глазами Фейбл. На этот раз это был не зуд. То были слезы. Много слез, от осознания того, что Локи на самом деле больше нет, быть может, навсегда.

Глава 4

Фейбл подкралась к двери подвала, заметив, что бросила позади себя несколько хлебных крошек. Она подавила свою необычную неловкость, и решила забыть о том, что случилось с ней на мгновение. Она шагнула вперед, сделала глубокий вдох, а затем открыла дверь в подвал.

Осторожно ступив на потрескавшиеся деревянные ступени, она бросила взгляд на ржавую печь внизу, которая была здесь еще с незапамятных времен. Лишь Фейбл была в курсе, что это та же самая печь, которую Серена растапливала, чтобы добыть огонь для своего искусства в Мире Сновидений. Каждый раз, когда Фейбл думала, что этот дом изначально был подземельем Бабы Яги, у нее косички вставали дыбом... абсурдно, конечно; но по ощущениям, у нее словно было два носа Пинокио в волосах. Мысль о том, что она и Аксель жили в доме, где два века назад тысячи девушек удерживали силой, а потом отправляли Королеве Скорби на растерзание, никак не укладывалась в ее голове... плюс тысячи мальчишек зажарены и съедены в этой самой печи Бабой Ягой. Сахарный Домик не смотря на свой сказочный вид, был просто напросто домом ужасов.

— Шу? — позвала Фейбл. Ей стало немного не по себе в тусклом свете подвала. — Ты здесь?

Никто не ответил.

Медленно, Фейбл начала спускаться вниз, все еще бросая крошки, словно боялась, что может заблудиться. Она ступила на пол, где тени от нескольких свечей заплескались на стенах.

— Шу? — повторила Фейбл.

На этот раз, она услышала кое-что в ответ. Ни слова. Лишь всхлипывания и плач. Фейбл потеряла глаза и прислушалась к звукам рыданий. Она предпочла не обращать внимания на жуткие тени на стенах. Наконец, она нашла Шу сидящей посреди комнаты, она обхватила руками гроб Локи.

— Он дышит? — любопытство Фейбл одержало верх. Не было нужды говорить "доброе утро" или прочей подобной ерунды. Она была уверена, что все мысли Шу были заняты сложной загадкой сказок Братьев Гримм, так что подобные жесты были просто неуместны.

Шу рассеянно кивнула, еще крепче обнимая открытый гроб Локи. Это был тот самый гроб, который Аксель вместе со своими друзьями-занудами сделали для него. Локи лежал на спине с закрытыми глазами и скрещенными руками. Аксель одел его довольно глупо: в желтый смокинг и сунул ему букет роз в руки. Локи выглядел таким красивым, когда спал, вылитый заколдованный принц, которому был нужен лишь волшебный поцелуй. Почему в сказках девчачьи поцелуи не возвращали парней к жизни? Почему всегда прекрасный принц, а не прекрасная принцесса?

Уже приблизившись к Локи, Фейбл поняла, что на самом деле это был гроб Шу из замка, теперь же в нем покоился Локи. Двое влюбленных поменялись местами в гробу. Милая и грустная ирония. От одной только мысли у Фейбл на глаза навернулись слезы, на мгновение ее личность вышла за рамки сорванца и вернула ее к реальности. Она задумалась, что если то, что произошло с ней, отразилось на событиях сегодняшнего дня. Быть может, это безумие или неверное заклинание, которое как-то повлияло на ее разум?

Она отогнала от себя эти мысли и, приблизившись к Шу, погладила ее по спине. Шу не только плакала. Она вся вспотела и ее трясло. Лицо было мокрым от слез, ее бледность смешалась с краснотой щек, она вовсе была не похожа на вампира. Ее прекрасные черные волосы вымокли от слез и прилипли к щекам, свернувшись, словно ядовитая змея, вокруг шеи. Фейбл вспомнила, как Шу до смерти напугала ее пару дней назад в Шлоссе. Сейчас она выглядела невероятно слабой и уязвимой.

— Я убила его. — Она уставилась на Фейбл, ее взгляд умолял о прощении, словно Фейбл была священником на исповеди. С ее мальчишеским отношением, Фейбл была совсем не тем человеком, к кому следует обращаться в данной ситуации. Никто не знал, насколько она сама хрупка.

— Ты сделала то, что должна была, — ответила Фейбл, цепляясь за свой странный мужественный настрой, который на этот раз пришелся к месту. Как правило, она сама рыдала до той поры, пока ничего не становилось видно сквозь очки. Но не сейчас. Слезы угрожающим образом высохли, будто по мановению волшебной палочки. Странное чувство мужества внутри нее сильно в этом помогло. Быть может, она просто выросла и научилась не поддаваться эмоциям?

— Нет, — возразила Шу. — Я не должна была убивать его. Я была зла, что он причинил боль Серене. Я была зла, что он снова стал Охотником. Я убила его не из-за необходимости, а из-за ярости, что не удивительно, ведь я — Избранная. — Клыки Шу показались изо рта, не угрожающе, а даже как-то уязвимо.

Фейбл вздрогнула. Она даже сделала шаг назад. Клыки снова напомнили ей о демоническом нраве Шу в Шлоссе.

— Нет. Убийство Локи было необходимостью. Тебе просто не оставили выбора. — Фейбл принялась жевать сухари, чтобы унять свои страхи. Она подумала, что на вкус они

невероятно хороши. — Миркалла, то есть Кармилла, контролировала Локи в Мире Сновидений через Руно. Чтобы один из вас выжил в Дримори, другому пришлось погибнуть. Не ты придумала эти правила. — Фейбл делала все возможное, чтобы успокоить Шу. Но упоминание о Кармилле, натолкнуло ее на мысль, почему она притворялась их приемной матерью все это время? Что было такого особенного в Фейбл и Акселе? — Кроме того, иногда Локи был ужасной задницей в образе плохого парня, — продолжила Фейбл. Упс, я что, только что сказала это вслух? Кто я? словно я проснулась этим утром и стала кем-то другим.

— Я не об этом говорю, — всхлипнула Шу. — Я говорю о том, что мне не удалось его прочесть послание в Мире Между Снами.

Спаси меня!

Обе девушки одновременно вздохнули. Фейбл закинула в рот еще пару сухариков. Если и были какие-то слова утешения, то Фейбл не смогла их найти. Она посмотрела на Шу, молча кивнув, не от недостатка слов, а из глубочайшей печали. Тишина подкралась, словно ядовитый паук по стенам подвала. Странно, какой страшной может быть тишина. Рано или поздно кому-то придется прорваться сквозь ее невидимую паутину.

Глава 5

Лишь звук пережевываемых сухарей нарушил тишину, что довольно сильно смутило Фейбл. Тем не менее, она не могла прекратить жевать. Если бы она не оставила Пиквика на кухне, он бы потешался над ней, не переставая. Неужто, она превращалась в жирного монстра, как и ее братец Аксель? Если подумать, Аксель превосходно подошел бы на роль Ганзеля, подумала она.

— Не понимаю, — произнесла Фейбл. — Локи пытался убить меня и всех детей во Фьорри Телл, потом пытался убить тебя, потом отрубил Серене руки. После всего того, что он натворил, он просил тебя спасти его? Спасти от чего?

— От нее, конечно же. — Казалось, Шу немного обиделась. — Моей матери. — Она опустила голову, словно стыдясь своей семьи. Фейбл посочувствовала. Иногда, она тоже стыдилась своей матери, не смотря на то, что она никогда не видела ее, ведь ты была довольно паршивой ведьмой. — Локи был для нее всего лишь марионеткой. Она управляла им, дергая за ниточки Руна. — Казалось, она злится от того, что ей приходится повторять все это Фейбл. — Я уверена, он бы сделал все возможное, чтобы спасти меня, если бы он был свободен от ее силы. — Казалось, Шу сама считала все сказанное непреложной истиной. Фейбл на мгновение задумалась об Истинной Любви. Неужели она может заставить людей быть уверенными в любви друг друга?

— Но если она контролировала его, как ему удавалось оставить тебе послание? — спросила Фейбл. Как правило, она сама всегда была на стороне Истиной Любви, много раз, когда у Локи опускались руки, она снова и снова заставляла его верить в любовь. Вот только сегодня, она не была уже в ней столь уверена.

— Его подсознание оставило мне послание. Он сделал это с помощью Мира Между Снами, одно из нескольких измерений Мира Сновидений, которое неподвластно Кармилле.

— Тогда почему он не сбежал в то измерение?

— Он сказал, что не может оставаться там надолго. Кармилла бы заметила его отсутствие и начала мучить его через Руно, чтобы только он вернулся. Она наблюдала за Дримори через хрустальный шар, используя Руно Локи. В этом и заключался весь смысл

отправлять его следом за мной. Я думала, что она хочет заставить его убить меня. Вместо этого, у нее оказались куда более возвышенные цели. Она хотела разузнать о моей дружбе с Сереной, чтобы узнать, как ей собрать воедино зеркало Андерсона.

— Я все еще не въезжаю во всю эту ситуацию с зеркалом Андерсона, но все равно. — Фейбл вздохнула и подобрала с пола упавшие хлебные крошки. — Так значит, ты попросила его спасти тебя два дня назад в замке, а потом он сам попросил тебя о подобном, только день спустя?

На самом деле это был даже не вопрос. Она напоминала самой себе, каким чудовищем может стать красавица, и каким прекрасным может стать чудовище.

— Мне жаль Локи. — Шу потеряла закрытые глаза. — Правда, жаль. Я бы лучше убила саму себя кинжалом прямо сейчас.

Фейбл потеряла дар речи. Если влюбленные способны на самоубийство, тогда это стремно. Тем не менее, она снова шагнула к Шу и погладила ее по спине, продолжая играть свою роль, которую от нее ожидали. Ту роль, которую она и сама ожидала от себя самой. Быть может, я сегодня проснулась бессердечной? Потому что во мне нет моего обычного сочувствия.

— Не понимаю, почему я — Избранная, — продолжила Шу, разговаривая с телом Локи. — Я не смогла спасти Серену, и не смогла помочь тебе, когда ты так в этом нуждался.

Она замолчала и повернулась к Фейбл.

— Мой Бог. Я ведь позволила Серене умереть. — Она поднялась и хлопнула себя ладонями по щекам. У Фейбл промелькнула мысль, что смерть Локи превратила Шу в плаксивую девицу. Она больше нравилась ей в Дримори, когда та дралась и убивала, отстаивая свои права. Или, быть может, это была Серена, когда та вдохнула в бледную принцессу жизнь своей стеклодувной трубкой? Быть может, подобный эффект остался лишь в Мире Сновидений. — Эта девушка вдохнула в меня жизнь, когда я безжизненная лежала на столе в покоях моей матери. А я позволила ей умереть.

Шу бросилась в объятия Фейбл, вынуждая ту бросить мешок с сухарями. Фейбл удивилась, почему всем сегодня так нужны были ее объятия. Все же, она крепко обняла Шу в ответ. На самом деле, чем дольше Фейбл держала ее в объятиях, тем сильнее снова сочувствовала ей. Быть может, всему виной близость трепещущее сердце Шу? Фейбл задумалась, может она скоро загремит в психушку.

— Я так люблю Серену! — Шу сотрясло рыдание, словно ее начал трясти невидимый демон. — И я любила Локи. Я любила их, Фейбл! И я позволила им умереть.

Фейбл отстранилась от Шу только для того, чтобы утереть ее слезы и убрать волосы от лица. Выражать сочувствие было так приятно. Так приятно было вновь почувствовать себя прежней Фейбл. Она так надеялась, что это чувство не испарится через несколько мгновений.

— Расскажи мне, — попросила Фейбл. — Расскажи мне, как сильно ты любила Локи. Поведай об Истинной Любви. Какого это — испытывать ее? — Это был самый, что ни на есть искренний вопрос от девушки, которая никогда не ходила на свидания с парнем, не смотря на то, что Аксель считал по-другому.

Казалось, вопрос успокоил Шу. Она всхлипнула еще разок и вытерла слезы. Все выглядело так, будто бы она, в самом деле, хотела поделиться тем, что же на самом деле значит настоящая любовь, но она, казалось, не могла подобрать нужные слова.

Наконец, она приложила ладонь к груди, немного озадачив Фейбл.

— Все, что я могу сказать, я чувствую его здесь, — произнесла Шу. — Даже не смотря на то, что он мертв, он в моем сердце. Не знаю, как объяснить.

Фейбл задержала взгляд на сердце Шу. Ее несколько смущало приложить руку к собственному сердцу, она знала, что в нем никого не было. Сколько бы ее не посещала мысль, что это всего лишь клише, она удивилась, что однажды в ее сердце тоже кто-то поселится.

— Тогда мы должны вернуть его. — Фейбл оторвалась от собственных мыслей.

Сейчас лишь Шу и Локи имели значение. Если она сама не в силах найти любовь, это еще не значит, что ей следует завидовать, когда как она может помочь кому-то обрести ее.

— Если Чармвилля можно воскресить с помощью Истинного Имени, тогда и Локи тоже. Теперь мы знаем, что его зовут Локи Ван Хельсинг. Это его Истинное Имя. Все что нам нужно — найти нужное заклинание.

— Я так не думаю, — простонала Шу. — Он был убит во сне. Убитые во сне не могут проснуться. Это первое правило Мира Сновидений. Я уверена, Локи рассказывал об этом. Он умер безвозвратно.

— Да нет же, — раздался голос наверху.

Фейбл и Шу обернулись и увидели Акселя. Фейбл прищурилась на мгновение, чтобы прочесть слова у него на майке. Там говорилось: Акселиус Великий — Никогда не Поздно!

— Если верить Братьям Гримм, Локи в состоянии Спящей Смерти, как Шу в книгах, когда Прекрасный Принц явился и пробудил ее поцелуем. Ты пыталась поцеловать Локи? — Повернулся он к Шу.

— Пыталась, — ответила Шу, она покраснела. — Не сработало.

— Ужас! — воскликнул Аксель. — Но должна же ты была попытаться. Я и сам однажды поцеловал его у Шлосса, пытаюсь сделать ему КПП.

— Если ты в ужасе, почему спрашиваешь у нее? — нахмурилась Фейбл.

— Хотелось проверить, на что способны люди с этой Истинной Любовью, — Аксель пожал плечами. — Да, не, шучу. — Он отмахнулся. — Почему бы вам, девочки, не выбраться из подвала и подняться сюда. Думаю, нам нужно обсудить пару моментов.

— Например? — поинтересовалась Шу, неохотно покидая Локи.

— Например? — взвизгнул Аксель. — Seriously? Например, что нам делать с Истинным Именем Чармвилля? Как так вышло, что Чармвилль — Карл Якоб Гримм. Почему Кармила притворилась нашей приемной матерью. Искать нам Серену на острове Мурано, чтобы ее не нашла Королева и обрела контроль над Зеркалом Андерсена? Ведь мы знаем, что Серена — Феникс и у нее есть способность перерождаться. В моей голове теснится так много вопросов, а ты спрашиваешь меня "например"?

— Он прав, — согласилась Фейбл. — Мы должны найти вопросы, в противном случае, у нас даже не останется времени на спасение Локи.

— Кроме того, у Акселиуса Великого, — он гордо ткнул пальцем в себя, — есть идея, что предпринять дальше.

— Правда? — спросила Шу.

— Определенно, — произнес он. — Я знаю, кто поможет нам вернуть Локи.

Глава 6

Не смотря на то, что все жаждали послушать теорию Акселя о воскрешении Локи, им пришлось подождать, пока Шу примет душ. Она была не только вся в слезах, а еще и в крови

Серены и Локи с самого Мира Сновидений. Казалось, Шу не спала прошлой ночью, пока Аксель всю ночь храпел, в Фейбл мучили кошмары.

Пока Аксель ждал на кухне, пытаясь подружиться с Пикивком, Фейбл снова принялась искать сухарики, разбросанные по крыльцу. Она сказала Акселю, что скоро вернется, Шу как раз хватит времени, чтобы умыться и переодеться. Казалось, Аксель пришел в ярость из-за пропущенных звонков и сообщений на телефоне. Он ответил, что у них с Шу есть пятнадцать минут, прежде чем он уйдет по важному делу.

Фейбл, словно загипнотизированная, шла по следу из хлебных крошек и сухарей. Она не могла описать словами ни чувство, ни то, что случилось с ней. Она чувствовала себя комфортно в своей мальчишечьей одежде. Она продолжала идти, пока снова не вышла к машине Локи. Только тогда она поняла, зачем она пришла сюда. Все из-за Кармен. Как Фейбл смогла слышать радио, когда как оно играло лишь в присутствии Локи?

Фейбл осторожно открыла дверцу. Она медленно сунула в салон ногу, потом другую, затем села за руль. На этот раз радио не заиграло. Фейбл задумалась, что если где-то был выключатель, а она не заметила его. Она постучала пальцами по рулю, продолжая развивать мысль.

— Кармен? — неохотно прошептала она. — Ты меня слышишь?

Кармен не проявила ни намека на узнавание.

— Если ты слышишь меня, прошу, ответь, — прошептала она. — Нам нужна твоя помощь, чтобы вернуть Локи обратно.

Кармен не шелохнулась.

Фейбл задумалась, что если ей померещилось, что радио играло пару минут назад. Она откинулась на спинку сиденья и снова постучала пальцами по рулю. Ей понадобилось какое-то время, чтобы заставить себя ударить Кармен, как Локи когда-то. Она, сперва, легонько стукнула ее, а потом уже сильнее. Ничего не произошло.

Фейбл почесала подбородок. Она побеждено выдохнула и потянулась к ручке дверцы, чтобы вернуться в Сахарный Домик. Двигатель Кармен мгновенно ожил. Это было глупо и немислимо. Фейбл на пару мгновений замерла, пока машина привычно мурлыкала. Она снова попыталась заговорить с Кармен, но машина только заглохла. Никакие удары и пинки не смогли вернуть ее к жизни.

Фейбл опомнилась только тогда, когда открыла дверцу и побежала обратно в Сахарный Домик. Она смутилась, и ощутила необъяснимый страх в глубине сердца. Как ей удалось завести Кармен, когда такое было под силу лишь Локи? Она начала мечтать о том, чтобы этот безумный день поскорее подошел к концу, и завтра ее жизнь снова стала бы нормальной.

***

В доме, Шу переоделась в платье из шкафа Фейбл. Оно было немного тесновато, но Принцесса не стала жаловаться. На самом деле, Фейбл даже загордилась, что та одела ее платье.

— Милый наряд, — прокомментировала Шу одежду Фейбл, словно она только что заметила.

— Да она выглядит, как мальчишка, — проворчал Аксель.

— Она похожа на задиру, — сказала Фейбл, подмигнув Фейбл, которая мгновенно залилась краской.

— Да пофиг, — ответил Аксель.

— Итак, поведай нам, как воскресить Локи, — сказала Фейбл.

— Перед этим, я должен объяснить вам, почему Локи наша единственная надежда, — начал Аксель. — Давайте начнем с того, что не смотря на то, что все это сложно и запутанно, наша главная цель — найти Семерых Потерянных раньше Королевы, чтобы она не смогла отобрать у них сердце Шу и слопать его, как ей когда-то хотелось.

— Согласна, — промолвила Фейбл. — Чем больше я думаю обо всем, что произошло, тем чаще я возвращаюсь к этому. Кармила жаждет сердце Шу, и все что ей нужно — это найти Семерых Потерянных. Зеркало Андерсона и другие загадки второстепенны по отношению к главной проблеме.

— Ну, тогда ей удалось узнать, что Серена — ключ к управлению зеркалом, — сказала Шу. — По-крайней мере, сейчас она уверена, что девушка одна из Семи Потерянных.

— Тоже самое и у нас, — сказала Фейбл. — Мы также знаем первого из Семи Потерянных, и у нас есть подсказки, что оставлены в дневнике Я.Г о прочих шести.

— Знаю, — ответила Шу. — Аксель показывал его мне. Проблема в том, что я их не помню. Все, что я помню, это что Локи был Охотником. Я знала это с того самого момента, как меня заточили в Шлоссе.

— Что сбивает с толку, — перебил Аксель, которому удалось переубедить Пиквика перебраться на другое плечо. — Я имею в виду, если ты не помнишь никого из Семерых Потерянных, откуда тогда ты помнишь Локи?

— Все упирается в хронологию, — предложила Фейбл. — Большинство из тех событий, что произошли до того, как она разделила свое сердце, Шу помнит. Должно быть, она повстречала Семерых Потерянных уже после этого. Верно, Шу? — Прежде чем Шу смогла ответить, Аксель перебил ее: — Тогда почему Шу не вспомнила Серену?

Шу выглядела, мягко говоря, озадаченной. Казалось, она пытается выжать из своей памяти хоть малейшее объяснение, но, похоже, ей это не слишком удавалось. У Фейбл даже промелькнула мысль, что у Шу тоже раздвоение личности, что она сама испытала сегодня.

— Я не уверена, — сказала Шу, выглядя смущенно, что вовсе не проливало свет на суть вопроса. — Что-то я знаю, а что-то нет. Я понятия не имею как.

— Знаешь или помнишь? — поморщился Аксель.

— Что это вообще значит? — Фейбл снова начала злиться на Акселя.

— Он прав, — сказала Шу Фейбл. — Есть вещи, которые я лишь знаю, но не помню.

— Что? — Фейбл не поняла сказанного.

— К примеру, я ясно помню некоторые моменты того, как Локи был Охотником, — объяснила Шу. — Но я не помню, как мы влюбились.

— Нет, это вообще тут не поможет, — Аксель нахмурился еще сильнее. Фейбл заметила, что ему не понравилось это утверждение. Исследования и теории Акселя по большей части всегда были верны. — Тогда откуда ты знаешь, что любишь его? — спросил он, озвучивая вопрос, который был на уме у Фейбл.

Шу опустила голову на мгновение, заламывая пальцы. Она знала ответ, Фейбл была в этом уверена. Ей было неловко признаться в этом:

— Я просто знаю, — наконец выдала она.

Глава 7

— Ты просто знаешь? — Аксель напрягся. Пиквик улетел.

— Почему это так важно, Аксель? — спросила Фейбл, зная, что Шу может сорваться под его давлением. — Он ведь оставил ей "спаси меня" сообщение, разве нет? И она встретила его в Мире Между Снами, где они влюбленными сидели на маковом поле.

— Не в этом суть, — ответил Аксель. — Знаешь, сколько деталей мы упускаем, которых она не помнит? Только представь, как важно знать, каким образом хладнокровный и кровожадный Охотник влюбился в Шу? — Аксель стиснул кулак и прижал его к губам.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. — отмахнулась Фейбл. — Кроме того, какое это имеет отношение к тому, что ты собираешься нам рассказать?

Аксель закрыл глаза и сделал глубокий вдох, прежде чем разжать кулак. Он снова открыл их и произнес:

— Ладно. Я перенервничал. Теперь, вот что я узнал...

— Короче.

— Всенепременно, — ответил он, снова глядя в телефон. Фейбл удивилась, куда это ему так срочно понадобилось идти. Не похоже, что у него появилась девушка.

— В общем: в данный момент Истинное Имя Чармвилля для нас бесполезно. Не смотря на это, я умираю от желания узнать кто такой Вильгельм Гримм, мы не также не знаем, где находится тело Чармвилля, а еще мы не знаем заклинания, чтобы вернуть его назад.

— Согласна, — сказала Шу. — Что на счет Серены? Разве я не должна искать ее на Мурано?

— Нет, — со всей серьезностью ответил Аксель. — Потому что мы не знаем, как она выглядит сейчас, или в самом ли деле она на острове Мурано. Не думаю, что нам можно попасть на этот самый Мурано. — Аксель замолчал на мгновение, словно в него запульнули снежком. — Если подумать, не думаю, что из Скорби можно вот так запросто уехать.

— Так что ты предлагаешь? — спросила Фейбл. Ей не хотелось думать о том, что, скорее всего, она никогда не сможет уехать из Скорби, и что Локи был единственным пришельцем. Но ведь Люси уехала, разве нет? — Расскажи нам лучше что-нибудь полезное.

— Как я уже говорил, самое главное — найти Семерых Потерянных, — объяснил Аксель. — У каждого из них своя история и своя загадка, которую мы должны разгадать, когда повстречаем их. Наша цель — собрать их и найти подходящее заклинание, чтобы они смогли вернуть сердце Шу, прежде чем Кармила вонзит в него свои змеиные клыки.

— И что?

— И то, чтобы у нас все вышло, нам по-прежнему нужен Охотник за Сновидениями, — ответил Аксель. — Нравится вам это или нет, это приключение по большей части будет проходить в Мире Сновидений, а туда нам не попасть.

— Потому столь важно попытаться воскресить Локи, — догадалась Фейбл. — Он — единственный Охотник за Сновидениями, которого мы знаем.

— Но Локи мертв. — Шу снова была готова расплакаться. — Убитые во сне, уже не проснутся. В этом вся суть ремесла Локи.

— Нет, Шу. Ты ошиблась, — возразил Аксель. — Ремесло Локи — убивать вампиров во снах. Даже если те же самые правила применимы к людям и Охотникам за Сновидениями, у меня есть решение.

— Ты уже говорил это прежде! — нетерпеливо сказала Фейбл.

— Знаю, — вздохнул Аксель. — Решение здесь. — Он вынул дневник Я.Г.

— Как это так?

— Выходит, что можно вернуть того, кто был убит в Мире Сновидений, если будут

выполнены три условия, — сказал Аксель.

— Правда? — спросила Шу.

— Да, правда. Но предупреждаю, некоторые из условий довольно... странные.

— Плевать, — отрезала Шу. — Мне все равно, лишь бы воскресить Локи.

— Первое самое легкое. Тебе нужно знать Истинное Имя Локи, — сказал Аксель. —

Что у нас уже есть.

— А второе? — спросила Шу.

— Оно в самом деле странное, — ответил Аксель. — Если умерший был убит в Мире Сновидений своей Истинной Любовью. — Аксель почесал макушку.

— Странно, — пробормотала Фейбл. — Будто влюбленным больше заняться нечем, кроме как убивать друг друга.

— Ну, этот Я.Г. утверждает, что подобное происходит сплошь и рядом, — начал оправдываться Аксель. — Потому что, когда влюбленные оказываются в Мире Сновидений, им приходится пройти через многое, как, к примеру, Локи и Шу в последнем сне...

— Только тогда один из них может вернуться, — рассеянно пробормотала Фейбл, вспоминая ужасный лиловый круг Храм Сна. — Столько влюбленных попали в Мир Сновидений, и все кончалось тем, что им пришлось убивать друг друга. Так дико.

— Какое третье? — нетерпеливо спросила Шу.

— Прежде чем мы перейдем к третьему, — начал Аксель, — вы должны понять, что Я.Г. настаивал на том, что двое влюбленных испытывали Истинную Любовь. — Он посмотрел на Шу. — Самую что ни на есть настоящую любовь!

— Так вот почему ты спрашивал, — произнесла Шу. — Поверь мне, Аксель, — она снова приложила ладонь к груди, — мы — влюблены. Эта любовь Истинная. Я знаю это и ощущаю ее всем сердцем. Ты можешь не понимать насколько это чувство сильное.

— У меня как-то была парочка свиданий. — Аксель ненароком бросил взгляд на ее ладонь, прижатую к груди. — В любом случае, Я.Г. утверждает, что Истинная Любовь зовется в Мире Сновидений Пословицей.

— Пословицей? — Шу выглядела так, словно ей уже приходилось слышать это слово прежде.

— Пословица — это любовь, не знающая границ, неудач, времени, места или расы, — прочел Аксель. — Никто не может объяснить, что же такое Пословица словами. Влюбленные обычно относятся к ней как к выдающемуся чувству, которое сами не в силах объяснить. Тем не менее, они утверждают, что она в их сердце, не в переносном смысле, а в самом что ни на есть физическом.

Фейбл предпочла промолчать. Она до сих пор не понимала, что такое Истинная Любовь. Она подумала, что это клише, не более.

— Именно это я и сказала, — вспыхнула Шу.

Аксель бросил взгляд на свое сердце, и на ум ему пришла только еда.

— Так какое третье условие? — спросила Шу.

— Руно, — ответил Аксель. — Если бы мне каждый раз давали по доллару, когда в разговоре всплывает Руно Локи...

— Как мы его достанем? — спросила Шу.

— Оно у Кармиллы, — сказала Фейбл. — Может нам нанять кого-нибудь и отобрать его у нее. — В ней снова заговорила ее мужественная сторона. Сама же она предпочитала свою милую и сопереживающую сторону, любящую обнимашки.

— Нет, так дела не делаются, — ответил Аксель, закрывая дневник Я.Г. — Я знаю кто поможет нам вернуть Руно Локи. — Он взял пачку сигарет Локи с кухонного стола... Фейбл избегала ее весь день, поскольку у нее возникло страстное желание закурить, но она сама всегда была категорически против курения.

Аксель чиркнул спичкой и зажег сигарету. Шу и Фейбл немного озадачились.

— Готовы к помощи? — спросил Аксель, держа сигарету. — Потому что мне придется уйти, как только она прибудет.

— Уйти? — спросила Шу.

— Кто-то весь день писал ему смс-ки, — вспомнила Фейбл. — Я думаю, что у него появилась подружка.

— Пиквик! — позвал Аксель попугая, с которым только что подружился. Пиквик прилетел, приземляясь на плече Акселя. — Я ненадолго возьму его с собой, если не возражаете, — сообщил он девушкам.

— Делай что хочешь, — вздохнула Фейбл. — Просто скажи, что ты собираешься делать с этой сигаретой?

— Я вызову кое-кого, кто действительно может нам помочь, — сказал Аксель и сделал затяжку. Он мгновенно закашлялся.

— Вызовешь? — переспросила Шу. — Что ты имеешь в виду?

Прежде чем Аксель разразился кашлем, ведь прежде он никогда не пробовал курить, домик снова затрясся. На этот раз Кит тут был не причем. Дым закружился и все вокруг закашлялись. Пару мгновений спустя, он начал рассеиваться, и нечто начало вырисовываться посреди комнаты. Шу и Фейбл схватились друг за друга, будто бы увидели привидение. Мгновение спустя, Фейбл все же поняла на кого смотрит, на очертания женщины со сломанной шеей и деформированным телом, словно зомби. Аксель уже успел ускользнуть из домика, в то время как Фейбл шагнула вперед, высвобождаясь из рук Шу, и протянула руки к вызванному духу, приветствуя его:

— Бабушка! Ты вернулась!

Глава 8

Шлосс

Люси ждала в Шлоссе. Она подумала, что это самое подходящее место, чтобы прочесть дневник Королевы Скорби. Она будет одна одинешенька в заброшенном замке, к которому по доброй воле не согласится приблизиться ни один из жителей Скорби. Она приняла решение послушаться Королеву и самой прочесть дневник. Люси даже не знала, как она смогла осмелиться на подобное, но чем больше ее глаза зудели, тем большую уверенность она ощущала, что сможет пожертвовать ради этого своей жизнью.

Что же Королева сделает? Подумала Люси со злобной улыбкой на губах. Что если некто могущественный, как Кармила не сможет заполучить дневник самолично, Люси предположила, что он слабое место Королевы. Тем не менее, наверняка она этого не знала, однако она снизошла до того, чтобы попросить кого-то вроде Люси добыть для нее дневник. Глупо, но Люси не собиралась упускать такую возможность.

План Люси — прочесть дневник, на самом деле не был планом. Это был чистый импульс и любопытство. Она решила прочесть дневник и узнать о секретах Королевы, и, быть может, шантажировать ее этим в ближайшем будущем. Если это была так называемая Песочная Книга, которую можно было прочесть лишь раз в сто лет, какова тогда цена, если

девушка решит прочесть ее?

Но Люси не собиралась проворачивать подобное в одиночку, к таким приключениям она не была готова. Она ждала кое-кого, кем по ее мнению она могла прекрасно манипулировать и чьими знаниями могла беспрепятственно воспользоваться. Этот некто прямо сейчас входил в двери замка.

— Аксель, — нахмурилась Люси. — Почему так долго?

Аксель медленно ступал по каменному полу Шлосса. Не смотря на то, что он бывал здесь множество раз, Шлосс все время пытался их прикончить. Он мог сотворить землетрясение в любой момент, если ему только не понравится то, чем они будут заниматься.

— Я провозился с Пиквиком, пока запихивал его в клетку. — Он вышел на середину замка с высоким потолком и показал ей клетку, укрытую платком.

Люси сдернула платок, радостная от одного только взгляда на Пиквика, который весь скрючился в позе зародыша, закрыв глаза.

— Думаю, он напуган, — сказал Аксель. — Я чувствую себя отвратительно, поступая с ним так.

— Но почему? — обернулась Люси, облизывая губы, глядя на него. Она метнула в него один из своих соблазнительных взглядов, которые приберегала для своих парней, прежде чем заполучить их в свои сети. — Разве ты делаешь это не ради меня? — Она обвила руки вокруг его шеи.

Аксель так громко пожал плечами, что по замку прокатилось эхо. Не смотря на то, что ему хотелось взглянуть на нее, его взгляд нервно метнулся вправо, а потом влево. Люси был хорошо известен подобный типаж парней, которые еще никогда не целовались с девушкой.

— Наверное, — выдавил он. Люси увидела, как ему хочется обнять ее в ответ, но он не решался, так что она схватила его за руки и обвила ими себя. — Но я вправду потеряю доверие Чармвилля и Локи, вытворяя подобное.

— Это того стоит. — Люси прильнула к нему. Она не собиралась целовать его, даже если бы он владел всеми Сокровищами Соломона. Весь трюк заключался в том, чтобы пообещать ему что-либо, а потом не сдержать слово, иначе, как бы ей удалось поймать Пиквика? — Я этого точно стою, — добавила она, снова метнув в него еще один соблазнительный взгляд.

— Я потеряю доверие Фейбл и Шу, — сказал он, облизывая губы.

— Зато они все поблагодарят тебя после, когда узнают секреты Королевы, — сказала Люси. — Иногда люди сами не знают, чего хотят. Но ты знаешь.

— Знаю?

— Поэтому ты всегда мне нравился.

— Правда?

Люси кивнула, кусая губы. Аксель покраснел; надув щеки, он склонился к ней, желая поцеловать ее. Люси озадачилась, как быстро он проглотил приманку. Если по ее словам он нравился ей, почему тогда она так плохо относилась к нему в школе? Разве это не приходило ему на ум?

Она отодвинулась и снова вернула себе серьезное выражение лица.

— Теперь, нам нужно открыть клетку, — потребовала она. Пиквик испустил жалобный писк. — Ты будешь держать этого глупого попугая, пока я буду превращать его в Песочную Книгу.

Аксель немедля бросился исполнять ее приказы, пытаясь избежать обвиняющего взгляда Пиквика.

— Мы должны, Пики. — Он фальшиво улыбнулся, открывая клетку. — Секреты Королевы для нас крайне важны.

Пиквик вырывался из хватки Аксея, пытаясь освободиться. Он выглядел так, словно пытался сказать им что-то. Люси видела это, но ей было наплевать. Если он должен был сообщить им нечто такое, почему тогда Чармвилль сделал его немым?

— Держи его крепче, Аксель, — потребовала Люси. — Или же мы потеряем самую ценную информацию, какая только попадала мне в руки.

Что Аксель и сделал, пытаясь больше не смотреть на Пиквика, иначе его сердце растает, и он отпустит его.

— Я хотел спросить тебя кое о чем, Люси, — сказал он Люси. — Если ты так любишь Королеву Скорби, зачем тебе читать ее дневник?

— Она нравится мне, потому что я хочу стать такой как она, — ответила Люси. — Если у меня будет дневник, я смогу научиться быть ею, тогда Кармила мне больше не понадобится.

— Отчасти странная логика, — пробормотал Аксель. Люси знала, что Аксель ни за что не примет сторону Королевы. Он делал это лишь потому, что до сих пор не мог поверить в то, что Люси Румпельштейн позвала его и сказала, что он ей нравится. Люси же планировала избавиться от него, как только прочтет дневник.

— Ты ведь знаешь, что Чармвилль звал Пиквика Книгой Прекрасной Лжи, верно?

— Да, Кармила рассказала мне. Почему?

— Я имею в виду, все, что написано здесь может оказаться полнейшей ложью, — пояснил Аксель.

— Нее. — Мотнула головой Люси. — Кармила сказала мне, что это одна из проделок Чармвилля. Он назвал ее так потому, чтобы люди принимали все за выдумки. — Люси разузнала этим утром все необходимое у Королевы Скорби.

— На самом же деле, Пиквик хранит правду всех сказок. Потому Чармвилль сделал его немым, думаю.

— Вот это новости. Тогда как мы превратим Пиквика в книгу?

— Королева и об этом мне рассказала. — Усмехнулась Люси. — Просто покрепче держи эту чертову птицу. — Она взглянула в глаза бедняге Пиквику и произнесла:

— Тик, ту, тик, так, ток! — стуча по клюву попугая на каждом слоге.

Внезапно, взгляд Пиквика окаменел, а его тело сжалось. Его крылья обернулись корками книги, а клюв в обсидиановый замок, который Люси отомкнула, используя те же слова. Аксель смотрел во все глаза, восхищенный магией. Мгновение, и он начал листать страницы, но Люси остановила его.

— Что ты делаешь? — прорычала она. — Эти страницы из песка. Их можно прочесть лишь раз в сто лет.

— Но как мы найдем дневник Королевы Скорби?

— Она рассказала мне как. — Надулась Люси и отобрала у него Прекрасную Книгу Лжи. Она взмахнула пальцами над распахнутой книгой и произнесла "Явиги".

Аксель был впечатлен связью. Он увидел, как страницы в книге переворачиваются, наконец, останавливаясь на одной единственной странице. Люси склонилась над ней и прочла:

Дневник Кармиллы Карнштейн, написанный в Канун Дня Всех Святых, 1803 год.

Сердце Люси затрепетало, и она обменялась взглядами с Акселем.

— Теперь можешь уходить, — сказала она ему.

— Что? Почему? — возмутился он. — Ты же не планировала прочесть его одна. Кроме того, я мог бы помочь с анализом множества секретов. Ты ведь знаешь, я в этом хорош.

Люси на мгновение задумалась над этим, а потом вздохнула.

— Ладно. — Она снова обратила свой взор на книгу, сделала глубокий вдох и перевернула первую страницу. Она начала читать...

Глава 9

Дневник Королевы

Канун Дня Всех Святых

10 год Царствования Короля Ангела фон Сорроу

1803 год от Рождества Христова в Реальном Мире.

1 день до Затмения.

Дорогой Дневник,

Сидя здесь, в своих королевских покоях, я пытаюсь заставить свои дрожащие руки начертать на бумаге нечто полное печали и скорби, не думаю, что кто-нибудь сможет по-настоящему понять или поверить в это. Все хорошо, я залюбовалась полной луной на полночном небе за окном замка. Моим желанием было "помедитировать" — практика моего мужа, Ангела фон Сорроу, которой обучил меня этому давным-давно. Это означает расслабиться и очистить мысли на пару минут, чтобы ощущать себя непринужденно, не смотря на все давление, что оказывают на тебя. Ангел привык называть это Чантой, он практиковался в этом в одиночку, в лесу, когда ему необходимо было подавить желание высосать чью-нибудь кровь, и полностью обратиться в безжалостного вампира, как его отец.

Нужно помедитировать, прежде чем я смогу выдержать те слова страданий и скорби, которые я собираюсь написать. Я постараюсь воспроизвести свою историю живо и честно по мере возможностей...если б только существовало такое словосочетание "правдивая история"; нам ведь всем известно, что мы бессознательно вплетаем свою ложь и неточные воспоминания в каждой сказке, что рассказываем.

Когда медитируешь, лучше всего смотреть на луну. Прекрасную луну Королевства Скорби. Дорогая луна, ради всех тех секретов, что мы храним, прошу, пролей свой свет на меня, пока я сознаюсь в этом. Я отчаянно нуждаюсь во всем том свете, что ты подаришь мне сегодня. Прощу, дай мне сил начать написать этот дневник и придай мне храбрости, чтобы закончить его.

Не знаю, для кого я пишу этот дневник, и понятия не имею, кому захочется его прочесть, на случай, если я не вернусь после того, что я задумала совершить. Я даже не уверена, для кого предназначен этот дневник. Быть может, я просто пишу все это, чтобы, в конце концов, принять решение. Правда в нас размыта и неясна, пока она не принимает очертания на бумаге. Написание этих слов поможет мне прозреть и понять, как я стала той, кто я есть. Надеюсь, я смогу найти некую мудрость и смысл в том, что пишу. Ведь для этого на самом деле и существуют дневники. Разум — залог хитрой реальности; чаша воспоминаний и восприятия, где личность может затеряться. Написанные слова режут острее меча, они способны раскрыть наши души, словно кровоточащие книги. Как только ты

откроешь одна такую, правду уже не скрыть. Один известный писатель нашего королевства однажды сказал: "Если не о чем писать; остается лишь сесть и истечь кровью." Я искренне верю ему.

В этом дневнике, я попытаюсь уловить самую суть того, что произошло со мной с самого начала. Не на все важные вопросы будут даны ответы, впрочем, кое о чем я расскажу. О себе. И только о себе. Потому что я в жертву принесли лишь меня. Все кроется в природе вещей: какими они были и какими стали. Меня поражает, когда кто-нибудь упускает самую суть какой-либо сказки. Как можно судить об истории, или о ее персонаже, не узнав начало истории? Как можно судить меня, Королеву Скорби, даже не зная, через что мне пришлось пройти?

Я чувствую, как стены Шлосса сужаются вокруг меня, мучая невыносимыми воспоминаниями, невообразимыми событиями, и непростительными поступками. Тьма ложится на эти стены, словно крадущиеся тени, которые погрузят мир во мрак навечно. Я чувствую себя так, словно я в ловушке в чреве самого кита за все мои грехи и нет мне за них прощения. Сказать по правде, здесь не только мои проклятые воспоминания...здесь мое будущее. Я пишу все это потому что вот-вот должно произойти одно душераздирающее событие. Событие, о котором я сейчас даже не могу говорить. Все, что я могу сказать, что через пару часов, когда часы пробьют двенадцать, я буду вынуждена сделать нечто ужасное, невообразимое и по-настоящему непростительное, нечто, что в дальнейшем прояснит не только мою судьбу, но и судьбу всего Королевства Скорби. Если бы Вы оказались в моей ситуации, чтобы Вы выбрали? Наименьшее зло, чтобы предотвратить ущерб, или же наибольшее, которое положит конец всему? Во всяком случае, начну сначала: со дня, когда мир заключил меня в свои сети обмана.

Глава 10

В день моего рождения, на Можжевелевом Дереве в саду нашего замка выросло единственное яблоко. *Проклятое Яблоко.*

То был весьма редкий фрукт; самый востребованный в Европе. Яблоко непревзойденной сладости и неземной спелости. Некоторые приписывали ему лекарственные свойства, а также считали символом богатства и защитой души против одержимости демонами. Его редкость и вкус были сравнимы разве что с золотом и бриллиантами, если б только те можно было есть. Появилась даже известная поговорка: "Проклятое Яблоко в день и все Скорби долой". Немногие знали, почему слово "Скорбь" было капитализировано в этом предложении. Я и сама узнала, почему лишь годы спустя.

То единственное, наивкуснейшее Проклятое Яблоко, что выросло в день моего рождения, было еще ценнее. Оно было первым за семь лет, что выросло на моей родине, Штирии. Безымянная ведьма...мы не произносили ее имени..., прокляла мою родину в Восточной Европе, много лет назад. Каждый раз, когда дерево плодоносило, яблоко на нем гнило и кишело червями. Никакими чудесными заклятиями и молитвами не удавалось снять проклятие. Поговаривали, что эта ведьма была прародительницей всех ведьм, что ее душа темнее глубокой ночи. По каким-то непонятным для меня причинам, она прокляла нас, не имея намерения избавлять нас от своего злобного присутствия.

Все изменилось в тот день, когда я появилась из чрева матери на свет божий. Никто не знал, как это было возможно, или почему произошло. Все в один голос твердили, что я особенная принцесса, которая будет расти и процветать и, однажды, быть может, будет

управлять Штирией. Слуги в нашем замке пускали слюнки от одного взгляда на красное и спелое яблоко. Они смотрели так, словно это был источник молодости, который мог бы утолить их жажду и омолодить их душу. Некоторые падали на колени и воздавали хвалу Помоне, Богине Плодородия, которую никто никогда не видел, за ее благословение. Но Помоне молились сплошные дурни, прочие же на нашей земле знали, что это я спасла их. Я обладала силой, чтобы бросить вызов той ведьме, чье имя не называют. Мое рождение, Кармиллы Карнштейн, дочери Теодоры и Филлипа Второго, стало чудом из чудес. Мой приход в этот мир стал откровением, знаком, и некоего вида восторгом: первое Проклятое Яблоко за семь лет.

То малое, что мне удалось узнать, то было не удачное совпадение, не просто сказочка для бедняков и крестьян Европы. Откуда мне было знать, что я часть вселенского плана в вечной вражде между добром и злом? Появление прекрасного ребенка, цветущих яблонь и конец проклятия было лишь прелюдией к эпической сказке о любви и скорби.

***

Моя матушка была красивой, но ужасно упрямой графиней Теодорой Гольдштейн; позднее она рассказала мне, почему яблоки называют проклятыми. Не смотря на то, что точно сам никто не знал, существовало множество легенд. Одни полагали, что всему причиной цвет и сок яблок. Другие же говорили, что древние племена убивали друг друга ради этих яблок, оттого они и кроваво-красные. То было необычное яблоко, то, что сняло семилетнее проклятие, с его помощью Штирия добилась экономического благополучия, за которое долгое время сражались, почти умирая с голоду, в предыдущие годы снежные бури бушевали не утихая...виной тому, вероятно, была безымянная ведьма. Прежде, экономика Штирии была основана на экспорте яблок.

Существовала некая народная древняя легенда, которая для меня оказалась бессмысленной, но ее мне рассказала матушка. Она была о парне по имени Пирам и девушке, по имени Фисба, они влюбились друг в друга вопреки воле родителей, две семьи терпеть не могли друг друга. Они жили в Древней Греции, где яблоки до сих пор были белыми... в действительности об этом знают лишь немногие историки. Позднее, при весьма необычных обстоятельствах, Фисба покончила с собой, ошибочно полагая, что Пирам отравился. Фисба пронзила себя кинжалом. Говорят, ее кровь попала на яблоки, близстоящего дерева, и Боги в честь их Истинной Любви даровали яблокам красный цвет вплоть до Судного Дня. Те первые яблоки и называли Проклятыми.

— Много лет назад, — сказала мне матушка, — человек по имени Шекспир украл эту историю, вот только переименовал ее в Ромео и Джульетта. Он украл множество историй.

— Но слуги говорят, что Шекспир величайший писатель всех времен и народов, — возразила я.

— Крестьяне знают лишь немного, Кармила, — ответила она. — Всегда помни о том, что, правда, как правило, сильнее выдумки, и величайшая хитрость дьявола думать что ты — это кто-то другой.

Не смотря на то, что я была слишком маленькой для предупреждений матери, я по-прежнему любила истории Шекспира. Я любила их даже больше, чем свою связь с Проклятыми Яблоками, таким образом годы спустя, один сказочник рассказал мне похожую историю любви, подобная повторится в моем Королевстве Скорби, но я до сих пор пока не стала тому свидетелем.

Несколько дней спустя после моего появления на свет по всей Штирии начала расти Проклятые Яблоки... да столько много, что деревья клонились к земле, что Горбуны под тяжелым весом. Дворянские знатные семьи со всей Европы пересекали тысячи миль на своих величественных каретах, что бы нанести визит Дому Карнштейнов, лишь одним глазком увидеть маленькое чудо в колыбельке. У меня были крошечные пухленькие ручки и ножки, даже щечки были толстенькими...меня щедро кормили. По большей части яблоками. Моя улыбка, золотистые волосики, и голубые глазки сияли, словно звезды. Поэты слагали стихи о моих розовых щечках, которые описывали как: "цветочно розовые, словно яблочки". Слуги говорили, что меня всегда окружала невидимая аура, что меня охраняют ангелы. Опять же, ангелы, что пахли ароматом яблок. Впрочем, утверждали, я была само очарование. Не смотря на то, что будучи ребенком, я забрала чью-то жизнь. Ни королева, ни графиня, что были до меня не, ощущали подобного. Я была существом чудесным, ребенком, способным снять злобное проклятие одним своим появлением на свет. Дитя, которое превратило однажды забытую богом страну в процветающий рай, с деревьев тут и там свисали спелые плоды, они были блестящие и даже сияли во тьме, большинство путешественников брали их с собой в качестве фонарей, чтоб указать им путь сквозь густые леса ночью.

Но за завесой всеобщего счастья таился зловещий секрет, о котором никто не хотел говорить. Никого не удивило, почему в тот день не родился любой другой ребенок в Штирии. Никто не задумался, почему в тот день семеро беременных матерей родили мертвых младенцев. Вместо того, чтобы провести расследование в то время, в истории, где происходит все сверхъестественное, гости королевских кровей прибывали со всех уголков света, чтобы почтить меня своим вниманием и получить благословение для своих земель. Они думали, что шевеление моего пальчика будет равноценно мановению волшебной палочки, будто бы мое прикосновение благословит их души и сухие почвы.

Я была не просто принцессой, я была настоящей святыней в колыбельке, будто пророк или жрица. Я стала истинной загадкой, даже для самой себя.

Глава 11

В последующие годы я лишь испортилась с безраздельной любовью и заботой моей матери, а в особенности отца, Филлипа Карнштейна Второго. Уже в возрасте семи лет у меня были всевозможные экзотические наряды со всего мира. Отец говорил, что те, которые мне нравились больше всего, предназначались исключительно для фей из далекого места, под названием Нетландия. Меня всегда окружали..., а еще охраняли и защищали...слишком большое количество слуг, которые стремились угодить мне.

Во времена сбора яблок, у нас проводился фестиваль Авалона, где слуги носили меня на высоком кресле, а потом я спускалась на землю и приветствовала местных жителей. Авалон — обозначало "яблоки", и я, конечно же, понятия не имела что именно происходило. Но это никогда не мешало мне приветствовать людей, которые считали меня кем-то вроде ангела. В каждый канун Хэллоуина, во время жатвы, меня сажали на трон, сделанный из тыквы, которые поставлялись из Нетландии, и проносили меня по городу, чтобы я даровала благословение всем жителям.

Мои родители никогда не теряли меня из виду. Они даже запрещали играть мне с остальными детьми у Жемчужного Пруда, красивейшего озера, которое все любили и с удовольствием рассматривали свои отражения в воде, ведь тогда зеркала еще не были изобретены, по-крайней мере, в Штирии о них никому не было известно. Лишь немногие

модницы того времени, как и моя матушка, использовали медные и обсидиановые зеркала, которые были просто ничто по сравнению с серебряными зеркалами, что появились у нас много лет спустя. Их отражение было мутным и нечетким. Стоили они больших денег и их было не так то легко перевозить, не то что с Нетландии, но и с завода Зеркального завода Курмайнзише, Германия, Лор-на-Майне. Завод располагался рядом с лесом Шпрессарт, что означало " Лес Дятлов", и в него то и дело ходили австрийцы. Немцы и итальянцы с острова Мурано соревновались в мастерстве изготовления лучшего стекла и производстве зеркал по всему миру в то время.

Опять же, мне нельзя было играть с детьми у Жемчужного пруда, и я никогда не видела в нем свое отражение. Я думала, что увидеть свое отражение будет просто волшебно, и я приблизительно знала, как выгляжу. До недавнего времени я не подозревала, почему мне нельзя играть у Жемчужного Пруда.

Пока я была занята изучением истории наших предков. Моя семья оказалась необычной и играла очень важную роль в судьбе целого мира Карнштейны были не просто потомками древней австрийской семьи, в родстве с Марией Антуанеттой, Королевой Франции — близкой подругой моей матери. Мы — Карнштейны, были потомками первых охотников на вампиров в истории. Наши великие потомки и изобрели это ремесло. Это было занятие не из легких. Вы понятия не имеете, сколько страданий обрушилось на наши головы.

Мой отец, который большую часть времени тайно убивал вампиров, объяснил мне, как все начиналось. Вопреки большинству слухов, вампиры не существовали от начала времен, и они не были потомками дьявола. Вампиров создали, причем при весьма необычных обстоятельствах. Прежде чем я расскажу вам историю моего отца, вам следует знать, что в мое время по всей Европе свирепствовала Вампирская Лихорадка. Люди спорили о существовании вампиров и жестоко убивали тех, кого подозревали в этом. История начиналась с людских смертей, затем их хоронили, а после они возвращались домой из могил, чтобы перекусать всю остальную семью, а день спустя те обращались в вампиров. Ходили с красными глазами и клыками, по ночам спали на кладбищах в гробах. Люди сперва принимали это за болезнь. Инфекцию, которую необходимо было остановить. Пару столетий спустя, в Европе уже свирепствовала Черная Смерть. Все о чем они думали и чего боялись было связано с необычным феноменом вампиризма, люди думали — это болезнь. Лишь немногие, вроде Карнштейнов, знали правду о вампирах.

История моего отца была о том, как вампиров создали приблизительно 600 лет назад в маленьком городке Хэмлин, примерно в 1300 году. Городок Хэмлин географически был очень близко расположен к Штирии. История о том, как основатели городка Хэмлин наняли "человека с флейтой", чтобы тот избавил их от нашествия огромного полчища крыс, которые грозились распространить ужасную чуму. Человек, которого мой отец назвал Крысоловом, выдворил крыс из Хэмлина с помощью волшебной мелодии флейты. Мой отец сказал, что по слухам, мелодия называлась "Волшебная Флейта", которая недавно была сыграна новым австрийским музыкантом по имени Вольфганг Амадей Моцарт, чью игру в скором времени собирались послушать он и моя матушка в Вене. Меня поразило, как Крысолов века назад сыграл мелодию, которую позже написал Моцарт, но позже я узнала как. Крысолову удалось изгнать всех крыс из Хэмлина, но старейшины в свою очередь отказались ему платить.

По словам моего отца, старейшины оказались весьма религиозными людьми, и они заявили, что музыка — порождение дьявола.

— Так ведь они сами попросили его сыграть им, — возразила я.

— В этом заключалась вся ирония, — ответил мой отец. — Старейшины согласились с помощью музыки изгнать крыс, но вот платить они отказались, поскольку посчитали музыку дьявольщиной.

— Что случилось потом? — спросила я.

— Крысолов вернулся несколько лет спустя, и он изменился, — сказал мой отец. — Веселый шутник с флейтой, которому все были рады, превратился в мрачного человека в черном плаще, от которого едва ли и слова добьешься.

Я вспомнила, как от его слов у меня побежали мурашки, словно отец рассказывал про самого черта.

— Крысолов снова заиграл на флейте, но на этот раз к нему сбежались дети со всего Хэмлина, — рассказывал отец. — Все, до единого.

— Почему? — нахмурилась я.

— Мечь в качестве расплаты, — объяснил мой отец. — По словам историков, он заманил детей в близлежащее озеро и утопил, но правда далека от истины.

— Также как и Шеспир украл историю о Ромео и Джульетте? — спросила я.

Мой отец рассмеялся и сделал затяжку из трубки.

— Что-то вроде того.

— Так куда же он увез их?

— Прежде чем я расскажу тебе, ты должна знать, что лишь семерым удалось сбежать от Крысолова. — Поделился мой отец. Похоже, он собрался посвятить меня в древнюю историю нашей семьи по неведомым мне причинам.

— Сбежали лишь семеро детей? Куда они ушли?

— На самом деле, никто точно не знает, — ответил мой отец. — Но Крысолов ищет их и по сей день.

Я начала бояться этого самого Крысолова еще больше.

— Мы зовем их Семерыми Потерянными, — добавил отец.

— Семеро Потерянных. — Повторила я слова беззвучно, словно не хотела забыть их. Моя интуиция подсказывала мне, что эти слова я буду повторять остаток своей жизни.

— Кроме этих Семерых Потерянных, остальных детей Крысолов увез далеко-далеко, — сказал мой отец.

— В Нетландию? — пропищала я, но мой отец покачал головой. Я поморщилась, я почувствовала, что я еще не готова услышать то, что он мне хочет сказать.

— Крысолов забрал детей из Хэмлина в Трансильванию.

В то же мгновение я вскрикнула и прижала ладошки ко рту. Я знала о вампирах и Трансильвании.

— Но папа, откуда ты узнал? — спросила я. — Эта история кажется выдумкой.

Мой отец погладил меня по головке и встал. Он подошел к своей огромной коллекции книг и достал книгу с самой высокой полки. Когда он подошел обратно ко мне, я увидела, что эта книга редких поэм, написанная от руки и подлинная, не смотря на то, что имена поэтов были неизвестны.

— Эта книга особая, она написана нашим великим древним предком, — объяснил отец.

— Первым из Карнштейнов?

Мой отец кивнул и открыл книгу.

— После того, как детей переправили в Трансильванию, Крысолов обратил их в вампиров, который поклялся отомстить всему миру, и лишь одному ребенку удалось

сбежать.

— Наш предок! — я гордо щелкнула пальцами.

— Именно, — ответил мой отец. — Наш предок сбежал, после того, как узнал о вампирах. Потому мы, Карнштейны, единственные знаем, как убить их.

— Так что же в книгах стихов?

— Поэма, которое объясняет все это. — Мой отец перелистнул несколько страниц, затем положил книгу на стол так, чтобы я увидела написанное. Я прочла название поэмы "Хэмлинский Крысолов". То была невероятно длинная поэма, скажу я вам.

Мой отец указал на ту часть, о которой рассказывал. Я читала с открытым ртом, понимая, что история была вымыслом и правдой одновременно. Все знали о том, что часть истории была правдой, а уже потом она обросла лживыми домыслами. Ту поэму, что прочла я, позднее была опубликована человеком по имени Роберт Браунинг и была признана одной из величайших.

*Еще скажу вам, что в чужой земле,
В гористой Трансильвании, есть племя,
Что нравом и обычаями всеми
Своим соседям явно не сродни:
Их предки здесь не жили искони,
Но в этот край пришли из подземелья,
Куда их силой чар, а может, зелья
Коварно заманили в оны дни*

И это была моя первая встреча с тем необъяснимым, что творится вокруг нас, и, как оказалось, историки успешно скармливают нам свою ложь.

***

По прошествии трех лет после того, как мой отец рассказал мне о нашей семье, мне исполнилось пятнадцать. Я была не только на пороге становления девушкой, я жаждала узнать один из темных секретов своего детства. Теперь я стала достаточно взрослой, чтобы узнать, почему мне нельзя было видеть свое отражение в Жемчужном Прудю... вспоминая об этом сейчас, я не имею ни малейшего представления о том, как я пятнадцать лет жила, не видя своего отражения. Как я терпела, не зная, как выгляжу? Полагаю, поскольку я никогда не видела своего лица, мне было просто неинтересно. Правда заключалась в том, что я была упомянута в пророчестве, о котором рассказала слепая женщина, жившая на драконьем корабле где-то посреди океана, в месте под названием Потерянная Миля, где-то очень далеко и лишь немногие знали, как добраться до этого места...я и сама поначалу думала, что это выдумки, пока своими глазами не увидела ее несколько лет спустя.

Слепая по имени Юстина, Крестная Мать Правосудия, и ее предсказания дошли до моих родителей с помощью загадочного посланника с самой Потерянной Мили. Моя семья всегда была очень суеверна. Юстина сказала, что я разрушила проклятье. Будто бы я особенный ребенок со светлой душой и я дар людям. Но не только. Она сказала, что я стану могущественной ведьмой и что в будущем у меня родится дочь, еще более могущественная, чем я сама. Но все имеет свою цену. Цену, которую смогу заплатить лишь я. Оказалось, вселенная всегда соблюдает некий баланс. Все, что она дарует нам, требует чего-то взамен, таков закон алхимии. Когда я родилась, проклятие не исчезло на совсем. Где-то во

Вселенной появилось заклятие более сильное и опасное. По иронии судьбы, она сняла проклятие, чтобы поддержать равновесие вселенной. В моем же случае, ту цену, что придется заплатить мне, была просто ничто, по сравнению с ней. Так показалось мне поначалу, пока я не осознала все жестокость расплаты.

Мое проклятие было простым: мне нельзя было смотреть на свое отражение в зеркале или любой другой отражающей поверхности остаток моей жизни. Если я послушаюсь, со мной, с моей семьей и страной произойдет нечто ужасное.

Глава 12

Трудно описать, какова была жизнь юной девушки без зеркала. Теперь уж даже и не вспомню. Мне нужно сделать глубокий вдох, прежде чем я смогу написать об этом. Минутку, пожалуйста.

К семнадцати, все разговоры о моих предках вскоре исчезли из моей юной памяти. Не знаю, что именно сделало невыносимой саму идею того, что я не вижу, как выгляжу. Я всегда думала, что это огромная жертва. Когда ты юна и наивна, думается, что приносить себя в жертву — это хорошо. Быть может, дело было в самом знании того, что мне "запрещено" видеть свое отражение. Отрицай все и вся и тебе захочется этого больше всего на свете. Быть может, мои гормоны взбесились. Как же мне стать совершеннолетней и не увидеть ни одного... надеюсь... восхищенного взгляда? Иногда, мне казалось, что все это притворство, чтобы услужить моим родителям, чтобы я не увидела, какая я на самом деле уродливая. Но ведь это было бессмысленно. Почему тогда все посетители смотрели на меня, будто ничего в жизни прекраснее не видели?

Мое проклятие начало меня интересовать. Кем была ведьма проклявшая меня, и почему нельзя произносить ее имя, не смотря на то, что все его знали? Почему она прокляла меня? Не смотря на то, что я беспрестанно расспрашивала родителей о ней, они никогда не удовлетворяли моего любопытства по поводу ее имени, или откуда она родом. Все что мне удалось узнать: она ненавидела нашего предка, а я должна была стать кем-то вроде ее Немезиды. Вот и все. Мне сказали, что так будет лучше для всеобщего блага.

Все эти оставленные без ответа вопросы теснились у меня в голове, в то время как мне нужно было забыть о проклятии. Я никак не могла забыть о своем отражении и притворяться что я единственная во всем мире, кто его не видел.

Мои родители все больше беспокоились когда дело касалось всего того, что даже отдаленно напоминало зеркала, включая бесценные медные зеркала моей матери. Все же мои отец и мать переживали, что в период моего становления девушкой, капризный подростковый нрав одержит верх и я наплюю на все запреты, чтобы лишь увидеть свое отражение в воде, что присуще всем обычным подросткам. Они оградили меня от любых контактов с юношами. Чем послушней я была, тем больше забывала о зеркалах, которых они так боялись. Почему ей не любопытно узнать как она выглядит? Что с ней такое? Вы ведь знаете какими бывают родители. Порой им трудно угодить.

Мои родители боялись, когда я приближалась к разного рода источникам воды: рекам, ручьям. Любая сверкающая металлическая поверхность, вроде доспехов, пугала их, они верили, что проклятие вернется, будь то вода или зеркало.

Я проводила дни, слушая девушек, которые без усталости смотрели в Жемчужный Пруд и спорили, что из них "самая красивая". Знаменитый и сияющий пруд был похож на огромную жемчужину в свете далекой луны. Я увидела его лишь из покоев моей матери, а теперь мне

было разрешено пользоваться лишь несколькими комнатами, и запрещено перемещаться по замку.

Каждый день я помышляла о побеге из замка к Жемчужному Пруду, наплевав на желания моих родителей, а потом жить с последствиями проклятия. Я больше не хотела быть особенной. Я не хотела быть героем, который спасает страну. Я не хотела быть избалованной. Я всего лишь хотела стать нормальной девушкой...такой какой я никогда не была, ни тогда, ни сейчас.

***

На свой семнадцатый день рождения, я попросила комнату побольше с видом на Жемчужный Пруд. Мое желание исполнилось несколько месяцев спустя, после бесконечных споров с родителями. Я была вынуждена каждый день обещать им, что не наружу правила. Вид пруда издали никому не причинит вреда. Стражи моего отца охраняли ворота, ведущие к Жемчужному Пруду.

Несколько дней спустя я поняла, что роскошный замок, в котором я жила, был ничем иным, как моей личной тюрьмой. Но кого я обманывала? Вид Жемчужного Пруда лишь разжигал мою нужду. Я больше не смотрела на девушек, которые переставали хихикать, увидев свои отражения на водной глади. Любопытство также разжигала и красота моей матери... та с возрастом стала лишь краше. Старше и еще красивей, более элегантной и изящной. Впрочем, об этом она не знала.

— Ты такая красивая, Мама, — сказала я ей, перебирая золотистые прядки своих волос, которые всегда зачесывали в прическу, чтобы я не видела их..., они боялись, что один взгляд на мои волосы лишь усилит мое желание увидеть свое лицо.

— Не так красива как ты, — ответила она, расчесывая волосы.

— Я похожа на тебя? — спросила я, не смотря на то, что она говорила об этом мне уже не раз. — Быть может, на отца?

— На нас обоих понемногу, — ответила она. — Разве ты не видела картины, которые нарисовали наши художники маслом? — У нас их было предостаточно, но мой портрет маслом не приносил удовлетворения. Что если они просто лгали?

— У тебя глаза отца, — сказала она. — Голубые, словно океан; почти как жемчужные волны в пруду..., - Моя мать одернула себя, и посмотрела в окно. Она сделала это столь резко, словно увидела призрака. Она просто не хотела упоминать Жемчужный Пруд. — Мне, правда, жаль, Кармила, — произнесла она. — Это для твоего же блага.

— Не надо говорить мне, что это для моего же блага, — сказала я. — Расскажи мне о моей красоте.

— О, Боже, — всхлипнула она, на глаза навернулись слезы. — Ты и понятия не имеешь, как ты прекрасна. Если бы не это проклятие...

— Скажи мне, что я самая прекрасная во всей Штирии, — сказала я. Я ощутила как во мне что-то всколыхнулось. Злость. Желание стать самой красивой цепкими лапками поползло по позвоночнику. Оно затуманило мой разум. Семнадцать лет я терпела проклятие, подавляя свои эмоции, и обманывая саму себя. Гнев внезапно выбрался наружу и я покраснела.

Мама хотела меня обнять, но остановилась. То, как я произнесла последнее предложение заставило ее разволноваться.

— Скажи мне, Мама, что я красивей их всех. — Я кивнула на девушек играющих в саду

замка, тех самых, которые любовались своими отражениями, те самые, кто расчесывал волосы в отражении пруда, те, кто щипал себя за щеки, чтоб те стали румяными. Те самые девушки, одной из которых я никогда не стану. — Скажи мне, мама, — потребовала я.

Если задуматься, то это был самый первый признак тьмы моей души, которая проявилась годы спустя. Не думаю, что вы способны понять, какого это.

— Милее всех, — ответила моя мама, делая все возможное, чтобы скрыть свои тревоги.

— Милее всех? — спросила я.

— Ты милее всех на свете, Кармила, — произнесла она, ее улыбка вышла сухой и увядшей, словно осенние листья.

— Милее всех на свете? — повторила я. — Что значит "милее всех на свете"? Я хочу стать самой красивой. — Я показала на девушек у пруда. Все эти девушки в мгновение ока стали моими недругами, те, кто мог делать то, что было мне не дозволено; то что положено всем семнадцатилетним. Правда была в том, что я не хотела быть самой красивой. Я просто хотела быть нормальной. — Я не хочу быть милой!

— Кармила. — Моя мама снова всхлипнула, слезы блеснули в ее глазах. Взгляд Теодоры Голдштейн был наполнен сочувствием, и это не утолило моей жажды стать наикрасивейшей девушкой.

— Скажи, что я красивее их всех, мама. — Я больше не владела собой. Во мне восстал зверь гнева и несправедливости. Я была сама тьма. Я была всем тем, чем не являлась никогда: гневом, завистью и болью. — Говори мне это каждый день. Мне плевать, если ты лжешь. Мне плевать, если я уродина. Если я плачу свою цену, чтобы Штирия жила в счастье и процветании, это меньшее, что ты можешь сделать.

Я очнулась уже в ее руках, вся в слезах. Я почувствовала себя лучше. Слабость и дрожь, что я ощутила в руках моей матери, успокоила зверя и прогнала его. Зверь внутри меня пылал от боли. Боли, которую я не могла объяснить самой себе. Опять же, я не совсем понимала что со мной.

Как только я задремала в ее объятиях, у меня возникло ощущение снова оказаться в ее чреве и спрятаться там от всех житейских забот этого мира, несколько яблок на яблоне у окна попали в поле моего зрения. Я возненавидела яблоки еще больше. Чтобы эти глупые фрукты росли, а Штирия процветала, мне пришлось заплатить немалую цену. И глядя на них, я видела лишь цвет крови, которую вампиры высасывали из Карнштейнов.

***

Я до сих пор уважаю мою мать за то, что она не поддалась на мои уговоры и желание называться "самой красивой". Каким-то образом, фраза "милее всех на свете" звучала лучше, и я любила ее.

Я начала присматриваться к девушкам, замечая их красоту...или уродства, и понимая, как много это значит для них. Если быть честной, некоторым из них я завидовала. Но мне также было жаль тех девушек, которые из-за внешнего вида не имели ни шанса, ни возможности устроить свою личную жизнь. Я думала, это нечестно, что юноши предпочитали красоту, не узнав девушку поближе.

Для девушки, которая никогда не увидит свое отражение, я чувствовала благословение, когда поняла, что могу представлять себя самой красивой и никогда не столкнусь с противоречивыми фактами. Опять же, неведение убивало меня изо дня в день. Ни один парень в нашем королевстве не смел поднять на меня взор. Они все боялись моего отца,

который не смотря на свою доброту и нежность ко мне, был жестоким воином и графом за пределами замка. Его гиперопека отпугивала от меня всех кавалеров.

Однажды я сидела под ивой и плакала, думая, как же я встречу своего рыцаря в сверкающих доспехах..., хотя я бы предпочла, чтоб его доспехи не сияли, а то я, не дай бог, увижу свое отражение и проклятие снова вернется. Еще одним недостатком было то, что я так и не научилась плавать. Я начала бояться воды по многим причинам. Все обстоятельства вынуждали меня сдаться. Я никогда не увижу своего отражения. Никогда.

Пока...

Глава 13

Пока весь мой мир сыпался на части, когда на меня смотрел самый красивый юноша на свете. Первый юноша, который осмелился взглянуть на меня, не смотря на запрет моего отца. За один такой взгляд можно было поплатиться головой. Это был необычный юноша. Его смелость и уверенный взгляд были достойны восхищения, тем не менее, я испугалась, и в тот же миг его взгляд смягчился. Взгляд юноши обещал большую страсть, сильное влечение, а еще плачевные последствия. Все это можно было прочесть в одном его взгляде. Но в его взгляде была не одна лишь дерзость. То было восхищение мною, которое потрясло меня больше всего. Он смотрел на меня так, словно от этого зависела его жизнь, словно я была его воздухом, словно он был половинкой моей души.

Я прикинула, что он старше меня года на два. Он был куда выше моего отца. Глаза были темными с золотыми вкраплениями, словно звездопад в ночном небе. Его волосы были темнее ночи. Они ниспадали на плечи, обрамляя бледное лицо, которое было немного бледнее обычного, черты несколько заострены. Ни у кого из Австрийцев не было таких темных волос, потому этот цвет так ценился.

Мир вокруг меня замер. Я попала в ловушку его глаз. Никто из стражей моего отца не остановил этого необычного юношу. Меня обдало жаром, когда он медленно начал ко мне приближаться.

Я передернула плечами и моргнула. Ни один здешний юноша не осмеливался смотреть мне в глаза, ни разу не приближался ко мне.

— Не удивительно, что яблони расцвели в тот день, когда ты появилась на свет, — произнес он с нежной улыбкой. Слишком уж нежной... я была так очарована, что не могла вымолвить ни слова.

Я могла сказать ему, что это преглупейшая ложь, которую парень может только сказать девушке, но мне это понравилось. Ни один юноше не говорил мне такого прежде, в присутствии же этого я ощущала страх и желание.

— Почему Вы на меня так смотрите? — спросила я, делая все возможное, чтобы скрыть свои чувства за маской раздражения.

— Чтобы ты смогла исцелить мою душу, — ответил он. Клянусь, слезы ликования едва не брызнули у меня из глаз, пока снег тихо падал с неба. — Твое лицо, словно сияние солнца, согревающее этот холодный мир вокруг нас. Как же я проспался без этих глаз раньше.

Мир вокруг меня закружился, и я испугалась, что вот-вот упаду в обморок и грохнусь на землю, опозорюсь перед ним. Прежде мне никогда не нравилась юноши. Чувствовать такую необъяснимую тягу было сродни смерти для моего юного хрупкого сердечка. Я до сих пор не могла свыкнуться с мыслью, что все это не сон. Кто еще был способен на подобные слова?

Кто говорит подобное при первой же встрече? Это прозвучало еще безумнее, чем в романтических историях, что я прочла у Шекспира.

А затем произошло самое странное...

— Ангел Хассенфлаг! — мой отец, раскинув руки, вынырнул у меня из-за спины. Я удивленно повернулась, увидя, как он обнимает Ангела, словно блудного сына.

— Граф Карнштейн. — Ангел склонил голову, снимая шляпу. — Мне следует извиниться за свое опоздание, но меня и мою свиту застигла врасплох снежная буря в Венгрии.

— Я слышал о буре, — сказал мой отец. — Я надеюсь, что это не ее рук дело, если Вы понимаете о чем я.

Ангел кивнул с легкой усмешкой, словно у него разболелся зуб. Они говорили о безымянной ведьме. Сейчас мне не хотелось говорить о ней. Мне хотелось смотреть на Ангела.

— Я знаю, что такому молодому и сильному парню как ты все по плечу, — сказал мой отец. Я все еще не могла вымолвить ни слова. Как он мог так запросто общаться с парнем, который только что приблизился ко мне? — Как поживают твои друзья в Лоре? — спросил он у Ангела.

— Они обожают Ваши яблоки, Граф Карнштейн, — сказал Ангел, сдерживая смех.

— Они верят, что яблоки смогут исцелить их скорби. — Думаю, мой отец не обратил внимания, что Ангел слегка поежился при слове "скорби". (игра слов *Sorrow* — Скорбь, и она же по-совместительству настоящая фамилия Ангела)

Двое мужчин рассмеялись, пока я молчаливо пылала. Казалось, мой отец несколько не беспокоился близостью Ангела, а тот в свою очередь весьма искренне уважал его. Ангел, прекрасный торговец яблоками из Лора.

Я кашлянула, чтобы они, наконец, обратили на меня внимание.

— Аа, Кармила, — произнес отец. — Я вижу, ты уже познакомилась с Ангелом. — Я кивнула. Мой отец прежде никогда не представлял меня парням. — Ангел крупнейший торговец и поставщик наших яблок. Знаю, что он выглядит слишком молодо, но он наиприятнейший молодой человек во всей Европе. Он из Германии.

— Приятно познакомиться, Ангел, — я протянула руку.

Он ни секунды не колеблясь, коснулся губами моей руки и подарил мне еще один убийственный взгляд. Я убедилась, что моя внутренняя дрожь никак не отразилась на моем лице или теле.

— Я рад, — кивнул он.

— Кармила та самая девушка, что...

— Сняла заклятие и благословила Европу Австрийскими яблоками, — закончил Ангел, не отводя от меня взора. — От имени всех жителей Германии, я должен поблагодарить Вас, — произнес он, грациозно поклонившись.

— Не пялься на мою дочь слишком долго. — Шутливо поддразнил его мой отец, но за шуткой крылось молчаливое предупреждение. — Он тот еще льстец. — Отец повернулся ко мне. — Его речи сладки, словно Кровавые Яблоки. Вот только иногда в них попадаются черви. — Подмигнул мне отец.

Ангелу, казалось, не пришлось по вкусу шутка моего отца, но отец не подал виду. Он вежливо рассмеялся. Наши взгляды на мгновение снова встретились, и мне захотелось позволить ему узнать, что он понравился мне. Я не знала, как показать юноше свою

заинтересованность. Понятия не имела. Может просто улыбнуться или бросить соблазнительный взгляд? Как вообще изобразить соблазнительный взгляд? А может просто броситься ему на руки?

В конце концов, я так и осталась пялиться на него во все глаза. Даже тогда я не была уверена, что он получил мое послание, я приподнялась на цыпочки и качнулась в его сторону. Ангел опустил глаза. Я вспыхнула, а он улыбнулся. Тем не менее, ни Ангел, ни я не промолвили ни слова. Мой отец принес свои извинения и увел его под предлогом обсудить дела, оставив меня в неведении, смогу ли я увидеть Ангела вновь. Все, что сделал Ангел, он тайком оглянулся еще раз, пока он и мой отец удалялись из виду.

В мгновение ока у меня возникло ощущение, что так будет лучше. Лучше если я больше никогда не увижу его снова. То был абсурдный и нелогичный момент, и я его возненавидела. Меня не заботило, что там болтали люди про любовь с первого взгляда. Мне было плевать. То была не любовь с первого взгляда, не подростковая импульсивность. Это была судьба. Он был моей половинкой, во всех немыслимых смыслах. Словно я знала его прежде. В другой жизни, быть может. Самое главное, то как Ангел Хассенфлаг смотрел на меня было лучше тысячи зеркал.

Глава 14

Не смотря на то, что какое-то время спустя я не виделась с Ангелом, все мои мысли были о нем: то, как он смотрел на меня; то, какой он меня видел; мне стало любопытно, как же выглядела в его глазах.

Почему он так смотрел на меня? Что заставило смотреть его на меня подобным образом?

Еще никогда прежде я не испытывала такого желания нарушить все запреты и побежать к ближайшему пруду в нашем замке, чтобы посмотреть на свои черты. Я просто помешалась. Это чувство, эта нужда, с Ангелом... все было иначе. Эйфория, очарование и восторг. Когда смотришь на кого-то вроде него, то чувствуешь, как хочется сдаться. Он был красив, как ангел.

Кто вообще придумал назвать сына Ангелом?

Не то чтобы мне не нравилось. Я обожала его имя и не могла себе вообразить, какие надежды возлагали на него родители, награждая его подобным именем. Карнштейн, якобы предназначенный для борьбы с дьявольскими вампирами, а имя Ангела, не принимая во внимание его красоту, уже причинило мне множество бессонных ночей.

Ангел заставил меня взглянуть на свою жизнь и возможности, которые могли открыться передо мною..., знаю, вы можете отнестись ко всему этому скептически, думая, что я задумала прыгнуть выше головы, но друзей у меня не было, в зеркало смотреть было нельзя. Во многих смыслах и отношениях, Ангел стал моим зеркалом. Опять же, Ангела в качестве зеркала мне было мало. Он лишь еще больше разжег мое желание увидеть свое отражение. Мне необходимо было увидеть, что же так привлекло его внимание. Я всю ночь размышляла о том, чтобы пойти к Жемчужному пруду, но так и не смогла заставить себя.

На следующее утро, я пошла в сад со слугами, чтобы набрать яблок с деревьев. Мой ум наводнили жалкие оправдания. Внезапно, ненавистные мне яблоки стали для меня сладкими и привлекательными. Любовь к жизни преодолела все страхи, предположила я. Впервые я почувствовала себя обычной девушкой в белом платье, которая улыбается и вместе со всеми собирает яблоки. Слуги всегда настаивали, чтобы я пробовала первое яблоко, что они

собирали. Они полагали, что это принесет удачу им и их земле. Мне показывали, как правильно разрезать яблоко пополам. Меня учили, что каждое яблоко внутри имеет пятиконечную форму, если разрезать его на две половинки. Некоторые звали это пентаграммой. Одни говорили, что это хороший знак, другие же ассоциировали знак со злом... с безымянной ведьмой, что наложила проклятие на нашу землю. Пятиконечная звезда внутри яблока должна была служить напоминанием, что даже зло может оказаться внутри чего-то сладкого и хорошего. Этот урок мне следовало выучить хорошенько. Но я не смогла. Ангел занимал все мои мысли.

К полудню, Ангел все еще не покидал мою голову, его образ маячил у меня перед глазами. Чувства не утихали. Наоборот. Они стали лишь сильнее. Мне пришлось расспросить слуг о красавчике-торговце. Девушки сперва захихикали, зная, что я тоже ему приглянулась, а потом шокировали меня известием о том, что он ускакал на лошади обратно в Германию и не вернется до следующего урожая яблок. Однако, что-то подсказывало мне, что я увижу его вновь. Мой внутренний голос также сообщил мне, что это будет нелегко. Ангел изменит мою жизнь самым невообразимым образом.

Позднее, тем же днем, все еще думая о встрече с Ангелом, я застала родителей за весьма напряженным разговором в столовой замка. Они спорили о поезде моего отца в Трансильванию, чтобы убить вампиров. Моя мать беспокоилась, что тем самым он навсегда обречет Карнштейнов на войну. Мой отец ответил, что у нас нет выбора. Война между Карнштейнами и Сорроу неизбежна. От имени "Сорроу" (прим. пер. Sorrow — Скорбь) у меня по спине пробежали мурашки. Только вот тогда я еще не знала почему. Мой отец сообщил матери, что Ночная Скорбь, король всех вампиров в Трансильвании, годами скрывался, планируя подослать своих шпионов под видом людей в Европу. Король всех вампиров знал, чтобы обрести власть, ему сперва нужно убить Карнштейнов. Оказалось, мы единственная семья в мире, которой суждено убивать вампиров. В этом мире должны остаться либо Карнштейны либо Сорроу.

В тот день, я убежала к себе в комнату, гадая, какова моя роль во всем этом. Неужто мне тоже суждено убивать вампиров? Я поняла, что после встречи с Ангелом, я не хочу этого. Я не хотела кому-то нравиться или оправдывать ожидания своих родителей. Все чего я хотела, это быть с Ангелом.

***

Пару дней спустя, нас пригласили на одну королевскую свадьбу в Австрии. В тот день я надела восхитительное платье, и слуги сказали, что я выгляжу в нем просто потрясающе. Как обычно, на меня не осмелился взглянуть ни один юноша. Лучшее, что я получила, это кроткие быстрые взгляды из толпы. Ни одного дерзкого взгляда, как у Ангела.

В какой-то момент все девушки на свадьбе отправились к ближайшему пруду, чтобы увидеть свои отражения в воде, по слухам, та кто увидит свое отражение без волн следующая выйдет замуж. У меня пересохло во рту. Как же мне хотелось пойти с девушками. Фирменный взгляд моей матери вернул меня с небес на землю. День прошел, я притворялась счастливой, борясь со слезами.

Уже дома, все еще в новом платье, выглянула из окна на поверхность ближайшего пруда, сияющего в лунной свете... я мельком увидела свое отражение в стекле витражного окна, но оно было неясным, так что этого было недостаточно, чтобы вызвать проклятие. Сколько бы я не напоминала себе о последствиях, больше сдерживаться не было сил. Я

могла либо дожидаться следующей встречи с Ангелом, либо посмотреть самой. Импульсивно, я выбралась из окна за спиной у родителей и побежала к пруду. Они — то думали, что стража меня остановит, но я тайком составляла план побега долгими ночами. Я знала один секретный маршрут.

Я пробежала по саду замка и мимо фонтанов, держа в руках пышные юбки платья, мое дыхание облачками пара вырывались в ночной воздух. И прямо перед воротами возникла пара стражей в серебряных доспехах. Я не собиралась сдаваться. В отчаянии, я не замедлила свой бег, но они все равно поймали меня. Несколько минут я слабо отбивалась и боролась. Я даже пыталась увидеть свое отражение в серебряных латах, но увидела лишь размытый образ. А потом, появилось нечто такое, что убило обоих стражей, мгновенно и без единого звука. Я всхлипнула, когда они тяжело повалились рядом со мной, взирая лишь на темную фигуру в паре шагов от меня.

— Кто ты? — ахнула я.

Ответа не было. Я не ощущала ничего хорошего в присутствии темного силуэта. Я понятия не имела, как я это узнала, но я ощутила зло по запаху. Этот мрачный силуэт просто смердел им. Не смотря на то, что он спас меня от солдат, это не сулило мне ничего хорошего.

Почему он спас меня? Это не имело смысла.

Я поняла, что это мой последний шанс миновать ворота. Во-первых, мне было неудобно в присутствии темной фигуры, а во-вторых, минутой спустя мои родители поймут, что стражники были убиты.

Сердце забилось быстрее, когда я бросилась в ворота и приблизилась к Жемчужному Пруду. Перед глазами вспыхнули лица девушек. Что если поверхность пруда окажется такой же прекрасной, что и глаза Ангела. Спотыкаясь, я ступила на илистую почву перед кромкой воды и опустилась на колени, устав от бега. Но я была готова увидеть себя. Дыхание сбилось, поэтому я подождала мгновение, закрыла глаза и наклонилась, упершись обеими руками в ил.

— Ты можешь сделать это, Кармила, — сказала я себе, зажмурив глаза. — Лишь один взгляд. Надеюсь, это не навлечет проклятие снова. — Я молила Господа, чтобы меня простили за столь необдуманый шаг.

Я сделала глубокий вдох. Затем, я открыла глаза.

Глава 15

Сахарный Домик

Бабушка снова готовила, а Фейбл ловила кайф. Фейбл увидела замешательство на лице Шу, ведь она никогда прежде не встречалась с матерью Локи..., или с приемной матерью Локи, в каком-то смысле. А, может, она встречалась с ней, но не помнила, как и многое другое, что она не могла вспомнить. Но Бабушка не вела себя так, словно уже встречалась с Шу. Фейбл задумалась, где же место Бабушки во всей этой сложной запутанной истории Дневников Братьев Гримм, но решила, что сейчас не самый подходящий момент думать об этом. Им нужно было, чтоб Бабушка рассказала им, как вернуть Руно Локи, чтоб воскресить его самого, если Аксель был прав на ее счет. И, конечно же, Фейбл нравилось проводить с ней время.

Шу казалось невозможным, как Фейбл удалось подружиться с призраком, который выглядел как зомби с облазившей плотью. Фейбл заметила, что Шу неловко, но она ничего

не сказала. Чем дальше, тем страшнее. В любом случае, день уже не задался.

— Значит, Локи не знал, что может вызывать тебя сигаретами? — спросила Фейбл, помогая накрыть Бабушке на стол.

— Ну, конечно же, нет, — ответила Бабушка, смешивая что-то в кастрюльке. Она сунула внутрь свою полусгнившую руку и попробовала стряпню на вкус. Фейбл рассмеялась, глядя на реакцию Шу..., которая уставилась на Бабушку во все глаза. Было довольно иронично наблюдать, как кровосос испугался призрака, похожего на зомби. — Недавно одна трехглазая женщина с тремя хвостами и одной ногой помогла мне с кое-каким заклинанием, — объяснила Бабушка. — Все дело в заклинании, где бы Локи не закурил, оно призывало меня к нему, чтоб я наругала его за курение.

— Это странно, — пробормотала Шу, сидя за столом и не помогая.

— Думаю, Аксель знал об этом, потому что я появлялась лишь тогда, когда Локи курил в машине по пути в Скорбь, и когда кто-то из вас зажег сигареты, пытаюсь отпугнуть огромного ворона, который вломился в дом пару дней назад. — Бабушка поставила кастрюльку на стол.

— Вау, — произнесла Фейбл, присаживаясь за стол и собираясь есть. — Мой брат склонен замечать всякий бред.

— У вас странная семейка. — Захихикала Бабушка, словно это был комплимент. У нее выпала челюсть, когда она заговорила, но она как ни в чем не бывало подняла ее и села за стол.

Фейбл проголодалась, но ничего кроме сухарей ее не интересовало. Она тайком добавила их в суп, чтобы никто не догадался о ее новой зависимости. Шу вообще не хотелось есть.

— Поешь немного, — настояла Бабушка. — Я приготовила по специальному рецепту, это поможет тебе сдержать жажду крови.

Фейбл ощущала некое напряжение между обеим, у которых общим был лишь Локи. Тем не менее, не казалось, что они заодно.

— Как мы достанем Руно Локи? — рассеянно произнесла Шу, так ничего и не поев.

— Отправимся в Мир Сновидений, — ответила Бабушка.

Шу выглядела озадаченной, Фейбл ощущала тоже самое.

— Почему бы нам не забрать его у моей матери? — спросила Шу.

— Понятия не имею почему ты говоришь "мать". — Бабушка закатила глаза..., но тут же прекратила, боясь как бы одно из глазных яблок не выпало. — Но если соберешься с силами и дашь ей отпор, то я буду только рада.

Фейбл не проронила ни слова. Бабушка была права. Кто осмелится заговорить с Кармиллой?

— Вы имеете в виду, забрать Руно у Локи в Мире Сновидений?

Бабушка кивнула, словно это было легче легкого.

— Но ведь Локи мертв, даже в Мире Сновидений. — Фейбл почесала макушку. — По крайней мере, я так поняла.

Бабушка перестала есть, ее глаза на мгновение задержались на Шу. Фейбл подумала, что она рассердится. Ведь, в конце концов, это Шу убила ее сына в Мире Сновидений, и Бабушка до сих пор не проронила ни слова на этот счет. Семейка действительно была странная. Фейбл удивилась, сегодня вообще произойдет что-нибудь обычное?

— Потому-то нам и понадобится помощь Чармвилля в Мире Сновидений, — сказала

Бабушка. — Честно говоря, я думаю с хронологией событий что-то не так, но доказать я этого не могу. Может лишь Чармвилль.

— Но мы не можем воскресить его, — возразила Шу. — Даже с Истинным Именем.

— Нам и не нужно воскрешать его, — ответила Бабушка. — По-крайней мере, не сейчас. Мы используем его имя в качестве Инкубатора в Мире Сновидений, прямо как Кармила использовала Феникса в последнем сне, по твоим словам.

— Но мы ведь даже не знаем, где мы окажемся, — сказала Шу.

— Это не имеет значения, — отмахнулась Бабушка. — Я уверена, что настоящее имя Чармвилля приведет нас к самому Чармвиллю. Он сможет вывести вас оттуда. Я в шоке почему вы не подумали об этом раньше.

— Потому что мы не знаем ни одного Охотника за Сновидениями, кроме Локи, — сказала Фейбл. — Вам случалось знать другого Охотника за Сновидениями, который мог бы помочь?

Бабушка повременила с ответом. Казалось, ей не хочется отвечать, она напряженно всматривалась в Фейбл. Наконец, она кивнула.

— Тогда, пожалуйста, расскажите, где нам найти этого нового Охотника за Сновидениями, — сказала Шу.

Бабушка отложила вилку и нож, вытерла рот и поднялась, словно она была обычным человеком. Она потянулась к Аликорну Локи на кухонном столе и взглянула на него. Ни Шу, ни Фейбл не понимали ее внезапного порыва.

— Прежде чем я расскажу вам об Охотнике за Сновидениями, сперва мне нужно кое-что проверить. — Она протянула Аликорн Фейбл. — Испробуй его.

— Испробовать? — Фейбл взяла Аликорн, снова чувствуя к нему непонятную тягу. Все те странные ощущения нахлынули вновь. — Как?

— Скажи то, что сказал бы Локи, — предложила Бабушка. — Произнеси "Ора Педора".

— Но..

— Скажи.

Фейбл уставилась на Аликорн и взяла его, словно зубную щетку этим утром перед зеркалом. Она сделала глубокий вдох и произнесла:

— Ора Педора!

К всеобщему удивлению, Аликорн обернулся шипящей змеей, прямо как у Локи. Шу нахмурилась и отпрянула от змеи, а Фейбл выронила Аликорн, когда увидела ее. Бабушка взяла змею и ласково погладила ее, затем та обернулась обратно в Аликорн.

— Но как это возможно? — Шу уставилась на Фейбл во все глаза. Фейбл хотела спросить тоже самое, но не потеряла дар речи от удивления.

— Расскажу через минуту, — ответила Бабушка Шу. — Фейбл, ты сказала, что утром смогла завести Кармен, так?

Фейбл кивнула.

— И ты чувствовала себя странно, выражаясь словечками Локи и ощущая себя немного по-мальчишьи?

Фейбл снова кивнула.

— Великолепно! — Бабушка захлопала в ладоши. — Это значит, что у нас есть надежда на спасение Локи.

— Как это? — Шу внезапно смутилась.

Фейбл нужно было узнать почему, но от шока у нее пропал дар речи.

— Очень просто, — ответила Бабушка. — Фейбл — наш новый Охотник за Сновидениями.

Глава 16

— Я новый кто? — Фейбл, наконец, обрела способность говорить.

— Ты — Охотник за Сновидениями, который поможет нам отыскать Чармвилля в Мире Сновидений, и, надеюсь, найти Руно Локи, — ответила Бабушка. — Теоретически, сейчас ты — Локи.

— Я не понимаю, — сказала Шу.

— Заклинание, что Фейбл использовала в последнем Дримори, чтобы завладеть телом Локи, оставило, как говорят волшебники, "метку" на душе Фейбл, — объяснила Бабушка. — Побывать в теле Локи в Мире Сновидений было нелегко, — сказала она Шу. — Душа Фейбл вобрала в себя наиболее сильную способность Локи — Чанту, если быть точной. Долго это не продлится, нужно действовать быстро.

— Вот почему я странно чувствовала себя весь день. — Почесала подбородок Фейбл.

— Так Фейбл обладает силой, чтобы войти в Мир Сновидений? — спросила Шу.

— Определенно, — заявила Бабушка.

— Но Локи нужно было, чтобы в Храме сна было двое для входа в Мир Сновидений, — сказала Шу. — Сновидящий и Охотник за Сновидениями.

— Тогда мы должны провести те же ритуалы, что и Локи и позволить Фейбл войти в твое тело, — сказала Бабушка. — Твое тело будет проводником в Мир Сновидений, а имя "Вильгельм Карл Гримм" послужит Инкубатором. — Бабушка замолчала, на мгновение задумавшись. — Тем не менее, в этом Дримори Шу не сможет сделать ничего, в отличие от прошлого.

— Но почему? — удивилась Шу. — В каждом Дримори, я действовала как Охотник за Сновидениями.

— Так было когда Локи, настоящий Охотник за Сновидениями, вошел в Мир Сновидений, — объяснила Бабушка. — К Фейбл перешла лишь малая часть сил Локи. Что касается тебя, ты станешь не более чем "Спящей Красавицей", то бишь сосуд, для путешествия в прошлое.

— Вы имеете в виду, что Шу, которую я встречу в Мире Сновидений будет уже не той Шу? — заволновалась Фейбл. По-крайней мере, та Шу, что сейчас была рядом с ней облегчила бы задачу. Она просто поверить не могла во всю ту ответственность, что взвалили на ее плечи.

— К сожалению, нет, — ответила Бабушка. — Шу, которую ты повстречаешь, не узнает тебя, пришедшую из Реального Мира.

Шу наградила Фейбл сочувствующим взглядом.

— Ты не обязана это делать.

— Как это? — вздохнула Фейбл. — Думаешь, я остановлюсь от воскрешения Локи?

— Договорились, — защебетала Бабушка. — Ты ведь видела, как Локи делал ритуал создания Храма Сна, верно? — спросила она у Фейбл. — Я знаю, что Руна у тебя нет, но тебе предстоит весьма ценная работа, Фейбл.

Очевидно, Бабушка не хотела напоминать, что без Руна, Фейбл не сможет безопасно найти дорогу назад. Она не сможет попросить о помощи, если что-то в Мире Сновидений пойдет не так. Там она останется совсем одна. Фейбл ничего не сказала. Она схватила чашку

с сухариками и начала жевать. Для нее это был единственный способ успокоиться.

— Локи любил сухарики? — наконец набралась храбрости Фейбл.

— Не то чтобы я об этом знала, — ответила Бабушка. — А что?

— Потому что помимо всех прочих странностей, меня тянет к сухарикам весь день.

Бабушка медленно повернула голову к Шу. Обе обменялись взглядами, которые Фейбл не поняла. Казалось, им обеим было известно то, что она не знала, но они не говорили.

— Что же? — спросила Фейбл.

— Ничего, милая. — Бабушка обняла ее и погладила по спине, чтобы успокоить. — Ты должно быть, проголодалась и взволнована от предстоящей благородной миссии.

— Правда? — Фейбл начала дрожать. Она знала, что Бабушка лжет. Что-то еще, помимо сил Охотника за Сновидениями, шло не так. Каким-то образом, Фейбл боялась узнать что именно.

— Правда, — ответила Бабушка. — Теперь, приготовься, пока мы с Шу подготовим Храм Сна в подвале.

Фейбл кивнула и убежала к себе в комнату, по-прежнему разбрасывая хлебные крошки. Не смотря на то, что она дала свое согласие, она очень боялась. Кто она такая, чтобы войти в Мир Сновидений?

Глава 17

На крыльце, пока Фейбл настраивалась, Бабушка и Шу разговаривали.

— Почему Вы не рассказали ей? — спросила Шу.

— Ты знаешь? — удивилась Бабушка.

— Ну, конечно же, знаю, — ответила Шу. — Я узнала об этом в Дримори. Я удивлена, что Вы знаете.

— Локи рассказал мне, — сказала Бабушка. — Я удивлена, что Аксель и Фейбл не в курсе. Я имею в виду, все в их поведении и внешности просто кричит о том, кто они такие на самом деле.

— Думаю, она настолько захвачены Локи и моим приключением, что ни о чем другом не думают, — призналась Шу.

— Как по мне, так все в Скорби знают, кто такие Аксель и Фейбл, — усмехнулась Бабушка.

— Так они оба из Семерых Потерянных?

— Я так думаю, — Бабушка пожала плечами. — Честно говоря, я не знаю кто именно эти Семеро Потерянных. Меня не было, когда все это произошло. Ни меня, ни отца Локи. Казалось, она окунулась в воспоминания. — Ну, мне не хочется говорить об этом сейчас. Я удивлена, что ты сама в этом не уверена.

— Поверьте мне, я помню не так уж много, — сказала Шу. — Я даже не помню Серену. Я поверила всему тому, что произошло во сне. Я понадеялась, что это правдивые воспоминания о ней. — Она посмотрела на остальной город за горизонтом. Бабушка присоединилась к ней. — Будет действительно странно, если Аксель и Фейбл окажутся одними из Семерых Потерянных, — сказала Шу. — То есть, когда я думаю, что у них мое сердце, я просто...не могу передать словами чувства.

— Это тяжело. Понимаю, — сказала Бабушка. — Не знаю на счет Акселя, но Фейбл ты видела, когда была заключена в Шлоссе. Думаю, она бы умерла за тебя, а ведь бедная девочка даже не знает о связи с тобой. Это истинная причина, по которой она желает

отправится в столь опасное место, как Мир Сновидений.

— Бедная Фейбл, — произнесла Шу, вздыхая.

— Вы ей сказали, что в дневнике Я.Г. она упоминается в качестве ведьмы? — Бабушка посмотрела на нее.

Шу снова кивнула.

— Я тоже думаю, что она Ведьма. — Это по-прежнему был спорный вопрос. Любая другая могла быть ведьмой, но Фейбл была Гретель, что придавало всему еще большей правдивости. Никто из Семерых Потерянных больше не упоминался в дневнике.

— Опять же, почему Вы не рассказали ей? — спросила Шу.

— Потому что этот опыт будет трудным, — ответила Бабушка. — Когда я увидела эту чудную, милую девчушку, мне стало жаль, что она получила силы Охотника за Сновидениями от Локи. Ведь это такая ответственность. Вхождение в Мир Сновидений само по себе бремя. Я не буду добивать ее, открыв правду кто она такая на самом деле.

— Я просто беспокоюсь, что в Мире Сновидений она узнает правду о себе, — призналась Шу. — Кто знает, что может произойти?

— Чтобы достать Руно Локи, придется рискнуть, — сказала Бабушка.

— Как на счет странной зависимости от хлебных крошек?

— Все потому, что она в последнем Дримори, она испытала на себе сильное заклинание, — сказала Бабушка. — Думаю, потому она внезапно поняла, что она — Гретель. Из-за той связи с Локи.

— Так значит, она связана с нами обоими, со мной и с Локи? — Шу закрыла глаза. — Что может прийти в голову этой прелестной девушке, с таким тяжелым грузом на плечах?

— Думаю, с ней все будет в порядке, — улыбнулась Бабушка, довольно милой улыбкой для отвратительного призрака.

— Послушайте, — произнесла Шу, разглядывая ее. — Мне правда жаль по поводу Локи, но произошло столько всего. — Шу прикоснулась к медальону Локи на шее. — Мне, правда, жаль.

— Я не хочу, чтобы ты извинялась, — ответила Бабушка. — Ты удивишься, как я надеюсь на возвращение Локи. После того, как он воскресал и умирал последние пару лет. — гордо ответила Бабушка. — Какая мать, таков и сын, полагаю. — Внезапно ее смех испарился. — Есть еще кое-что, что беспокоит меня, Шу, если не против, я скажу.

— Правда? Что же?

— Я обеспокоена тем, что вы с Локи влюблены, — сказала Бабушка. — То есть, если любовь по-настоящему Истинная, почему ты тогда не смогла прочесть то, что написано на кулоне во сне?

— Что Вы имеете в виду?

Бабушка колебалась, затем услышала, как Фейбл звала их в доме.

— Ничего, — ответила она и скрылась внутри. — Просто Локи никогда не говорил мне, что влюбился в тебя в Скорби два века назад. Не пойми меня неправильно, но я просто не представляю, как такое могло произойти. Он был...ну, злобным охотником, а ты — его заклятым врагом. Как вы вообще сошлись вместе?

— Должно быть, произошло что-то невообразимо прекрасное, — произнесла Шу, со слезами на глазах. Ее смущало то, что она совершенно не помнила как они с Локи полюбили друг друга. Но чувство было неоспоримым. Она так сильно любила его, что временами это казалось даже странным...особенно, после того, как ей пришлось убить его во сне. Шу

приложила ладонь к груди, когда на лице появилась улыбка. Сомнений быть не могло... Локи в ее сердце.

Глава 18

Создать Храм Сна много времени не заняло. Локи объяснил как он работает, когда они были в Шлоссе. Каждую деталь: как нарисовать Храм Сна, и как использовать зеркала. У Фейбл промелькнула мысль, что Локи, может быть, чувствовал, что с ним произойдет нечто подобное. Быть может, он намеренно подготовил ее, не сообщая ей об этом, так же как Чармвилль готовил его. Фейбл почувствовала себя лучше от осознания связи с Локи. Он по-настоящему нравился ей с момента их первой встречи.

Прямо сейчас Фейбл и Шу лежали рядом друг в круге Храма Сна в подвале. Два зеркала стояли друг напротив друга, остальная часть ритуала также была подготовлена. Бабушка принесла две оболские монеты и положила их на веки девушке, это было необходимой частью ритуала. Затем она капнула по капле Детских Слез в глаза Шу. Шу выглядела сонной, когда Фейбл прошептала ей на ухо Инкубатор, последнее, прежде чем оказаться в Мир Сновидений.

— Вильгельм Карл Гримм, — произнесла Фейбл.

Пока она ожидала погружения в Мир Сновидений, Фейбл повернула голову к Бабушке и сказала:

— Не могли бы Вы дать мне немного хлебных крошек с собой в путешествие?

— Ты ведь знаешь, что в Мир Сновидений ничего нельзя пронести из внешнего мира, — напомнила Бабушка.

— Тем не менее, вреда не будет, если я попробую, — ответила Фейбл, ослабленная своей зависимостью от хлебных крошек. — Пожалуйста?

Бабушка принесла ей полную горсть хлебных крошек и вложила их в ладонь Фейбл, зажала ее пальцы и нежно стиснула ее руку.

— Спасибо, — сказала Фейбл. — Теперь я чувствую себя безопасней.

Бабушка подождала, пока Фейбл заснет и произнесла:

— Спасибо тебе, Фейбл, за то, что согласилась пройти через ад, чтобы спасти моего сына.

Часть 2. Потерянные Души и Магия

Глава 19

Шлосс

— Почему ты перестала читать? — спросил Аксель у Люси.

— Потому что мне не нравится этот дневник, — ответила она, положив книгу на колени.

— Что тебе не нравится? — удивился Аксель. — Это самый лучший дневник, который мне только приходилось читать. Меня тронуло то, как Кармила конфликтует с зеркалом.

— О чем это ты говоришь, Аксель? — фыркнула Люси. — Это не та Королева Скорби, с которой я ожидала прочесть. Она слишком ветреная и хрупкая. Что это вообще такое?

— Я думал, она тебе нравилась.

— Нравилась, и до сих пор нравится, но я хочу, чтобы она стала сильнее, а не была жалким подростком, который только и делает, что скулит о своем внешнем виде, — сказала

Люси. — Мне это не нравится.

— Я уверен, путь, что она избрала все равно превратит ее в жестокую Королеву Скорби, которая тебе так нравится, — сказал Аксель. — Иначе как бы она стала такой как сейчас?

— Как думаешь, что она увидела, когда посмотрела на отражение в воде? — внезапно глаза Люси вспыхнули. — Думаешь, она увидела вместо красавицы чудовище?

— У нас есть только один способ выяснить это. — Аксель вскинул бровь и указал на дневник, жуя Липкие Сладкие Косточки.

— Ты прав, — согласилась Люси. — Давай читать дальше.

Глава 20

Дневник Королевы

Когда я открыла глаза, я была удивлена и у меня не было времени увидеть в воде свое отражение. Прежде чем я полностью оглядела гребни волн пруда, чьи-то руки схватили меня сзади и потянули. Первой мыслью было то, что это был мой отец, он словил меня до того, как я уступила своей эгоистичности и послала свою семью и страну ко всем чертям. Но обьятия были слишком настойчивыми, чтобы быть отцовскими. Это были вовсе не любящие обьятия. Они хотели навредить мне. То были обьятия врага.

Я не увидела своего похитителя, кем бы он ни был. Он начал душить меня. Все те года, что я провела в замке, я училась верховой езде и даже пользовалась мечем, но всего этого оказалось не достаточно, чтобы справиться с моим похитителем. Перед моими глазами мелькали самые мрачные развития сценария.

Что со мной будет?

Очень скоро я потеряла сознание. Как только перед глазами воцарилась тьма, как некто произнес одно имя, которого я боялась больше всего на свете.... по-крайней мере, меня учили бояться его. Это имя я слышала однажды, из уст своего отца. Кто-то восхвалял своего короля: Ночная Скорбь.

***

Когда я очнулась, я была закована в цепи в какой-то подземной темнице. Определить, что она подземная было легко. Она была темная и грязная, не похожа на те, что я видела прежде. Серые стены и своды с маленьким окном с решеткой, слишком высоко для того, чтобы достать обычному человеку. Я была удивлена, что еще не запаниковала. То что я увидела позднее повергло меня в панику.

В отчаянии, я попыталась освободиться от цепей, вырываясь, умоляя и глупо запугивая своих врагов, что мой отец выследит их одного за одним. Все было напрасно. В ответ мне раздалась лишь леденящие душу смешки и брань. Затем я осознала, что цепи привинчены к стенам с четырех сторон, держа меня на весу в воздухе, и я не знала, что находится подо мной.

Как такое возможно?

Как только я задергала ногами и закричала, я ощутила странный запах. Это была смесь запахов и ароматов, которые я никогда не слышала — не все сразу.

Что это было?

Я вынуждена была сосредоточиться, чтобы попытаться отделить запахи друг от друга и своего собственного. Первый было легко и безошибочно узнать. Кровь. Очень много,

проникая словно навязчивая болезнь в мои ноздри. Запах шел откуда-то снизу, но я не могла повернуть голову, чтобы посмотреть вниз.

Что может вместить в себе такое количество крови? Бассейн?

Меня затошнило не об одной мысли об этом, а то, что я вся была насквозь мокрая от крови. Повернув голову, я увидела, как по ногам и рукам струится кровь.

Меня окунали в этот бассейн? Зачем?

Я проследила за сочащейся кровью и увидела что она струится из порезов от цепей на руках и ногах, от увиденного я закричала в агонии. Наконец, я разглядела то, что было подо мной. На этот раз мне удалось. Я была подвешена над ванной. Кровавой ванной. Ванная была наполнена кровью. Но не только. Были и другое жидкости, которые я не могла определить сразу, — потому что, серьезно, нет никакого смысла смешивать их вместе.

Что это была за смесь и зачем?

Кровь была смешана с чем-то белым, оно разплывалось по ней словно кривые ветви деревьев.

Что это было? Молоко?

Затем было еще что-то, но у меня не было времени, чтобы увидеть это глазами. Мои конечности кричали от боли и умоляли вернуться в нормальное положение. Но я учуяла его аромат. Это было нечто редкое, ценное и желаемое среди королей и королев в то время. Удовольствие только для элиты. Шоколад. Темный шоколад. Я знала это потому, что в те времена, подобно Вампирской Лихорадке была мода на Шоколад. В Штирии, шоколад был запрещен, бедные все равно не могли его себе позволить. Подобные моей матери могли позволить тратить себе сумасшедшие суммы на это лакомство, когда нас навещали короли и королевы. Основаниями для запрета послужили умозаключения врачей Франции и Лондона, которые объявили, что шоколад вызывает безумие. А безумие было связано с болезнями, которые, как доказали недавно были связаны с вампирами.

Но сейчас у меня не было времени раздумывать почему я была в этой смеси, когда мое тело висело в воздухе. Я решила достать моих похитителей единственным оружием, которое у меня было. Моим криком!

Я закричала, завизжала и заверещала что было силы, желая ответа или разъяснений, почему я была здесь — и здесь это где? Все эти крики никак не могли помочь мне освободиться. Подземелье смердело злом. Во мраке молчаливо стояли десятки мужчин и женщин, укрытые плащами. Но я не могла понять почему они ничего не говорят.

Это был какой-то ритуал? Они кого-то ждали?

Пару мгновений спустя, я увидела ворона и голубя, порхающих за зарешеченными окнами моей темницы. В этот самый момент, мои мучители медленно вышли из мрака, откидывая капюшоны и уставившись на меня. Мужчины и женщины обнажили острые клыки. Бледные, но прекрасные лица с необычными золотистыми глазами. Они явно принадлежали семье Сорроу, злейшими врагами моей семьи с того самого дня, как нашему предку удалось сбежать из Трансильвании.

Один мужчина подошел ближе. Все слегка отступили и учтиво поклонились ему. Он оказался гораздо уродливей прочих. У него были красные глаза, а не золотые. У него были длинные серебристые волосы и густая борода, черты лица мужчины были резкие — слишком резкие, его скулы были очень острые. Не левой щеке у него был шрам. Мужчина положил обе руки на трость. Я могла видеть его длинные белые ногти, блестящие в тускло освещенной комнате. Это были старческие руки. Я не сомневалась, что это был Ночная

Скорбь, потому что я не видела ничего страшнее его в своей жизни. Я никогда не встречала кого-то более хладнокровного. Через небольшой разрез его рта были видны клыки, подтверждая мои страхи. От него пахло кровью, молоком и шоколадом.

— Это она? — Спросил Ночь хриплым голосом, от которого мурашки по коже.

— Кармила Карнштейн во плоти, — кто-то ответил ему.

— Слабость во плоти, — сказал Ночь, делая шаг вперед и наклоняясь. Он взял меня за челюсть и мелденно приоткрыл свои губы, снова показывая клыки. — Сила заключается в душе, что живет вечно, — добавил он, почти восхищаясь мной..., пока его взгляд блуждал по моему телу. — Я уже ощущаю запах ее души, — пробормотал он с завистью и ненавистью, быть может, сам он был лишен души.

— Я знаю кто ты! — я плюнула в него, удивляясь, откуда взялась моя злость. После случая с моей мамой, это был второй раз, когда я осознала, сколько злости было у меня внутри.

— Тогда ты не так боишься, как должна была бы, — сказал Ночь, — Хотя я и презираю всех Карнштейнов, я всегда восхищался их глупой храбростью, — его глаза встретились с моими. Они словно видели меня насквозь, приникали в самую суть. — Ты такая красивая, Кармила, словно наливное яблочко Карнштейнов. — Он рассмеялся, когда его когти дотронулись до моей щеки. — Мы так долго тебя ждали.

— Отпусти меня! — я извивалась в своих цепях, совсем не понимая, что он имел в виду, — Что эта за ванна? Что ты хочешь от меня?

— Это ванная, наполненная кровью, молоком и шоколадом. — Он обмакнул в нее свой длинный указательный палец и сунул в рот, облизывая его, зажмурив глаза. — И это не просто какая-то кровь, или молоко и шоколадом. — Похоже, для него это было действительно вкусно. — Я отпущу тебя. — Он подал сигнал только что вошедшим стражникам и развязал меня. Они были высокие и сильные, так что борьбе я предпочла выбрать бегство. Пока рано. Я ведь не знала где я находилась.

Ночная Скорбь обернулся к мужчине в плаще.

— Пошлите за ним, — приказал он. — Я хочу, чтобы он завладел ею. Сейчас же! — закричал он, сжимая кулаки, на широкой шее выступили красные вены. Жидкость в ванне тотчас же забурлила, кровь, молоко и шоколад смешались воедино бурным потоком. — Посмотрим, та ли она кто нам нужен.

Несколько закутанных в плащи мужчин втолкнули через стальную дверь незнакомца в красном плаще. Широкоплечего мужчину. Его руки были связаны, тем не менее, двое едва сдерживали его. Он казался сильным, его взяли лишь численностью. Еще один заложник, подумала я, так сильно он хотел освободиться.

— Надеюсь, ты уже познакомилась с моим сыном, Ангелом фон Сорроу, — гордо объявил Ночь, сдергивая капюшон с Ангела.

— Продавец яблок? — Мое сердце разбилось на кусочки. Слишком много сюрпризов. Впервые, я поняла, что Ангел предал моего отца и мою страну. Он оказался не продавцом яблок, а членом семьи Сорроу. Разве он не говорил, что его фамилия Хассенфлаг? Он и был тем самым вампиром, что должен был убить меня?

В тот день мне было плевать, погибну я, или останусь в живых. Как Ангел мог предать меня? Тогда я впервые поняла, что мир не так уж дружелюбен, как кажется. Меня держали в четырех стенах, и я даже не знала, каков мир в самом деле. Предательство было первичным впечатлением.

— Это была милая маленькая уловка, чтобы одурачить тебя и проникнуть во дворец, чтоб разузнать о тебе. — Усмехнулся Ночь. — Видишь ли, мой дорогой сын еще полностью не обратился в вампира. Мы устроили церемонию его полного обращения, так что я отправил его в Германию, а затем и в Австрию, выдав его за человека. Твой отец не почувствовал его, потому что он еще полукровка. Карнштейны пока не научились находить полукровок. Годами, мой сын был полезен для нас, учился как думают и ведут себя люди, чтобы вскоре мы смогли завладеть этим миром.

— Почему Вы делаете это? Если мне суждено умереть, позвольте хотя бы узнать.

— Потому что люди годами охотились и убивали нас, думая, что мы всего лишь жалкие крысы, заражающие мир болезнью. — На мгновение, в словах Ночной Скорби промелькнула боль. Вскоре он снова повысил свой охрипший голос, словно актер в Шекспировской пьесе. — Вы ошибочно сжигаете всех, кто отличается от вас: к примеру, женщин, что вы зовете ведьмами. Люди уничтожают все, что ново для них, потому что они попросту не могут это понять. Они не способны разглядеть красоту за клыками и кровью. Вы обращаетесь с нами, как с ходячей чумой, думая, что вы высшие создания на земле. Мы — вампиры, вершина бытия. А не вы. В нас гораздо больше силы, чем в человеке. Мы — нечто новое и прекрасное. Знаю, мы создаем впечатление злобных существ, но это вовсе не так. Вампиры просто отличаются от людей своим образом жизни. Люди должны уступить нам место, для жизни.

— Что за бред Вы несете? — выплюнула я. — Вы убиваете людей. Вы пьете их кровь.

— Люди пьют кровь другим людям каждый день, — ответил Ночь. — Взгляни на войны и нищету вокруг тебя. Но ведь ты — Карнштейн. Ты не поймешь. — Он обернулся и схватил сына за волосы. Это было жестоко. Глаза Ангела налились кровью и он постарался отвести взгляд. Я не знала, то ли страх, то ли стыд парализовал его. В Штирии он выглядел сильным и свирепым.

Что с ним случилось?

— Возьми ее, сын мой, — потребовал Ночь. — Она такая сладкая. Она станет твоей первой, и ты сможешь обратиться в вампира. И, быть может, она та, кого мы ищем для тебя. — Он уже во второй раз упомянул об этом. Интересно, кем он считал меня на самом деле.

— Я не хочу! — простонал Ангел, вырываясь из рук отца. — Я не хочу становиться вампиром. Я не хочу быть таким как ты!

Ночь ударил сына по лицу. Это было нечто большее, чем простая пощечина. Он оставил на его щеке шрам, очень похожий на свой собственный. В отличие от Ночной Скорби, шрам Ангела мгновенно затянулся. Я оказалась в замешательстве.

— Ты такой же вампир, как и я. — Ночь стиснул лицо сына длинными пальцами, лоб ко лбу, словно умолял. — Ты — Сорроу. У тебя нет выбора. То время, что ты провел с людьми, смягчило твое сердце. Ты должен был испробовать ее крови во время поездки в их замок. Я принес ее сюда, к тебе, так что больше никаких отговорок.

— Не могу, — взмолился Ангел. Он по-прежнему любил своего отца, не смотря на то, что эта любовь была нездоровой. — Я просто не могу. Пытай меня, как тебе только вздумается. Если бы я только мог стать человеком, я бы продал свою душу в обмен на это.

Ночная Скорбь снова ударил сына по лицу, оставляя длинный надрез.

— В этом-то вся проблема полукровок. Они думают, что у них есть душа. Ты думаешь, что не похож на меня? Думаешь, будь ты человеком, ты бы смог исцелиться?

— Быть может, у меня кровь Сорроу, но только не сердце, — произнес Ангел, испытывая удачу еще раз, прежде чем приспешник обратит его.

— У тебя нет сердца, — закатил глаза Ночь. — У тебя нет души. Ты лишь думаешь иначе. Теперь, возьми же ее, или я тебя заставлю.

— Ты меня не заставишь!

Ночь сделал шаг назад и достал из-за пазухи небольшую флейту. Она была сделана из дерева и в ней было семь отверстий. Я не поняла, почему Ангела и приспешников охватила паника. Станным образом, Ночь начал наигрывать мелодию на своей флейте. Его образ напомнил мне о Крысолове, о котором рассказывал отец. Что если Ночная Скорбь и был тем самым Крысоловом? Что если это была та самая мелодия, о которой рассказывал отец? Я не знала. Впрочем, перефразирую... я не могла знать. Мелодия ничем не запоминалась. То есть, я могла где-то ее слышать, но повторить или вспомнить ее я не смогла бы. А самое важное, она оказывала огромное влияние на Ангела. Золотой оттенок в его глазах пропал, уступив место кроваво-красному, который становился все более интенсивным, по мере того, как Ночь продолжал играть. Закрыть уши руками он не мог, рыки были связаны у него за спиной. Ангел зажмурил глаза и стиснул зубы, тщетно желая, чтобы мелодия прекратилась. Я не понимала почему. Какой силой обладала эта флейта? Я могла лишь предположить, что это было как-то связано с Крысоловом и Семерыми Потерянными, которым удалось сбежать несколько веков назад. Казалось, мелодия склоняет Ангела на темную сторону. Сперва, я подумала, что он дурачит меня, но я ошиблась. Он должен был укусить меня еще в Штирии, но по каким-то причинам не сделал этого.

— Отпусти его, — приказал Ночь своему приспешнику. — Музыка уже овладела моим сыном. Позволь ему опробовать ее крови. — Он снова начал играть.

Теперь Ангел был свободен, его кровавый взгляд остановился на мне. От его злобного взора по моей спине пробежали мурашки. Увидев, вздущиеся на его руках вены, я поняла, как он силен. Каким же голодным он, должно быть, был? Я ничем не могла помешать ему убить меня, лишь беспомощно смотрела в ответ. Моя красота, которую я так и не смогла увидеть в пруду, была моим единственным оружием, после его изменения. Он сказал, ему нравится как я выгляжу. Это снова должно было сработать. К сожалению, этого не произошло.

В мгновение ока, Ангел оказался передо мной. Он оттолкнул приспешника, не отводя от меня взгляда. Его руки сомкнулись у меня на шее. Он без особых усилий поднял меня, ноги бесполезно болтались в воздухе.

Ночь прекратил играть.

— Вот это мой сын. Возьми ее!

Ангел опустил мою голову на уровне своих глаз. Тьма поглотила его глаза. Это заставило меня поверить в то, что у него действительно нет души и не осталось ни единого намека на человечность. Он прижал меня к себе и вонзил клыки мне в шею. Я ощутила боль, как от иглы. Она была резкой и быстрой, но он не вонзил клыки до конца...пока. Он ранил меня, обагрив клыки кровью.

— Я бы хотел остаться с ней наедине, — сказал Ангел отцу, который тут же бросил на него подозрительный взгляд. — Она — мой первый человек. Мне необходимо прочувствовать всю особенность этого момента.

Ночь приблизился к нему и коснулся губ Ангела пальцами, размазывая мою кровь. Он попробовал ее на вкус и медленно ухмыльнулся.

— Почему бы и нет? — произнес он. — Наслаждайся своей первой жертвой, сын мой, и дай нам знать, если она та самая. — Он приказал уйти своим приспешникам.

Ангел так пронзительно посмотрел на меня в ответ, что меня бросило в жар.

— Помнишь, когда я сказал, что твой взгляд исцелит мою душу? — прошептал он и я кивнула. — Продолжай, не важно сколько людей при этом я убью.

Пока приспешники разглядывали спину Ангела, он отпустил меня и стиснул мои ладони, прежде чем обернуться. Ангел вынул один из мечей и ударил первого справа прямо в живот. Даже Ночная Скорбь не сразу понял что его собственный сын обманул его. Ангел стиснул мои руки, словно это придавало ему сил, и ударил другого приспешника, прорываясь к двери. Мелодия флейты все еще имела над ним власть, но не долго. Я предположила, что в ближайшее время, эффект сойдет на нет, если только Ночная Скорбь не заиграет снова. Ангелу удалось противостоять своей собственной семье.

Я не могла бежать с такой скоростью, поэтому он взвалил меня себе на плечо, будто куклу. Я не видела столь яростного гнева ни разу в своей жизни..., но опять же, я многие годы провела в замке, и во многом была наивна. Я попыталась не смотреть, как он убивает людей направо и налево, закрыв лицо подолом платья. В воздухе повис запах крови. Я закрыла глаза. Этот опыт нанес мне психологическую травму и тьма во мне стала больше. Что-то во мне было не так. Я всегда это знала. Тогда я еще не знала, что я наслаждалась убийствами Ангела. Быть может, я научилась тому, что доброта должна проникать в этот мир подобно крови, а не по средствам улыбок. Гнев Ангела был темным и бесчеловечным. Он рычал, будто лев, отрывая головы голыми руками. Я знала, что он рычал, чтобы не сдаваться на волю своего отца. В Ангеле изначально уживались двое людей. Дьявол, по имени Ангел.

Позднее, когда я вспоминала этот момент, я думала о том, как у влюбленных все случается "впервые". Обычно, это первый поцелуй, первая песня или первое свидание. Ангел и я отличались от всех прочих влюбленных. У нас была первая ложь, первые шрамы и первые убийства. Наша первая кровь.

— Верь в меня, Кармила, — взмолился Ангел, продолжая зверски расправляться со своими же людьми. — Верь в меня.

И тут я поняла, как ему это удавалось. Через мою тоску по нему. Знаю, это кажется несправедливым, мне нужно было верить в человека, который убил свой народ, чтобы поступить правильно. Но это сработало. По мере того, как убийства продолжались, я никогда прежде не видела столько смертей и крови, поэтому я потеряла сознание, веря в него как никогда прежде, наши руки были в крови.

Прежде чем потерять сознание, я вспомнила историю матери о Пираме и Фисбе, и как боги благословили их любовь кровавыми яблоками. Я увидела как наши истории похожи. Мы стали новыми Ромео и Джульеттой, но безжалостней и кровожадней. Мы стали Ангелом и Кармиллой.

Глава 21

Немного погодя, я очнулась в своей кровати в замке Карнштейнов. Я была в целости и сохранности, в окружении своей семьи и друзей. Я снова вернулась к своей королевской жизни, шелкам и роскоши, словно принцесса.

Я снова вернулась домой, где мне было самое место, назад в заботливые и бережливые руки матери и отца, туда, где впору чувствовать себя родным и любимым. Но все-таки я

чувствовала себя такой одинокой, не знаю почему. Нечто весомое исчезло из моей жизни, образовав пустоту, и я не могла понять, что это было.

День за днем я ходила в тени того, кем я должна была быть. Чувствуя резкое и головокружительное отсутствие индивидуальности, притворяясь тем, кем я на самом деле не была. Но ведь это был мой дом. Это была моя жизнь, никакой другой я, пожалуй, не знала. Это была хорошая жизнь, о которой мечтала б любая девушка — такая хорошая, что мне было стыдно.

Семь дней спустя я поняла что со мной не так. Я осознала, что не помню что случилось со мной после того, как я сбежала из замка и хотела увидеть свое отражение в воде — конечно, я со временем все вспомнила. Ангел не просто спас меня от своего злого клана — и себя самого — он также стер мои воспоминания о случившемся. Одно из самых опасных умений Ангела была способность стирать память простых смертных.

Мои родные рассказали мне, что я потерялась в лесу, и что они нашли меня спустя два дня в расписанной золотом карете в форме тыквы, за пределами замка. Они сказали, что не знают, кто вернул меня обратно, но они были очень благодарны. Мама пошутила, что это должно быть мой тайный поклонник, мой рыцарь в сияющих доспехах. Естественно, я знала, что они лгали мне, потому что они никогда не упоминали погибших солдат из охраны замка, убитых темным человеком, лица которого я не видела.

Я продолжала проводить дни, запутавшись в паутину странных образов, едва ясных воспоминаний, думая, что это грезы. Хотя я не помнила, что случилось со мной, я не могла отделаться от чувства потери чего-то дорогого мне — Ангела. Долгие прогулки в садах замка, длинные дни сбора яблок с деревьев, и длинные бессонные ночи не могли похоронить это чувство. Оно оставалось со мной словно позабытое детское воспоминание, которое ты не можешь вспомнить, но и никогда не забудешь.

На протяжении двух лет, пока мне не исполнилось девятнадцать, я находилась в ловушке тумана, все так же не проявляя никакого интереса к своему отражению, заводя друзей, встречая людей. Сезоны менялись один за другим, деревья умирали, рождались дети, а я оставалась все та же. В какой-то момент я начала спрашивать о каком-то яблочном торговце, который только что исчез из жизни. Отец сказал мне, что он поменял свою линию бизнеса и все контакты между Карнштейнами и Ангелом Хассенпфлагом закончились. Единственный парень, в чьих глазах я могла видеть себя настоящую исчез. Все что мне оставалось делать, это собирать яблоки с деревьев вместе с крестьянами, чтобы скоротать свои унылые подростковые годы.

Пока в один прекрасный вечер я не подслушала как папа говорил маме, что он выяснил, что Ангел был потомком Скорби. Какая ирония, что я была на грани того, чтобы встать против своих родителей и отрицать возможность этого. С моей стертой памятью я не могла поверить в то, что это правда. Но я не могла знать или быть уверенной, и продолжила теряться в тумане моих подростковых лет, теряя интерес к жизни, тогда как это должен быть самый лучший период моей жизни. Сейчас я думаю, что мои подростковые годы положили начало аду, через который я прошла позже.

В конце концов мне надоело собирать яблоки. Затем несколько недель спустя, я начала терять аппетит ко всему — кроме молока и шоколада, которые я начала хотеть все время. Я не могла понять почему. Экономика моей страны все процветала и процветала, и моя семья никогда не была счастливее. Ничего из этого не имело для меня смысла. Я была похожа на пророка, прежде чем Божье слово снизойдет на них, знающего наверняка, что с этим миров

вокруг них что-то не так, и всякие правила, религии и ложные боги, которым поклонялись люди, не истинные. Это могло продолжаться, но у меня не было никакого прозрения, и никакой воображаемый Бог не разговаривал со мной. Пока не вернулся Ангел...

***

Сначала я думала что в лесу меня преследовала какая-то ведьма или незнакомец, или воины моего отца, которые незаметно ходили за мной везде, чтобы я опять не поддалась и не пошла к Жемчужному Прудку.

В этот раз было все иначе. Я знала, что доверяю тому, кто меня преследует. Это был кто-то, с кем я хотела встретиться. С каждым новым шагом я думала, что вспоминаю, что случилось со мной. Ощущение того, что за тобой наблюдают захватывало дух, пока Ангел не предстал прямо передо мной. Прямо там, среди густых деревьев и белого снега в самом сердце леса. Он был одет как священник.

— Яблочный торговец! — вскрикнула я. Внезапно, мои мысли озарила вспышка молнии, когда я посмотрела в его глаза. Это был не настоящий свет, это были воспоминания. Настоящие воспоминания: кровавые, полные боли и наслаждения.

Я вспомнила все, что он хотел, чтобы я помнила. Вот почему он вернулся. Я предупредила его, что поблизости воины моего отца, и он улыбнулся, немного напыщенно — он позаботился о них, но не убил, хвала Богу.

— Прости, мне потребовалось два года, — он взял меня за руки, его глаза сияли так, словно на земле не было других женщин, кроме меня, — Я думал, что достаточно силен, чтобы забыть о тебе, — добавил он. — Я думал, что смогу оставить тебя, чтобы ты жила своей спокойной жизнью, без меня и скорби, которую я принес с собой, — он остановился, чтобы отдышаться, — Но я не смог, Кармила. Я просто не смог.

— Как ты мог поступить так со мной? — я оттолкнула его руки. Я не боялась его, как сына короля-вампира. Я была сердита на его глупость воспользоваться моментом и верить в единое сердце. Как он мог не видеть, как сильно расцвело мое сердце рядом с ним, распустилось в лучах его глаз?

— Я сделал это, потому что забочусь о тебе, Кармила, — глаза Ангела увлажнились. Я думаю, никто не говорил со мной более искренне. Этот темный человек жаждал меня самым странным образом. — Это неважно. Мы — враги. Наши семьи, практически, огонь и лед. И я предназначен для того, чтобы убить тебя как человека. Я был создан, чтобы разрывать таких как ты на части. Я должен выпить твою кровь и оставить твой хладный труп, но я не могу. Те годы, которые я провел среди людей, под видом одного из них, лишь смягчили мое сердце. Я провел так много ночей думая, есть ли какой-нибудь способ стать одним из вас и освободиться от участи быть вампиром. Но каждый раз, когда я думал об этом, для меня не находилось весомой причины, чтобы стать таким. Пока... — Ангел пожал плечами. Он едва не отвернулся, — Пока я не встретил тебя.

— Ангел, — это было все, что я сказала, прежде чем обвить себя его руками и заплакать слезами радости. Сначала он не позволял мне обнять его. Для него это было огромным искушением.

Мы скрепили договор кровью, чтобы быть проклятыми нашими семьями и миром на всю нашу оставшуюся жизнь. Все эти годы жизни в Штирии я была всегда в объятиях отцовских рук, целовала и обнимала перед сном маму. Тем не менее, я никогда не чувствовала себя как дома, пока Ангел не пустил меня в стены своего изодранного, но все

еще нежного сердца. Наконец, он сделал это. Он обнял меня достаточно сильно, чтобы простить ему те потерянные годы без него.

— Скажи мне кое-что, Ангел, — сказала я, — Почему я так сильно тебя чувствую? Хотя мы прошли так много всего за короткое время, это не имеет значения. Я словно в тебе.

Похоже, у Ангела был ответ, но он не отвечал — годы спустя я сообразила почему, но еще слишком рано говорить об этом. Вместо того, чтобы говорить, спорить и желать мы вместили все наши страхи в один длинный, бездыханный поцелуй. Наш первый поцелуй. Наконец, неплохой первый поцелуй.

Это был долгий поцелуй. Я закрыла глаза. Думаю, он тоже. Он целовал меня так, как человек дышит, чтобы жить. Не в переносном смысле. Он действительно затягивал мою душу в себя, и я не могла понять почему значила для него так много. Я не понимала как он мог так страстно целовать того, кого он должен был убить. Я не понимала, где он был в течении этих двух лет и почему он вернулся сейчас.

Прямо сейчас я удивлена что не могу передать на бумаге те эмоции, которые я чувствовала в тот день. Молодая любовь, со всем ее безрадсудством и отсутствием разумности и логичности, оказалось, была драгоценным, волшебным чувством, которое я возможно потеряла на долгие и пустые зимы своей жизни. Непокойная жизнь, которой я жила после, сделала это воспоминание немного туманным. Я не могу даже поверить что я так легко влюбилась в Ангела, но это было то, чего желало мое юное сердце. Это было началом самого безумного приключения, которое со мной когда-либо случалось. Мой туман ходячего мертвеца в садах Штирии закончился. Я любила. По-настоящему любила. Это была такая любовь, как в историях Шекспира, которые я читала. Я была готова умереть ради Ангела самыми необъяснимыми способами.

— Ты это чувствуешь? — сказал он, прижимая меня.

— Да, — я засмушалась, думая, что он говорит о поцелуе.

— Кажется, под нами тряслась земля — сказал он.

В тот день я не чувствовала, что земля тряслась, но вспоминая теперь, я думаю, что так и было. Она должна была трястись. Земля, вероятно, знала, какое горе принесет в наши жизни этот союз.

Глава 22

Я могла бы рассказывать о том, как Ангел настаивал на встрече с моим отцом и о том, как хотел рассказать ему о своих чувствах ко мне. Я могла бы рассказать о том, как все пошло наперекосяк. Мой отец, не смотря на поддержку и помощь Ангела в войне против войск Скорби, поддался осуждению со стороны моей матери и дворян и всем прочим, кто не одобрил нашу любовь.

Я могла бы рассказать о том, как Ночная Скорбь в деталях описывал убийство Карнштейнов, включая собственного сына, если Ангел и я останемся вместе. Ночь уже начал убивать европейских союзников Карнштейнов, просто чтобы отстоять свою точку зрения.

Я могла бы рассказать, как жители Штирии были шокированы, узнав, что я влюблена в нашего врага, с коим по всей Европе бушевали войны. Но я не вижу смысла перечислять все эти подробности. Все, что вам нужно знать, что наша любовь была проклята, обречена и разрушительна для окружающих.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ангел и я сбежали от моей семьи в маленький городок в Италии. Мы ехали дни и ночи,

переодеваясь нищими, торговцами яблок и артистами. Все разыскивали нас... особенно Ангела. Его изображения были написаны талантливейшими художниками и развешаны в большинстве городов. Подробное описание Ангела: длинные, как смоль волосы; заостренные черты лица, что белее снега; и губы алые, как кровь; передавалось от человека к человеку, перемежаясь со слухами. Ангел питался лишь животными, которых он так ненавидел, но в то время выбора у нас не было. Куда бы мы не бежали, люди везде говорили о вампире — полукровке, который противостоял своему королю — вампиру. Его прозвали Черной Смертью, иногда Дракул, что означало "дракон" на Румынском. Чтобы Ангел не предпринимал, чтобы стать человеком, человечество не принимало его. Вампиры также отrekliсь от него. После мы стали слышать вести... слухи, что люди позднее стали звать сказками... о человеке, который преодолевал глубокие снега Трансильвании и Штирии, убивая других людей. Поговаривали, он носил черное, и обычно был окружен черными вОронами. Говорили, снег становился алым от крови его врагов. Люди прозвали его Красный Дракон, Черный Снег и множествами прочих имен, которые постоянно вращались вокруг этих трех цветов, что позднее прокляли мою жизнь: алый, белый и черный.

Ангел и я продолжили наше бегство по Европе, но бежать было некуда. Ангел чувствовал мою слабость и неопытность скрываться и преодолевать столь ужасные путешествия, и потому предложил мне отправиться в безопасное место, пока он расправится с нашими преследователями..., позднее, я узнала, что он слишком сильно желал моей крови и боялся, что не сможет удержаться рядом со мной.

Ангел нарисовал мне карту и наказал следовать ей. Он сказал, что встретил меня через семь дней на острове Мурано, что неподалеку от Италии, где делают хрусталь и зеркала. Я спорила с ним тогда, что мне нельзя туда, где зеркала, а Ангел лишь обвинил моих родителей за то, что навязали мне такую мысль. Он пообещал, что со мной ничего не случится, если я посмотрю в зеркало, но я слишком много лет прожила с этим страхом, потому было нелегко с ним расстаться.

— Я тебя не оставлю, — возразила я, услышав как лошади наших охотников приближаются. — Я не могу.

— Уезжай. — Ангел взмахнул руками, чтобы напугать мою лошадь. — Увидимся на острове Мурано. Не бойся зеркал. Спроси Амалию Хассанпфлаг, мою крестную матушку. Скажи, что ты от меня.

Я потеряла дар речи, как только лошадь сорвалась к пункту моего назначения. Так вот почему он использовал ее фамилию, когда выдавал себя за торговца яблоками?

— Кармила! — в последний раз окликнул меня уставший и измотанный Ангел.

— Да? — я повернула шею, не останавливаясь.

— Когда увидишь Амалию, скажи ей... — Он проглотил комок в горле, вынимая меч, готовый отразить атаку врага.

— Да? — спросила я. Ему не следовало бросать меня вот так, не сказав ничего напоследок. — Сказать ей, что?

— Скажи ей, что ты — любовь всей моей жизни, мой рай и ад, — воскликнул Ангел, начиная битву.

Ночная Скорбь наслал черных вОронов, черных пантер и самых злобных вампиров на Ангела, намереваясь наказать его смертью за измену. Ни у кого не хватало сил и мужества, чтобы дать отпор Ночной Скорби, потому Ангел был один, отвлекая преследователей, чтобы я смогла безопасно добраться до Мурано. Он был полон решимости сдержать свое обещание.

Ангел давал отпор всем и каждому, а не только вампирам своего отца. Людей было больше, нежели вампиров, и они тоже охотились на Ангела. Так что он был сам по себе, пытаясь убивать людей и скрываться от них в тоже время, а также убивая любую злобную тварь, подосланную его отцом. А я отправилась на Мурано.

К счастью, самой мне не приходилось сражаться. Все, чем я занималась — это днями пряталась в пещерах или же на верхушках деревьев, а по ночам продолжала свой путь, не смотря на предчувствие, что меня преследует тот же человек в черном, который убил солдат в моем родном замке, в Штирии. Но опять же, все это могло оказаться всего лишь иллюзией.

У берегов Италии, я вынуждена была нанять перевозчика, который бы согласился доставить меня на остров Мурано. Измученная и без гроша в кармане, я понятия не имела, как добиться этого. Тогда мне пришло в голову сказать перевозчику, что я знатного происхождения, и что я причина появления Кровавых Яблок. Но это привело бы лишь к моему заточению, поскольку я увидела солдат моего отца на берегу..., тогда я еще не знала, как определять вампиров, так что, если они и были вокруг, их я не заметила.

Наблюдая, как солнце медленно клонится к закату, я задумала проскользнуть на одну из лодок тайком, укрывшись темной вуалью, благо таких женщин тут было полно. Это Ангел настоял, чтобы я носила вуаль, пока мы в бегах, чтобы меня не узнали. Но совершить задуманное мне не удалось. Не столько из-за трусости и неопытности, а сколько из-за боязни воды. Я не собиралась испытывать судьбу и смотреть на свое отражение. Моя семья, не смотря на наши различия во мнениях, все еще много для меня значила. К тому же, на берегу было слишком темно, а солнце уже умерло в предзакатных водах. Да и хлипкая и маленькая лодка не казалась безопасней, а мой беспричинный страх перед неизведанным...водой, не знал пощады.

Так и осталась я, в конце концов, стоять на берегу, наблюдая, как все благополучно плывут на Мурано, словно они не по Стиксу плывут, а напрямик на Небеса.

— Я мог бы помочь тебе за определенную плату, — раздался чей-то голос. Но когда я обернулась, я увидела худого и потрепанного мужчину в лиловом костюме. Он выглядел скорее смешно, нежели элегантно; впрочем, наряд на нем был французский, как я предположила, и было видно, что деньжата у него водились. — Сколько ты готова заплатить, чтобы переплыть залив? — Он театрально всплеснул руками, словно конференсье на арене цирка.

— У меня нет денег. — Я не испугалась его. Он был ни Карнштейном, ни Сорроу. Честно говоря, он был будто не от мира сего.

— Кто сказал, что плата подразумевает деньги? — усмехнулся он.

Я поплотнее закуталась в вуаль и сделала шаг назад.

— Нет. — Он снова всплеснул руками. — Ты не так поняла меня, друг мой.

— Тогда как ты мне поможешь? — я была в отчаянии.

— У меня есть лодка. — Он указал на берег. — И я возьму с собой лишь одного пассажира. Не за бесплатно, как я уже сказал.

— Если я не так поняла, тогда какую-же цену я должна буду уплатить?

— Так. — Он отмахнулся. — Ничего особенного. — Он склонил голову набок. — Я хороший парень, ну..., не все так думают, но прямо сейчас мне хочется думать именно так. Вообще-то, я помогаю людям. — В то же самое мгновение он бросает взгляд в небеса, после его губы дернулись. — Если позволишь, перефразирую: я помогаю отчаявшимся людям.

— Тогда чем же мне заплатить? — допытывалась я, подумывая уйти от него.

— Своей душой. — Улыбнулся он. Он хотел, чтобы улыбка вышла искренней, но она вышла неловкой. Не то чтобы странной, поскольку было похоже он был не совсем хорош в своем ремесле.

— Ты не против продать мне свою душу? — Теперь уже он, кажется, пришел в отчаяние. Я чуть не рассмеялась.

— Кем ты себя возомнил? — прищурилась я во мраке.

— У меня есть множество глупых имен, — ответил он. — Но я лишь пытаюсь помочь.

— Помочь? — хохотнула я. — Должна признаться, ты по-дурацки одет. Я тебя вовсе не так представляла.

— Правда? — Он был огорчен. — А мне сказали, что в Европе это последняя мода.

— Я, правда, разочарована в тебе, — сказала я. — То есть, ты ведь держишь в страхе весь мир. Как тебе удастся запугивать людей?

— С начала времен, я щедро заплатил парочке человек, — ответил он. — Стоит вложить идею людям в головы на протяжении нескольких веков, и вуа-ля, у тебя уже место в истории. Только не рассказывай никому, ладно?

Я не знала, что сказать или чувствовать. То был мой самый тяжелый момент в жизни, и я расслабилась, выпуская на волю смех и радость их цепких лап зла. Ну не иронично ли?

— Я никому не скажу. — Усмехнулась я. — Разумеется, за приемлемую плату.

— Ха, — вздохнул он. — Неплохо. Хочешь на меня поработать? — пошутил он. — Шучу. Шучу. — Он снова махнул рукой и подозвал лодочника. — Скелиман! Не подвезешь эту женщину на Мурано?

— Бесплатно? — Судя по голосу, Скелиман был старым, ворчливым стариком. Лица его я не разглядела, поскольку он прятался во мраке ночи.

— Это одолжение, — сказал дьявол. — Пожалуйста?

— Перевозчик Скелиман не делает одолжений.

— Все в порядке. — Дьявол вразвалочку подошел к нему, недовольный грязью на новых ботинках. — Я сам тебе заплачу. Золотым яйцом. Как на счет этого?

Скелиман согласился при одном условии: что я не попытаюсь увидеть его лицо. Я согласилась, покуда я сидела в самой середине лодки, находясь подальше от воды. Как только я поднялась на лодку, я повернулась к дьяволу, чтобы задать вопрос, который так и рвался наружу.

— Так продажа души дьяволу всего лишь выдумка?

— Ну, конечно же, нет, — ответил Скелиман от лица модно разодетого дьявола. — Множество людей продают свои души дьяволу. Если не возражаете, я посоветовал бы продать свою душу ему. Это лучше, чем продать душу...

— Кому продать? — спросила я.

— Вряд ли ты захочешь знать, — перебил дьявол.

— А что, люди еще кому-то продают свои души? — мне стало любопытно.

Дьявол безмолвно кивнул, сложив руки за спиной. Он казался взволнованным.

— Уж не говорите ли Вы о..., — Скелиман уже было собрался упомянуть того самого загадочного кое-кого, но проглотил последнее слово. Так он скажет его имя или нет?

— Лишь горемыки, да убогие обречены продавать свои души ЕМУ. Давайте пока будет звать его ОН. Я как-то побаиваюсь называть его настоящее имя.

— Почему? Кто Он такой? — спросила я.

— Милочка. — Дьявол приблизился и легонько подтолкнул меня к лодке. — Лучше не

упоминать Его лишний раз. Если ты настолько жалкая, чтобы продать ему свою душу, тогда помогай тебе Бог. — Он замолчал, чтобы обдумать все то, что он мне только что выдал. — Видела всех тех жалких людишек в этом мире вокруг себя? Большинство из них сподобились продать свои души Ему. — Он возвел глаза к небу. Как по мне, так это было просто уморительно. — А пока, счастливого пути до Мурано. — Он помахал ручкой, когда мы со Скелиманом отчалили. — Острову зеркал.

Он развел руками и кивнул мне.

— Приятно иметь с тобой дело. — Он пожал плечами. — Наверное.

Мое сердце упало, когда я посмотрела на мрачный горизонт. Я не знала, что было хуже: тьма или сияющие зеркала, поджидающие меня на Мурано.

Глава 23

Остров Мурано оказался вспышкой красочных двухэтажных домов. Это должно быть одно из самых очаровательных мест в мире. Земля была раскрашена во всевозможные оттенки оранжевого и зеленого, так же, как и здания. В некоторых районах остров выглядел, словно извергающийся вулкан, гармонично считающийся с бесконечной синевой неба. Выяснилось, что Мурано — это место, где изобрели стекло. На самом деле, стеклодувное искусство было многовековой тайной, лишь прикрываемое руками талантливых художников Мурано, до того, как их всех несправедливо сослали на остров из-за катастроф, которые они причинили с помощью огня, который использовался для искусства. Стекло делалось лишь из огня и песка. Повсюду в Мурано люди выдували стекло в вазы, сувениры, чашки, и во все виды подарков. Меня поразило, как прелесть прозрачного серебрянного стекла родилась из самых глубоких ям и самых горячих огней, кое-что, чего я не знала и не видела в Штирии. Казалось бы, прекрасный парадокс, как мир может породить добро от зла, и наоборот.

К сожалению, мое очарование было недолгим. Куда бы я ни шла, зеркала переливались на солнце, отбрасывая на меня блики. Мне хотелось исчезнуть с лица земли. В начале я думала, что смогу избегать все эти серебряные и сияющие зеркала, которых еще нигде в мире не было, но как же я ошибалась. От зеркал некуда было скрыться, и я больше не могла этого выносить.

Я нашла дорогу к дому Амелии Хассенпфлаг, кутаясь в вуаль и понимая, что я начинаю бояться зеркал. И это было не просто предостережение или предрассудки в которых меня воспитывали. То, что было под запретом, переродилось в настоящий страх. Казалось, один взгляд в зеркало и со мной будет все кончено.

Я постучала в дверь Амелии и передала слова Ангела..., что я любовь всей его жизни, его небеса и ад. Амелия оказалась гостеприимна и очень помогла мне. Она объяснила, что была рабыней у вампиров, ее наполовину обратили и взяли в услужение вампиры в Лоре, чтобы иметь возможность пить ее кровь... она до сих пор страдала от этой зависимости, но не хотела подчиняться им. Ночная Скорбь вынудил Амелию притвориться матерью Ангела, в то время как его отец проник к людям Лора, чтобы изучить их и местное семейство Карнштейнов. Ангел очень сильно привязался к ней, и она поняла, что любовь к людям и желание вырваться из глубин ада, дабы стать хорошим человеком искренна. Я провела так весь день, слушая ее, но после настало время столкнуться с темной стороной правды нашей с Ангелом любви.

— Можно тебя спросить, как сильно ты любишь Ангела? — спросила она. — Мне не нужен какой-нибудь романтический ответ с описаниями и метафорами. Я хочу осознанный

ответ, что таится в глубинах твоего сердца... — она указала на свое... — невидимая правда, что ты на самом деле любишь Ангела фон Сорроу.

— Вы имеете в виду "пока смерть не разлучит нас"? — спросила я, покраснев, ибо в сердце моем не было логического объяснения.

— Даже смерть, — сказала она, — она не сможет разлучить вас.

Я ничего не сказала, лишь уставилась на нее.

— Ты ведь знаешь, что он, должно быть, бессмертен, не так ли?

— Он говорил об этом, но не был уверен, — ответила я. — Потому что он все еще полукровка. Лишь вампиры бессмертны. Если бы он только смог найти лекарство, чтобы полностью стать человеком, он бы точно не был бессмертным больше.

— Ты права, Ангел, быть может, еще не бессмертен, — сказала Амелия. — Дело в том, что он еще не знает, что Настоящая Любовь может сделать его бессмертным, даже не смотря на то, что он все еще полукровка.

Вот тут я должна была вскрикнуть, но из груди моей не донеслось ни звука. Быть может, эта информация оказала на меня некое влияние. Меня привлекла сама идея любить кого-либо вечно. Я не знала: плохо это, или хорошо. В конце концов, я не была бессмертной и не знала, хочу ли я, чтоб он провел свою бесконечную жизнь без меня. Мне стало любопытно.

— Настоящая Любовь? — Я склонила голову набок. — Но откуда нам знать, что Любовь Настоящая, Амелия? Что значит Настоящая Любовь?

Амелия сделала глоток чая и пожала плечами.

— Кто знает, что же такое Настоящая Любовь на самом деле? Во владениях Скорби ее называют Пословицей. Простое слово для бесконечной любви, не просто увлечения, а как для ребенка или Господа.

— Пословица. — Я без устали повторяла это слово и мысленно, и вслух. — Тогда почему вы спрашиваете, люблю ли я Ангела? Не думаю, что бессмертие является такой уж проблемой.

— Конечно же, нет, — ответила она. Та ситуация, в которой вы оба находитесь: на вас охотятся ваши семьи, ради добра или зла не важно, поскольку зло — это всего лишь точка зрения. — Она взяла меня за руки.

— Если вы оба хотите быть вместе, тогда на земле вам не скрыться. Ни от Карнштейнов, ни от Ночной Скорби. Куда бы вы не отправились, вас обязательно найдут.

— Вы предлагаете мне бросить Ангела?

— Нет, — ответила она. — Попридержи свое юное и импульсивное сердечко. Попытайся выслушать меня.

Я кивнула, чувствуя тепло и доброту ее рук.

— Если вы оба не боитесь трудностей, когда дело доходит до любви, тогда есть только один способ спастись от Ночной Скорби, — объяснила она. — Но он не совсем в нашей реальности.

— Я не понимаю.

Амелия вздохнула, а я разволновалась.

— Существует только одно место, куда можно убежать от короля вампиров... нечто под названием "Сказочный Мир", не знаю почему. Они частично перекликаются с нашим миром, но все же разделены. Волшебные миры не похожи ни на что, они вне пределов досягаемости вампиров.

— Мне плевать, покуда я с Ангелом, — сказала я, не вполне понимая. Но пока решение

существовало, я была только за.

— Хорошо, — она убрала руку и сделала глубокий вдох. — Я предлагаю вам это лишь потому, что ты не можешь жить на Мурано, место, которого вампиры боятся. Потому что они вынуждены сторониться всего того стекла, что мы создаем, ведь отражение сожжет их заживо. Мурано мог бы стать вашим спасением, но в виду твоего проклятия, здесь ты жить не сможешь. Также, нам неизвестно, сможет ли Ангел ужиться с зеркалами. Бывают дни, когда он не может смотреться в них, а бывают, когда может, потому нам неизвестно, что же будет в будущем.

— Я тоже не могу смотреться в зеркало, будто я сама вампир, — пробормотала я, недоумевая, почему у нас одинаковое проклятье. Почему безымянная ведьма сотворила это со мной?

Амелия посмотрела на меня, но ничего не сказала. То, что у меня схожая с вампирами черта несколько обеспокоило меня. Но она знала, как и я, что я не вампир. Или не знала?

— Пойдем со мной, — она снова взяла меня за руку и встала.

— Куда? — спросила я.

— Я хочу, чтобы ты встретила с девушкой, которая поможет тебе и Ангелу бежать в другое измерение, чтобы создать собственное королевство, где, надеюсь, вы проживете долго и счастливо.

— Долго и счастливо, — пробормотала я. Мне понравилось то, как это звучало. В те времена сказок не было, и я никогда прежде не слышала этого выражения. — Кто эта девушка?

— Она — особенная. — Амелия снова улыбнулась. — Ей около четырнадцати, и она немного от нас отличается. Ты бы ни за что не подумала, что она особенная, пока не увидела ее своими глазами. Думаю, Создатели специально так задумали. О ней известно немного. Ходят слухи, что она — бессмертная, по своему, что она может восставать из пепла снова и снова, когда умирает, но не вздумай спрашивать ее об этом. — Амелия остановилась и подняла палец.

— Кто она? — теперь меня интересовала девушка.

— Стеклодув, одна из тех лучших, которые освоили то, что мы называем Искусством, — сказала Амелия, — Ее имя — Зола.

Глава 24

Золой оказалась перепачканная пеплом девушка в истрепанной одежде, ее кожа была покрыта таким слоем золы, что казалось, будто она никогда не мылась. Она неслышно прошла мимо меня и села на глиняный горшок, рядом с печью, которая так и пыхала жаром, мне даже пришлось отодвинуться. Я заметила, что она прихрамывает во время ходьбы, но вопросов я задавать не стала. Зола села вместе со своей стеклодувной трубкой рядом с печью, не впечатленная нашим присутствием.

По пути к небольшому домику на берегу Мурано, Амелия рассказала мне, что Зола напоминает Феникса. Завитки ее волос, схваченных в высокую прическу, делали ее похожей на него. Безошибочно огненного цвета волосы, густо припорошенные пеплом, не смотря на то, что она смахивала его множество раз.

— Пожалуйста, присядьте, пока я закончу свое Искусство, — сказала она и продолжила дуть стеклодувной трубкой в огонь.

Амелия сказала мне, что они предполагают, будто Зола прожила тысячу жизней,

которые всегда заканчивались знаменитыми пожарами, которые зафиксированы историками. Не было никаких доказательств, впрочем, вряд ли сама Зола об этом знала. Все, в чем была уверена Амелия, так это то, что мать Золы родила ее в тринадцатом веке, через несколько недель после того, как ей удалось сбежать от Крысолова из Хамлина. К моему удивлению, матерью Золы оказалась одна из Семерых Потерянных, которым удалось сбежать, как рассказывал мне отец однажды. Я по-прежнему не могла найти свое место во всей этой многовековой истории..., не смотря на то, что она была мне известна.

— Кармилле нужно сбежать, чтобы начать новую жизнь с ее возлюбленным Ангелом, — сказала Амелия Золе, — Я знаю, что тебе известен путь в другие миры.

Амелия поведала мне, что Золе было это известно потому, что она прожила множество жизней и у нее есть способность путешествовать по ним. Она даже рассказывала истории о великом пожаре в Лондоне в шестнадцатом веке, не смотря на то, что она не знала, откуда ей стало все это известно. В качестве объяснения она твердила, будто ее мать рассказывала ей об этом..., мать по имени Бьянка, одна из первых стеклодувов, которым удалось сбежать на остров Мурано, вот только умерла она много веков назад. Станным образом, Золе казалось, что ее мать умерла совсем недавно.

— Пути к другим мирам ведут не через землю, — сказала Зола, — Вы должны пересечь Семь Морей.

— Семь Морей ведут в другие миры? — спросила я.

— Они ведут к Леди Шаллот в Башне Сказок, — она закашлялась, — Я могу провести вас к Семи Морям, но Башню Сказок вы должны будете найти сами.

— Что еще за Башня Сказок? — спросила Амелия.

— Где записана каждая сказка, которая когда-либо была рассказана, и где пишется каждая новая сказка. — Похоже, Зола раздражало наше невежество.

— Так сказки — это нечто вроде выдумок? — спросила я.

— Сказки — это истории, — ответила Зола, — Каждая жизнь, что мы проживаем — своего рода история. Если мы будем считать чужие истории выдумками, кто знает, вдруг наша собственная история тоже всего лишь чья-то выдумка?

Казалось, Зола говорила одними загадками, причем сама совершенно не интересуясь ими. Она не очень-то походила на роль прорицательницы. Честно говоря, я не поняла большую часть из того, на чем она посоветовала мне сосредоточиться.

— А вампиры могут добраться до Башни Сказок?

— Понятия не имею, — ответила она. — Но как только ты доберешься до нее, Леди Шаллот свяжет тебе новый мир из клубка, из нитей которого сотканы многие миры, и ты сможешь попросить ее позволить злу войти в него.

— Нитей? — неохотно спросила я.

— Леди Шаллот живет в комнатке на самой вершине Башни Сказок, — сказала Зола. — Она живет в одиночестве на протяжении многих веков. Ее работа — создавать новые миры из своих волшебных нитей.

Амелия кивнула, не смотря на то, что я жаждала узнать больше.

— Звучит удобно, — ответила она. — Кармилле и ее возлюбленному нужно пересечь Семь Морей и найти Башню Сказок, а после попросить о новом королевстве, чтобы начать новую жизнь?

— Найти башню, задача не из легких, она меняет местоположение время от времени, стараясь держаться в стороне от Зла этого Мира, — объяснила Зола. — Если вы не найдете

ее, вы заплутаете в Семи Морях, и, быть может, наткнетесь на Н... — Зола пожала плечами и впервые за все время отложила свою трубку.

— Него? — спросила я, припоминая свой разговор с дьяволом.

— Каким бы не было его имя, он рыскает по Семи Морям. — бросила на меня взгляд Зола, очевидно любопытствуя, откуда мне известно о Нем. Но она не осмелилась спросить. — Он может толкнуть тебя настолько, что ты потеряешься в море.

— Толкнуть на что? — Амелия предусмотрительно избежала вопроса кто "Он" такой, как только стало очевидно, что для Золы эта тема нежеланна.

— Продать ему свою душу. — Глаза Золы приобрели красноватый оттенок, с намеком на огонь. — Храни Вас Господи, не попадаться на его пути.

— Понятно, — произнесла Амелия, толкнув меня в бок, чтобы я не вздумала выспрашивать больше. Но как же мне пересечь моря с Ангелом, не зная что за зло поджидает нас там? — Так как же Кармилле пересечь Семеро Морей? — спросила Амелия.

— В вашей ситуации, вас не возьмет ни один корабль. — Зола, наконец, взглянула на меня. — Они страшатся вампиров и их короля. Я, между прочим, тоже наслышана про тебя и твоего возлюбленного, — добавила она.

— Не подумай, что мир прекратит вас преследовать. Я слышала, людям пообещали в награду семь лет выплачивать золотом, если схватят вас обоих.

Амелия и я обменялись взглядами. Этого мы не знали.

— Лишь один корабль согласится вас взять, — сказала Зола. — Вы будете работать в качестве слуг: мыть полы и готовить еду для команды.

— Что это за судно? — подозрительно спросила Амелия.

— Китобойное судно, — ответила Зола, — оно охотится на китов.

— С какой стати им соглашаться брать нас на борт? — мне стало любопытно, кто же согласится взять проклятых влюбленных, вроде меня и Ангела.

— Потому что капитан — сумасшедший, — ответила она. — Он безумец, одержимый китами и он никого не боится, даже вампиров. — Зола замолчала, задумавшись. — Вот только он все же боится кое — кого...

— Его, — кивнула Амелия. — Понятно.

— Как зовут этого человека?

— Капитан Ахав, — сказала Зола. (прим. Пер. Капитан Ахав — главный герой Моби Дика.)

— Кто он?

— Как я уже сказала, расчетливый, одержимый китами человек. Он всегда в море, редко выбирается на берег. Никто не знает, почему он так одержим китами.

— Мне все равно, — сказала я. — Покуда он согласен помочь нам пересечь Семеро Морей.

— И последнее, что тебе нужно сделать перед отплытием. — Зола достала из-за печи мешок. Он был крепко связан и выглядел ужасно древним, и, конечно же, был покрыт сажей. Он был сделан из прочной ткани и был очень легкий, я без труда могла нести его сама. — Когда доберетесь до Башни Сказок, Леди Шалот потребует плату, — произнесла Зола. — Леди Шалот не нужны деньги или же еда, когда как у нее есть сила создать все, что ей вздумается.

— Тогда, чем Кармилла сможет отплатить? — спросила Амелия, и я сразу же вспомнила слова дьявола: за все приходится платить.

— Сделав одолжение одному несчастному, — ответила Зола. — Все что угодно, лишь бы это помогло потерянным душам в нашем мире. Вот как она сможет заплатить. В этом мешке то, чего Леди Шалот жаждала очень долго. — Зола передала его мне. — Храни его ценой собственной жизни, или же тебе не удастся выторговать себе королевство, когда вы попадете в Башню Сказок.

Я взяла мешок и прижала его к себе. Пускай с ним я выглядела наивной. Но в отсутствие Ангела я была ответственна за организацию нашего побега.

— Полагаю, мне его открывать нельзя.

— Лучше не надо, хотя об этом меня не предупреждали, — сказала Зола. — Я и сама не открывала его, с тех самых пор, как моя мать дала его мне.

— Твоя мама? — переспросила Амелия. Я знала, о чем она думает. Зола и не подозревала, что этому мешку почти шестьсот лет.

Зола кивнула.

— Этот мешок весьма важен, для нее он означает целый мир. Она сказала, что я не пойму что внутри, пока не открою его. Она сказала, в этом мешке Тайна Целого Мира.

Я шумно сглотнула комок в горле, выставив себя при этой дурочкой. Кто я такая, чтобы держать Тайну Целого Мира в своих руках, даже согласно странному предсказанию из уст девушки по имени Зола?

— Почему мне? — спросила я. — То есть, этот мешок так важен..., ты ведь могла бы отдать его кому-то другому, кому нужна новая жизнь.

Зола подняла свою стеклодувную трубку и снова принялась за работу.

— Никто никогда не просил пересечь Семеро Морей, — ответила она. — Но существует и другая причина, по которой я отдала тебе мешок.

— Какая же? — в один голос спросили я и Амелия.

— Моя мать, Бьянка, сказала, что вы придете, — ответила она, удивляя меня.

— Откуда она узнала об этом? — спросила я, широко распахнув глаза. — Она назвала тебе мое имя? — я поверить не могла, что все это на самом деле происходит со мной. Каждый раз, когда я пыталась отбросить идею того, что в этом мире я — особенная, мне доказывали обратное.

Зола дунула в трубку, подпитывая огонь для своего Искусства, а затем отодвинулась. Она перевела дыхание и произнесла.

— Моя мать велела отдать этот мешок девушке из Штирии, родившейся в тот день, когда Кровавые Яблоки разрушили семилетнее проклятие.

Глава 25

Мир Сновидений Фейбл

Фейбл открыла глаза. Пробуждение в Мире Сновидений произошло несколько пугающе. Она поняла, что задыхается, лежа на кровати в лесу. Деревья над головой практически закрывали луну, и лишь тонкий луч, извивался, словно тысяча змей.

Фейбл предположила, что это тот же самый лес, о котором ей рассказывала Шу, где она и Серена следовали к дому Бабы Яги и где за ней охотился Локи. Фейбл никогда бы не подумала, что это так сильно ее испугает. В конце концов, она оказалась один на один с опасностью, что сильно отличалось от всех тех книг, которые она читала, ведь их можно было закрыть в любой момент, чтобы сделать перерыв.

Она вскочила на ноги, замечая, что она одета в странное старое оборванное платье и вся покрыта испариной. Значит больше никаких клевых джинс и ботинок? Почему в Мире Сновидений так одеваются? Не похоже, что Фейбл занимала какое-то место во всех этих сказках. Она была всего лишь обычным подростком из Реального Мира, которая забралась сюда, чтобы помочь друзьям, которых нашла три дня назад.

Также Фейбл нашла у себя в кулачке крепко стиснутые хлебные крошки, что дала ей Бабушка, очевидно единственное, что удалось пронести в Мир Сновидений. Она оглядела свое нищенское одеяние на наличие кармана без дырок, а после наполнила его хлебными крошками.

Все еще покрываясь испариной и ворча, у нее, откуда не возьмись, возникло предчувствие, которое подсказывало ей не оглядываться. Позади затаилось нечто зловещее, и она еще была не готова с этим столкнуться. Слишком много страшных мыслей обрушилось на нее, вынуждая бежать сломя голову, желая как можно скорее скрыться в лесу. Однако ступив на землю, она поняла, что совсем босая. Этот Дримори совсем ей не нравился.

Убегая, она удивилась, почему лес так безмолвен, за исключением слабого шипения существа, от которого она спасалась бегством. Словно сон начался посередине события, о котором Фейбл и не подозревала.

— Чармвилль! — завопила она и побежала.

Никто ей не ответил. Деревья все больше сгущались вокруг нее. Она вытерла испарину с груди и увидела, что руки покрыты кровью. Какого черта?

Фейбл пыталась не кричать, но один восклик у нее все же вырвался.

— Вильгельм Карл Гримм! — Она коснулась руками волос и поняла, что они до сих пор заплетены в косички. По-крайней мере, этого сон не изменил. — Я Знаю твое Истинное Имя. Прошу, подай мне знак, что я на верном пути.

По-прежнему, нет ответа.

На ее пути, одно из деревьев протянуло к ней дрожащую руку. Фейбл замерла на мгновение, затем еще быстрее побежала прочь, босые ноги жутко болели, а слабое зрение не очень-то помогало в тусклом свете леса... и почему ее очки не перенеслись в Мир Сновидений, как хлебные крошки? Проклятье!

Слабый свет засиял на конце тропы, скорее всего он вел к выходу из леса. Она устремилась к нему, думая, где бы ей раздобыть пару кроссовок, прежде чем ноги начнут кровоточить.

— Стой! — произнес девичий голос, из тьмы появилась рука.

— Кто со мной говорит? — спросила Фейбл.

Девушка в черном плаще с капюшоном улыбалась ей. Она стояла в нескольких шагах от нее и держала фонарь.

— Я..

— Элис Гримм, — воскликнула Фейбл. Описание совпадало с историей Шу о последнем сне с Сереной.

— Да, это я. — Улыбнулась Элис. — Возьми. — Она протянула Фейбл кроссовки.

Фейбл неохотно взяла их, не совсем оценивая ситуацию.

— Почему ты продолжаешь появляться во снах?

— Я — потомок Вильгельма, — ответила она. — Я единственная в Реальном Мире могу проникать в сны столько раз, сколько вздумается. Вильгельм показал мне как. Он один из тех, кто придумал это, когда проклинал так-называемых сказочных персонажей.

— Тогда, где же Чармвилль? — спросила Фейбл. — Прости, но я не могу привыкнуть называть его Вильгельм. Для меня он навсегда останется Чармвиллем Глимером.

— После его убийства, Королева Скорби похоронила его в Песках Времени. Будет, действительно, трудно добраться до него, к тому же времени у тебя здесь в обрез, в связи с твоей миссией, — сказала Элис. — Скажем так, я буду направлять тебя, как делал бы это он сам.

— Откуда ты знаешь о моей миссии?

— У нас нет времени на эти вопросы, — ответила Элис. — Ты в паре часов от события, которое дарует тебе возможность получить желаемое.

— Какое еще событие? Я здесь, чтобы забрать Руно Локи.

— И ты сможешь сделать это лишь в определенный день в Мире Сновидений.

— Ты имеешь в виду день, когда Локи и Шу влюбились? — надеялась Фейбл, поскольку ей было любопытно увидеть это своими глазами.

Элис пожала плечами, определенно что-то не договаривая.

— Давай скажем так: день, когда Охотник и Принцесса полюбили друг друга. Чтобы добраться до этого момента, тебе придется постараться, чтобы никто не догадался, что ты из Реального Мира.

— Само собой, разумеется — сказала Фейбл. — Так скажи мне, куда мне идти.

— Это не так-то легко, — ответила Элис. — Ты меня не слушаешь. Через пару мгновений, ты увидишь Семерых Потерянных.

Фейбл широко распахнула глаза. Такого она никак не ожидала.

— Правда? Их всех?

— Ну, быть может, сон не захочет открывать тебе их сущности, — сказала Элис. — Но ты определенно будешь разговаривать с каждым.

— Я не понимаю.

— Мир Сновидений обладает собственной душой. Он может и не позволить увидеть Охотнику за Сновидениями всю правду, пока не случится определенное событие, — пояснила Элис. — Не волнуйся на этот счет. Ты поймешь, когда встретишь Семерых Потерянных. Вот на счет чего тебе стоит беспокоиться, тебе нужно вести себя так, будто ты знаешь их всю свою жизнь.

— С какой это стати? Я даже не знакома ни с одним из них, даже с Сереной. С какой стати им заговаривать со мной?

— Ошибаешься, Фейбл. — Элис взяла ее за руки. — Ты знаешь их, а они знают тебя.

— Это невозможно.

— Большого не могу сказать, — вздохнула Элис. — Просто доверься мне. Я — как Чармвилль. Я желаю лучшего для тебя и Семерых Потерянных. Скоро ты поймешь, что я имею в виду. Ты просто должна понимать, что собственное разоблачение может привести к нежелательным последствиям. Чтобы ни случилось, всякий раз, когда кто-нибудь будет напоминать тебе о твоём прошлом, которого ты не знаешь, просто соглашайся и не задавай слишком много вопросов. Твое время здесь очень ограничено, так что постарайся завершить свою миссию.

Фейбл подумала, что жизнь Элис в Мире Сновидений, должно быть, повлияла на ее разум, но вслух она ничего не сказала, а лишь кивнула.

— Так, откуда начинать?

— Оттуда! — Элис указала на развилку дороги, уходящую к болоту. — Джек появится

через несколько мгновений.

— Джек?

— Джек из сказки "Джек и Бобовый Стебель", помнишь? Серена упоминала о нем в последнем сне: она сказала, как видела, будто он подворовывал на кухне Королевы Скорби.

— Джек — вор? Я думала, что он украл золото у великана, как в сказке.

— Джек — вор и вы с Акселем читали об этом в дневнике Я.Г., — объяснила Элис. — Он один из Семи Потерянных. Ты ему очень нравишься. Ты для него все равно, что младшая сестренка.

— Теперь ты снова меня путаешь, — проворчала Фейбл. — Я никогда прежде не встречалась с Джеком. Я не из этого мира.

— Как я уже сказала, сейчас не до обсуждений, — настаивала Элис. — Все, для того чтобы начать свое приключение в этом сне — тебе необходимо встретить Джека и заговорить с ним. С ним ты пройдешь через цепь событий, которые в конце закончатся моментом, когда Локи и Шу полюбят друг друга.

— Мне удастся прожить все эти события? Что если у меня получится добраться до Руна Локи раньше?

— Хотела бы я на это посмотреть, — сказала Элис. — В противном случае, тебе придется ждать, пока история... или же воспоминание... не закончатся.

— Я несколько озадачена. — Вздохнула Фейбл. — Так что будет делать Джек, когда я его увижу?

Прежде чем Элис успела ответить, они услышали вдалеке смех парня. За ним последовали тяжелые шаги, словно кто-то нагонял мелкого засранца.

— Это он. — хихикнула Элис. — Ему нравится воровать у гоблинов. Им принадлежит фруктовая лавка "У Гоблинов". Они жестокие и жадные, но продают лучшие в Скорби фрукты. Их вкус не имеет равных. Джек ворует у них, чтобы позабавиться.

Фейбл сразу же попыталась переварить только что полученную информацию, но завидев приближающегося Джека не смогла сдержать улыбку. Парень был что надо. На нем был зеленый костюм, который выглядел слишком дорого..., должно быть, его он тоже украл. Черные ботинки, шляпа, которое, кажется, много для него значила. Он придерживал ее рукой, чтобы она не упала. Через плечо был перекинут мешок, который больше походил на мешок воришки.

— Вот мы до тебя доберемся, Джек Мэдли! — прокричал уродливый гoblin за его спиной. Он был короток и приземист, широкую шею почти не было видно из-за головы. Кривой нос: одна ноздря больше другой, тоже самое и с глазами. — Верни нам наши фрукты!

— Пора, — произнесла Элис, толкая Фейбл навстречу Джеку.

— Но..., - Фейбл хотела потребовать объяснений, но было уже слишком поздно. Она уже оказалась прямо посреди дороги, Джек увидел ее и спрыгнул с изгороди.

— Фейбл! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

Глава 26

Фейбл обернулась, чтобы Элис ей все объяснила. Откуда Джек узнал ее имя? Но Элис исчезла.

Фейбл поняла, что вся ответственность за этот сон теперь ложится на нее. Шу, Бабушка и, возможно даже, Локи рассчитывали на нее.

— Я... — успела произнести она, прежде чем Джек схватил ее за руку и крикнул ей бежать с ним.

— Разве я не говорил тебе не ошиваться рядом с Рынком Гоблинов? — пропыхтел он, пока они бежали. — Гоблины лопают милашек вроде тебя на завтрак.

Лопают? Правда, что ли? Это обнадеживает. Фейбл решила пока ничего не говорить. Они убегали.

Джек взял ее за руку и они побежали быстрее, уходя все дальше в лес. Он знал лес, как свои пять пальцев. Каждый поворот. Каждое дерево и каждую кроличью нору. Гоблины не отставали, проклиная и ругая Джека на чем свет стоит.

— Держи. — Он передал ей оранжевый фрукт, пока они бежали. — Откуси-ка.

Фейбл ничего не ответила. Она просто откусила кусочек и не поверила. Гоблинский Фрукт был такой вкусный, в Пузатой и Чудовище она не ела ничего подобного. Если бы только Аксель узнал о нем.

— Не-не-не, — сказал Джек. — Ты неправильно ешь.

Все еще не в силах вымолвить ни слова, Фейбл помотала головой.

— Ты должна вгрызться во фрукт, — объяснил он, и, выхватив его, вонзил в него зубы, размазывая остатки по щекам, словно четырехлетний мальчонка. Он ненадолго прикрыл глаза и, прожевав, громко застонал. Настолько громко, что гоблины слышали его и разразились проклятиями пуще прежнего. — Вот как надо. — Он передал остатки Фейбл. — Твоя очередь.

— Но мы же убегаем от гоблинов, — сказала она.

— Да мы всю свою жизнь только и делаем, что убегаем, Фейбл, — ответил он. — Если позволишь ворчливым гоблинам испортить все, мы никогда не сможем насладиться этим мгновением в полной мере.

Фейбл рассмеялась над его логикой и в точности как и он откусила кусок. Ощущения были просто невероятные. Больше о гоблинах она не думала.

— Хватай кота! — закричал Джек, убегая и показывая на покалеченного кота возле дерева. — А не то они слопают его живьем, если мы бросим его тут.

Фейбл сделала, как он сказал, подбирая кота и погладила его. Она усадила его на ветку дерева, чтобы коротыши — гоблины не смогли до него дотянуться, а после они побежали дальше.

Джек внезапно остановился, казалось, его осенило. Он обернулся лицом к гоблинам и закрыл Фейбл спиной.

— Обхвати меня руками, — прошептал он. Фейбл подчинилась.

Гоблины остановились в нескольких футах от него, подозрительно зыряка на них своими косыми глазами.

— Хотите обратно свои фрукты, мелкие гадкие гоблины?

— Не смей с нами так разговаривать, Джек Мэдли. — Главарь гоблинов ткнул в него указательным пальцем, который больше походил на палец ноги.

Джек рассмеялся.

— Чем это ты тут машешь? — Прищурился он. — Это указательный палец или палец ноги?

Гоблин зарычал и сделал шаг вперед, намереваясь слопать Фейбл и Джека живьем. Фейбл была в ужасе от этих низеньких существ, у них были острые зубы, как у вампиров.

— Полегче, — произнес Джек, закусывая белое перышко между зубами. — Давай-ка

кое-что проясним. Я просто уверен, что в моем Мешке Чудес есть нечто такое, что осчастливит всех вас.

— Ты всегда дуришь нас своим мешком, — ответил гоблин. — В прошлый раз ты продал мне последний волос дьявола, и пообещал, что благодаря ему у меня отрастут волосы. — Гоблин был самый лысый на фоне прочих, остальные были даже слишком волосаты.

— Прости меня за это, — сказал Джек. — Но, черт, — он поднял повыше свой Мешок Чудес. — Я только что спер Королевский Гребень.

— Расческу, что ли? — Гоблин был готов разрыдаться. — Да на кой черт она мне? Джек притворился, что ему очень жаль, склонив голову.

— Как я мог забыть об этом? — Он покачал головой, а Фейбл постаралась засмеяться. — Но это же Гребень Русалки. — Джек игриво вскинул брови. Гоблины начали прерывисто дышать и пускать слюни.

— Какая нам польза от этого гребня? — запротестовал другой Гоблин.

— Он нужен русалке. — Джек показал на болото. Фейбл подумала, что же за русалки водятся в таком жутком грязном болоте. Внезапно, она поняла, где находится. Это было Болото Скорби, двести лет назад. — Должно быть, какая-нибудь русалка потеряла его, — сказал Джек. — Вы бы могли попытаться выманить ее им из болота.

Большая часть Гоблинов захихикала, тыкая друг друга локтями.

— А потом съедим ее! — крикнул один, хрюкая.

— Ну. — Джек закатил глаза. — Если вы настаиваете. Она ведь наполовину рыба, в конце концов. Не хотите сперва поглазеть на ее груди? Просто предложение.

— Грудь! — Захрюкал другой гоблин. — Я хочу съесть ее грудь!

— Разговор зашел в тупик. — Джек покачал головой.

— Что ты там бормочешь? — прорычал гоблин.

— Ничего. — Джек нацепил одну из своих ослепительно фальшивых улыбок. — Просто восхищаюсь вашей уродливостью. — Он стиснул руки Фейбл вокруг своей груди, пока гоблины окружали их.

— Джек! — воскликнула Фейбл, паникуя. — Что ты собираешься делать?

— Держись. — Джек опустил на колени и вынул боб из кармана. Он посадил его в землю и прошептал что-то. Боб вырос в дерево. Гоблинам пришлось остановиться, они были поражены и удивлены тем, как дерево выросло из земли, словно извивающаяся змея. Джек прыгнул, уцепившись за дерево, Фейбл повисла на нем, пока они не поднялись к самому небу.

— Гребень, Джек! — зарычал лысый предводитель гоблинов.

— В следующий раз, — закричал он им. — Когда отрастишь немного волос!

Джек рассмеялся, когда они с Фейбл забрались на небеса. Фейбл ощущала себя словно в парке аттракционов, катаясь на самых невероятных горках в своей жизни.

— Вау, — произнесла она, когда дерево выросло почти до самой луны. — Это потрясающе.

— Да что с тобой сегодня? — удивился Джек. — Ведешь себя так, словно никогда прежде на деревья не лазила.

Фейбл пожала плечами.

— Не смогла удержаться, каждый раз, как первый.

Джек выглядел неубежденным, но ничего не ответил.

— После сегодняшней встречи, нам нужно поговорить.

— Поговорить? — склонила набок голову Фейбл.

— Поговорить о том, что с тобой произошло, — произнес Джек. Фейбл пожелала, чтобы и Аксель относился к ней так же заботливо. — Ты три месяца пряталась, а потом появилась, словно из ниоткуда. Тебе придется рассказать мне, где ты была, но позже. — Он провел рукой по ее щеке.

Фейбл и знать не знала, где она провела эти три месяца. Она даже не знала, почему она должна была оказаться в Мире Сновидений три месяца спустя. Она даже не знала, откуда Джек знал ее. Она наслаждалась волшебством каждого мгновения.

— Так о чем ты хотел поговорить? — спросила Фейбл, как только они добрались почти до середины неба.

— У нас есть план, как вызволить Шу из Шлосса, — сказал он.

— У нас? — поморщилась Фейбл, и когда они остановились, ее осенило. Ощущение было настолько сильным, что ей показалось, будто она сейчас потеряет сознание и очнется уже в Реальном Мире.

— Да, у нас, Фейбл. — Джек потянул ближайшую лозу и тем самым остановил рост дерева. Они оказались перед надежным убежищем из виноградных лоз. Позади них, Фейбл увидела огромные тыквы, приспособленные под стулья, и вот в таком вот волшебном месте в небесах жил Джек. — С тобой и вправду что-то не то.

Он завел ее внутрь. Ее ноги одеревенели. Она помолилась, чтобы все это оказалось лишь плодом ее воображения. Фейбл шагнула внутрь и увидела силуэты других парней и девушек, в свете дрожащих свечей и лунного сияния с небес. Что-то подсказывало ей не входить, ибо то, что она увидит, изменит ее жизнь навсегда. Она замерла, пытаясь не пялиться на силуэты тех, кто был там. Плохое зрение лишь сыграло ей на руку.

— Что? — изумился Джек. — Никогда не видела Семерых Потерянных прежде?

— Семерых Потерянных? — Она уставилась на него, на глаза навернулись слезы. Ее разум припоминал все инциденты, приведшие к этому мгновению. Все воспоминания указывали на то, кем она была на самом деле.

Она не знала, что чувствовать: гордость или страх. Теперь притворство Кармиллы в качестве их приемной матери обрело смысл. Но она пока не была готова принять правду. Как такое было возможно?

— Смотрите, кого я нашел, — сообщил Джек силуэтам парней и девушек. Он притянул к себе Фейбл и обнял ее одной рукой. — Милашка Фейбл. Она вернулась! — воскликнул Джек. — Теперь нам нужно обсудить план, раз уж все Семеро Потерянных в сборе.

Сердце Фейбл остановилось на пару мгновений. Не может этого быть, подумала она. Должно быть, это все сон. Кто-то перепутал Мир Сновидений. Как оказалось, что она одна из Семерых Потерянных? Но на этом сюрпризы не закончились. Фейбл услышала, как ее окликнул кто-то.

— Фейбл! — из тьмы вышла девушка. Она вся была перемазана золой. Она отставила стеклодувную трубку в сторону и взяла Фейбл за руку. Нетрудно было догадаться, что это была Серена. Фейбл не отрываясь, смотрела на ладонь Серены, широко распахнув глаза и рот. Как такое возможно? Неужели Серена жива? Разе этот сон не отражает события произошедшие уже после того, как Локи отрубил Серене руки? Что происходит?

Ангел появился пару дней спустя. Он был измотан, перепачкан кровью, а его одежды была изорвана. Не было смысла спрашивать его о подробностях побега от вампиров отца, черных пантер и хищных воронов. Ночная Скорбь натравил на него целую армию зла, и я была более чем счастлива, что Ангелу удалось скрыться на Мурано, лучшее место на земле, чтобы спрятаться от Ночной Скорби... вот только ненадолго.

Пошли слухи о том, что на остров пытаются проникнуть вампиры с помощью плащей невидимок, дабы спрятаться от зеркал на острове. Но информация не подтвердилась. Зато я видела своими глазами, как солдаты моего отца пытались прорваться на остров, но столкнулись с рядом проблем, а мне же удалось спрятаться в доме Амелии. Я обняла Ангела. Мы поцеловались. Уже тогда поцелуй с окровавленными губами казался совершенно нормальным.

День спустя, в полночь, когда было дождливо и тяжелые волны сталкивались друг с другом в море, мы взошли на "Пекод", корабль Капитана Ахава. Для достоверности мы оделись достаточно бедно, чтобы смешаться с остальными работниками на судне. Мы намазали лица золой, чтобы походить на стеклодувов. Очень скоро нас заставили драить палубы. Нам также дали отдельные кровати — Капитан Ахав очень настаивал, чтобы мужчины и женщины спали отдельно... и я спала первую ночь совершенно без сил вместе с остальными десятью работницами на нижней палубе. Лишь взгляды украдкой помогали нам с Ангелом держаться.

— Верь в меня, — эти слова он всегда шептал мне одними губами, когда стоял далеко.

Той ночью все и каждый говорили о Капитане Ахаве, который, похоже, скрывался в своей комнате и никогда не выходил. Тем не менее, они называли его "Безбожный Царь", что для меня совершенно не имело смысла. Истории о предыдущих путешествиях капитана и его безбожном безумии рассказывались снова и снова все то время, пока мы изо дня в день работали. Одни восхищались им, другие боялись, что если он выйдет, они посмотрят дьяволу прямо в глаза. Я сдерживала смешки, когда слышала нечто подобное, поскольку встречала дьявола и своими глазами видела, что он всего лишь самозванец в смешном костюме. Я также удивилась, когда одна из работниц подтвердила все то, что я видела.

— Дьявол ничто по сравнению с Капитаном Ахавом, — сказал человек с серебряными зубами и татуировкой на лице, — Вы знаете, что они говорят, вам нужно сделать, чтобы плыть вместе с Капитаном Ахавом?

Он разговаривал со всеми нами, включая меня и Ангела, который предпочел вести себя как нищий попрошайка и притворится хромым. Ангел был очень сильным мужчиной и не чуточки не выглядел кротким, так что ему пришлось показать свои слабые места, чтобы скрыть истинную сущность. Тем не менее, его заставили двигать тяжелые бочки по палубе весь день напролет.

— Что они говорят? — спросила я мужчину с серебряными зубами. Ангел бросил на меня короткий взгляд, беспокоясь по поводу нашего укрытия среди рабочих.

— Что вы должны продать ему свою душу, чтобы остаться на корабле, — сказал мужчина, — На земле они редко называют его капитаном Ахавом. Они именуют его "Он", один единственный.

— Я слышал, что он потомок Крысолова, — сказал другой мужчина.

— Ты знаешь про Крысолова? — спросила я.

— Ну конечно, — сказал одноглазый мужчина, — Кто не знает человека, который извел весь мир своими крысами?

— Многие считают его Антихристом, и в тот день, когда мы его узнаем, он положит миру конец, — сказал юноша, покуривая довольно странный на вид табак. — Он мне нравится.

— Почему ты считаешь его потомком Крысолова? — спросила я.

— Из-за трубки, девочка, той самой, что у него во рту, — сказал мужчина с серебряными зубами. Я слегка поморщилась от его агрессивности. Ангел молчаливо наблюдал издали.

— У него есть трубка?

— Он ее курит дни напролет, — ответил он. — Не смотря на то, что во плоти его видели немногие, они все в один голос твердят о трубке. Порой можно ощутить запах табака, который словно призрак витает вокруг корабля.

— Думаешь, он потомок Крысолова только потому, что он курит трубку? — Мужчина с повязкой на глазу чуть не рассмеялся над мужчиной с серебряными зубами.

— Нет, — прорычал мужчина с серебряными зубами. — Эта трубка не просто трубка.

— Трубка не просто трубка? — вспыхнули глаза у молодого парнишки.

— Это флейта, — прошептал мужчина с серебряными зубами. — Та самая, которая могла принадлежать лишь самому Крысолову.

— У него есть флейта? — спросила я.

— Поговаривают, она заколдованная, — вставил курящий парень, не смотря на то, что он сам недавно спрашивал об этом же самом. Что бы он там не курил, у него явно снесло башню. — Говорят, она играет ту же самую мелодию, что играл Крысолов много веков назад, чтобы выманить детишек их Хамлина. Капитан Ахав играет ее, чтобы привлечь китов.

— Китов? — я знала, что судно китобойное, но все равно спросила.

— А чем, по-твоему, мы тут занимаемся? — усмехнулся мужчина с серебряными зубами. — Почему, по-твоему, такие отбросы как мы собрались здесь? Потому что это единственное судно в Семи Морях, которое охотиться на китов.

Мне хотелось порасспрашивать про китов, но я сдержалась, испугавшись мужчины с серебряными зубами.

— Поговаривают, внутри одного из китов скрыты сокровища, — сказал второй мужчина. — Они кого угодно сделают богачейшим в мире человеком.

— Нет никаких сокровищ внутри кита, ты, дурень, — возразил мужчина с серебряными зубами. — Сокровища, о которых вы все толкуете, находятся на Острове Сокровищ. Земле, которую никому пока не удалось найти за Семи Морями.

— Неа, — запыхтел молодой парень. — Ничего ты не понимаешь, старик. Остров Сокровищ находится как раз на спине кита, которого разыскивает Ахав. Поэтому никому еще не удавалось найти этот самый остров.

— Остров на спине кита? Звучит как сказка, — махнул рукой мужчина с серебряными зубами, и сделал еще глоток того, что по виду напоминало грязную воду, которой мыли палубу корабля.

— Капитан Ахав разыскивает кита лишь потому, что внутри него прекрасная русалка! — Он погладил свой круглый живот.

— Я бы отдал душу Ему, чтобы найти в ките русалку. — Пыхнул трубкой парень.

— Разве русалки существуют? — спросила я. Разговор лишь разжег во мне

любопытство, не смотря на то, что Ангела все это раздражало.

— Ты мне и скажи. — Мужчина с серебряными зубами закатил глаза. — Ты же девчонка. Разве ты ничего не знаешь о русалках?

— Они реальны. — Ухмыльнулся мужчина с повязкой на глазу. У него что, водоросли между зубов застряли? — Русалки настоящие. Клянусь вам, сам видел во время последнего плавания. — Казалось, он их остерегается. — Ох, черт. Выглядят они красиво. Прекрасные тела и милые груди. Но будьте осторожны, они коварны.

— Как это, коварны? — пропыхтел парень.

Мужчина присел на корточки и осмотрелся по сторонам, а уже после прошептал.

— Они окружают корабли и заманивают мужчин своим видом, потом они начинают петь... поговаривают мелодия та же, что и Крысолова. Эта песня делает мужчин слабыми и уязвимыми. Вот тогда — то русалки превращаются в осьминогов и чудовищ, и поедают плоть мужчин, только так они могут выжить.

— Я слыхивал, будто они превращаются в китов, как наедятся, — выкрикнул кто-то.

— Чепуха, — сказал мужчина с серебряными зубами. — Дайте мне русалку, и я покажу, на что она способна. — Он заржал.

— Если она тебе так нужна, продай душу Капитану Ахаву, — сказал другой мужчина, оставляя меня и дальше недоумевать о загадке Семи Морей.

Я подняла голову и бросила взгляд на Ангела. Он едва заметно кивнул с бочкой на спине, уверяя меня, что все будет хорошо. Не смотря на то, что я верила ему всем сердцем, его чувств я не разделяла. Мы оказались на одном судне с злобным капитаном, и рано или поздно мы начнем охоту на китов. Подумать только, кто охотиться на китов? А после мы чуть не потерялись в море.

Нужно было начать расспрашивать про Башню Сказок, но мы по-прежнему никому не доверяли на корабле. Те мужчины, с которыми мне довелось говорить, были не очень-то надежными, и Ангел велел мне прекратить расспрашивать их. Я, правда, надеялась, что мы знаем что делаем. Все мы явно выиграли от этого вояжа, тем самым сбежав от Карнштейнов и Сорроу. Но зато мы были рядом с китами и человеком, который покупал матросские души, в обмен на поиски сокровищ и возможность увидеть чудовищных русалок.

Мои мысли все чаще и чаще возвращались к мешку, что дала нам Зола. Я не могла потерять его, да и все эти работники на корабле были теми еще пронырами. Я прятала его каждую ночь под кроватью, не самое лучшее место. В одну из ночей я ненадолго встретилась с Ангелом на палубе и передала его ему. Он сказал, что спрячет его в бочках. В конце концов, ведь вся ответственность лежала на нем и лишь он один знал, куда мы держим путь.

— Думаешь, нам лучше открыть мешок? — спросила я. — Нам ведь никто этого не запрещал.

— С какой стати нам делать это, Кармила? — спросил Ангел.

— На случай, если мы его потеряем. По — крайней мере, мы хоть будем знать, что внутри и сможем рассказать Леди Шалот, когда встретимся с ней. Быть может, тогда она простит нас.

— Мы не потеряем его, любимая, — ответил он. — Обещаю, я найду надежное место, выстрою королевство, а тебя сделаю королевой. Верь мне, все будет хорошо. — Он поцеловал меня в сиянии луны. На этот раз никакой крови. Лишь запах рыбы и соленой воды. Полагаю, то был прогресс.

— Я верю тебе, Ангел, — сказала я ему, вставая на цыпочки. Я знала, что ему

понравится услышать это.

— Где бы я был без тебя? — Он нежно прижал меня к своей мускулистой груди.

Пока нам удалось улучшить несколько мгновений ночи, я случайно бросила взгляд на луну. Мне показалось, что она улыбается мне. Но нет, должно быть, всему виной стало мое разыгравшееся воображение.

Глава 28

В ту ночь я проснулась от звука, который не слышала никогда прежде. Было похоже, что кто-то пел какую-то колыбельную, слегка монотонно нашептывая по всей гребнистой поверхности воды. Поначалу я попыталась его игнорировать, но жужжание не прекращалось. Станным образом, у меня всплыло воспоминание из младенчества, мимолетный образ: я в колыбели, короли и королевы навещают меня в Штирии и благословляют меня. Как у меня вообще возникло подобное видение, я понятия не имела. И почему эти мелодии, доносящиеся из моря, оказали на меня подобный эффект?

Я спрыгнула с кровати, все еще пытаюсь игнорировать затишье снаружи. Другие работницы вокруг, казалось, спали. Я удивилась, почему они ничего не слышат. Неужто, мой сон был настолько чуткий, или же они боялись признать, что тоже слышали эти звуки?

Прокравшись во мраке корабля, я вышла на палубу. Ночь была необычайно спокойной, а волны торжественно перекачивались по водяной глади, отражая лунный свет, словно сияющие жемчужины. Я наклонилась к краю, загипнотизирована пейзажем. В полном одиночестве, я задумалась, почему никто не проснулся, кроме меня? Но я не могла увидеть источник мелодии. Оказалось, что сколько бы я не пыталась, я не могла запомнить мелодию, она ускользала от меня, словно вода. Как такое может быть? Что если это та же самая мелодия, что играли Крысолов и Капитан Ахав? Что если это была та же самая мелодия, что я слышала у Ночной Скорби? "Волшебная Флейта" Моцарта? И вдруг я поняла, что не могла вспомнить мелодию Ночной Скорби до этого самого дня. Как такое возможно, слушать что-то и не вспомнить, не смотря ни на что? Я покопалась в памяти, но так и не вспомнила. Она была подобна словам, которые вертятся на кончике языка, но которые никак не вспомнить.

Все мои беспокойные мысли оборвались от одного только взгляда на плескавшуюся воду. Поначалу, я приняла это за дельфина..., прежде я никогда не видела дельфинов. Но после поблизости раздался еще один всплеск. И еще один. После они показались, медленно поднявшись из воды, убирая мокрые волосы с лиц, и улыбаясь мне.

Русалки.

Никогда прежде я не видела их, их хвосты колыхались на поверхности воды, освещенные луной в небе. Я была благодарна, что русалки не подплыли близко, так что я без риска увидеть свое отражение, смотрела на них издали. И ах, святые небеса, как прекрасны они были. Волнистые волосы скрывали груди, и даже издали было видно, что их глаза преимущественно зеленого цвета. Они не были тощими или же полными. На мой взгляд, у всех были идеальные пропорции женского тела. Широкие обнаженные плечи, но не как у пловцов. Рыбьи хвосты были покрытые зеленоватой чешуей, под водой отливали золотом, однако это могло быть всего лишь игрой лунного света.

— Идем с нами, Кармила, — прошептала она из них, как только они приблизились к кораблю. — Идем. Примкни к нам.

— Что? — я помотала головой. Я не подозревала, что они умеют говорить. У них

оказались такие нежные голоса. Неудивительно, что они так красиво поют.

— Тебе здесь не место, — сказала другая, взмахнув волосами. — Твое место с нами..., -

Она замолчала, и устремила взор куда-то в воду. — Твое место там, внизу.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — спросила я.

— На самом деле ты важнее, чем ты думаешь. — Улыбнулась еще одна, успокаивающе, искренне. — Ты одна...

Другая шикнула на нее, прижав палец к губам. Кажется, она были их предводительницей: она была крупнее всех прочих, плечи шире, волосы гуще, а на коже были татуировки. Кроме того, она выглядела старше остальных, а на пальце красовалось жемчужное кольцо.

— Позволь показать тебе. — Она приблизилась, протягивая руку.

Поначалу, я собиралась прыгнуть к ней в воду. Ее слова и улыбка манили меня. Еще ни за кем у меня не было столь сильного желания следовать. Но потом мой страх перед водой отрезвил меня. В шоке, я отпрянула от стального поручня, заметив под водой красную нить, которая связывала их всех.

— Я не могу, — ответила я. — Я боюсь воды. Мне нельзя видеть свое отражение в воде.

— Это то, что тебе внушают. — Русалка состроила грустное лицо. — Тобой пользуются ради собственной выгоды.

— Что вы имеете в виду? — спросила я, хватаясь за железные перила. Мне так сильно захотелось оказаться вместе с ними. Это было даже странно. — Кто меня использует?

— Все, — ответила она. — Даже Ангел.

— Вы — лжете!

— Тогда почему он никогда не объяснял тебе, почему вам нельзя быть вместе?

— Откуда вам это известно? — я начала подозревать, что они не просто русалки. Я огляделась по сторонам, чтобы удостовериться, что никто нас не подслушивает. — Мы — потомки двух враждующих семейств. Поэтому они не хотят, чтобы мы были вместе.

— И это все? — спросила предводительница. Она не спрашивала, а лишь разжигала мое любопытство, подначивая меня спрыгнуть.

— Знаешь другие причины? — выпалила я. Я всегда подозревала, почему у Ангела ушло около двух лет, чтобы вернуться ко мне.

— Иди с нами, красавица, — русалка распростерла руки. — И мы расскажем тебе все, что нужно знать.

Я ничего не ответила, лишь сделала шаг назад. Мое любопытство было не настолько сильным, чтобы довериться им.

— Разве ты не видишь, как ты прекрасна, Кармила? — продолжала предводительница. — Ты остановила проклятие яблок, в то время как остальные оказались бессильны. Она очень гордится тобой.

— Кто мной гордится? — я снова подалась вперед; волны в море манили меня и были сущим проклятием одновременно. Вдруг эти русалки были всего лишь галлюцинацией? Я слышала истории, как моряки в море частенько сходили с ума.

— Та, кто проклял твою родину, — ответила русалка. — Она хочет встретиться с тобой. — На этот раз, ее смех не показался таким уж невинным, наоборот злобным, таких я еще не слышала. Улыбка, от которой мурашки по коже.

Я в ужасе отпрянула от стального поручня, спотыкаясь, пятилась по палубе корабля, надеясь, что я смогу устоять. Почему я сомневалась? Я не хотела ничего знать о безымянной

ведьме. И уж тем более встречаться с ней. Эти русалки оказались настоящим злом. Мужчина с серебряными зубами был прав.

Совладав с собой, я бросилась к комнате Ангела, маленькой каюте в нижней части корабля, окруженной бочками вина, которые он перетаскивал весь день.

— Ангел. — Я забарабанила в деревянную дверь. Она была такой хлипкой, что я могла сломать ее при желании, но я ждала, пока Ангел ответит мне.

— Уходи, Кармила! — ответил он, шокируя меня. Еще никогда прежде он не прогонял меня. Без меня ему было плохо.

— Ангел, — взмолилась я. — Что ты такое говоришь? Мне нужна твоя помощь. Я видела русалок, и они меня испугали.

— Уходи! — Он звучал как тогда, в подземелье, злой и испытывающий боль, не совсем в себе.

— Что происходит, Ангел? — я сильнее начала стучать в дверь, да почти поддалась. — Тебе больно? Мне кого-нибудь позвать?

— Ради нашей любви, прошу, уходи, Кармила, — прорычал он.

Затем я услышала, как русалки снова затянули свою песню. Ангелу стало еще больнее. Конечно же. Это была та же самая мелодия, что играл его отец. Это я могла сказать наверняка, хоть и не помнила ее. Такая необычная. Я не могла удержаться. Ангел был для меня всем. Я снова забарабанила в дверь, и мне удалось ворваться к нему. Ангел, дрожа, зажал голову меж коленями, весь мокрый от пота.

— Ангел. — Хотела приблизиться я, но он вскинул голову, и я увидела его покрасневшие глаза, а шея испещрена венами.

— Заставь их остановиться, Кармила, — взмолился он. — Прошу. — Он закрыл уши ладонями. Его ногти стали длиннее, словно он собирался обратиться в зверя.

— Я не знаю, как это сделать, — ответила я, впадая в отчаяние.

— Тогда запрети меня и уходи, — прорычал он. — Я могу причинить тебе боль, Кармила. Я могу быть очень жестоким, Кармила, а мне этого не хочется.

Я потеряла дар речи, ощущая себя глупой и наивной. Но мое влечение накрепко привязало меня к нему.

— Пока они будут петь эту мелодию, мое желание обратиться в вампира будет лишь усиливаться, — сказал он. — Должно быть, их подослал мой отец.

Я хотела сказать ему, что судя по всему их подослала безымянная ведьма, а вовсе не его отец; что они хотели заполучить меня, а не его. Но в таком случае, откуда им стало известно про эту мелодию?

Ангел вскочил на ноги. Быстрее, чем я могла себе вообразить, он схватил меня за шею и притянул к себе, зарывав на меня, он прижал меня спиной к обшивке корабля. Как он мог двигаться так быстро?

— Я прямо сейчас хочу твоей крови, — произнес он, его голос больше не был похож на голос Ангела. — Ты и понятия не имеешь, какого ощущать это.

На мгновение, я подумала вот и все. Вот он, конец нашей скоротечной истории любви, где красавица (предположительно я), скончалась от рук зверя, Ангела фон Сорроу. В этот момент я уже было поверила в то, что матушка была права, не одобряя наш союз. Когда я поняла, к чему привело нарушение запрета не смотреть в Жемчужное Зеркало. Вот он... конец. Быть может, русалки были правы: нельзя нам с Ангелом быть вместе.

Я закрыла глаза, вены пульсировали, ожидая укуса того, кого я любила всем сердцем.

Стану ли я вампиром, как и он? Нам обоим даруется проклятие вечности? Я и понятия не имела. Все чего я ждала, когда уже наконец его клыки вонзятся в мою душу.

Глава 29

Мир Сновидений Фейбл

— Ты ведь не собираешься пялиться на мои руки весь день напролет, верно? — спросила Серена, обнимая Фейбл.

Фейбл позволила Серене обнять себя, пока она стояла в тайном убежище Джека под облаками. Красота его жилья помогла позабыть ненадолго о шокирующем откровении. Фейбл, наивная ведьма с косичками, одна из Семерых Потерянных; ей не хватило ни сил, ни ума, чтобы спорить с Сереной и спросить, как ей удалось остаться в живых. Собственное открытие оказалось важнее всего прочего. Что было даже хуже в контексте этого сна, она даже не могла никого спросить, как такое было возможно. Если она раскроет саму себя и скажет им, что пришла из другого мира, сон развеется и она не сможет помочь Шу и Локи, только бы Семеро Потерянных не высмеяли ее.

Объятия Серены были теплыми. Словно она и Фейбл были хорошими друзьями. Фейбл задумалась, что если она и Шу в прошлом тоже были подругами. Но как все это возможно?

Лишь одно обрело смысл: ее видение, когда Локи пытался убить ее в последнем Дримори Шу, было на самом деле. Это была правда. Когда-то в прошлом, Фейбл жила с своим братом, Акселем, в маленьком городке в Скорби, под название Ферри Тейл. И однажды, Локи, Охотник, явился в поисках маленьких сирот с "осколками в глазах" по приказу Королевы Скорби, и едва не убил Фейбл.

У Фейбл на глаза навернулись слезы, когда Серена обняла ее. Она была раздавлена, одновременно чувствуя радость и печаль, смущение и одиночество в объятиях Серены. В конце концов, они были двое людей из двух разных веков, и лишь Фейбл это знала.

— Не плачь, Фейбл, — прошептала ей на ухо Серена. Фейбл удивилась, почему она говорит шепотом. — Мы ведь не хотим, чтобы всем стало известно, что с тобой случилось. Я никому не рассказывала. — Замешательство Фейбл лишь усилилось. Что Серена имела в виду? — Лучше пока не говорить им о твоих силах, — сказала Серена. — Они не поймут.

Фейбл предположила, что это произошло, когда проснулась посреди леса пару минут назад. Она боялась и хотела убежать от чего-то. Почему она проснулась посреди сна? И что станет с ней, после того, как она примет правду о том, что она одна из Семерых Потерянных?

— С возвращением. — Чудная девушка в алом плаще приблизилась к Фейбл, после того, как Серена отстранилась. — Фейбл и Лэдл — клевая команда. — Девушка подмигнула ей и отставила в сторону свою косу. Нужели это Красная Шапочка? Фейбл кротко улыбнулась девушке и задумалась, правда ли ее имя Лэдл, означает "Поварешка". Кто назовет свою дочь Поварешкой, и почему она ходит с косой?

— Вот, я приготовила рыбу. — Наполовину обнаженная девушка, с волосами, ниспадающими на грудь, приблизилась Фейбл. — Не знаю, где ты была, но ты точно выглядишь голодной. — Девушка обняла ее и сунула в руки тарелку с жареной рыбой. У нее была милая улыбка и стройное тело. Фейбл предположила, что она — русалка. Но она не помнила, чтобы русалка была одной из Семерых Потерянных в Дневнике Я.Г.

Внезапно, Фейбл поняла, кем была девушка с косой. Она была Жнецом. Фейбл видела

ее изображение на картах таро в дневнике Акселя. Но кем была русалка, и что важнее всего, кем была Фейбл.

Фейбл отложила тарелку и прошла по великолепному убежищу Джека под облаками. Кровать из деревьев выглядела надежной, можно было не бояться провалиться вниз. Здесь была своя земля. Дом Джека казался бесконечным. Словно они были в маленьком лесу, где по кругу стояли домики. Должен же здесь быть край, но она его не видела. Подняв голову, она увидела необычайно огромную луну, которая была совсем близко. Глядя на все эти сияющие звездочки и порхающих птичек, она подумала, что оказалась на небесах. Похоже, Джеку нравились тыквы, потому что они были здесь буквально повсюду, вместе с бесконечными трофеями, что он украл.

Но Фейбл искала не это. Она искала последних двух из Семерых Потерянных. Она догадалась, что Лэдл — Красная Шапочка, была Жнецом. Джек был Вором. Серена — Золушкой, Фениксом. Девушка — русалка, которую Джек звал Мармеладкой, была... ну, может, Луной, как упоминалось в дневнике. Потому что девушка не была похожа ни на Звезду, ни на Чудовище.

Подождите-ка! Подумала Фейбл. Она только что поняла, что была Ведьмой. На самом деле, она подумала об этом еще пару минут назад, но не оставила этой идее даже шанса. Широкая улыбка изогнула ее губы. Значит, она больше не была неудачницей как ее мать? Она на самом деле была ведьмой. Она задумалась, в чем же заключалась ее сила, та, о которой Серена просила не говорить ей остальным Семерым Потерянным.

Фейбл огляделась и спросила.

— Где все остальные?

— Это ты обо мне? — раздался голос из темноты.

Фейбл попыталась вести себя нормально и не морщиться. Она знала, откуда доноситься голос, он раздавался откуда-то из тени множества листьев, куда не проникал свет. Она прищурилась сильнее, но и это не помогло.

— Не пытайся переубедить Чудовище выйти из темноты. — Предупредила Серена Фейбл. — Он ни за что не выйдет.

— Я тоже рад тебя видеть, Серена, — раздался голос из темноты.

— Всегда пожалуйста, Чудовище. — Рассмеялась Серена.

— Когда ты уже поймешь, что ты не уродливый? — сказала ему Лэдл. — Выходи и поешь чего-нибудь, Красавец.

Фейбл подумала, как трогательно, что Лэдл зовет его Красавцем, не смотря на это, она не знала, почему его звали чудовищем.

— Мармеладка дала мне рыбы, — ответило Чудовище. Его голос был спокоен, груб, словно он был старше... быть может, мудрее.

— Так, где же Звезда? — Фейбл постаралась звучать обыденно.

— Звезда не придет, — ответила ей Серена, напрягшись, словно Фейбл не следовало об этом спрашивать.

Фейбл пожалала плечами, и продолжала есть рыбу. Она заметила, что была почти всеобщей любимицей. Все прикасались к ней, заботились. От нее не укрылось также, что она была самой юной. Быть может, это и послужило причиной. Фейбл продолжила свою трапезу, раздумывая над тем, как бы ей вернуть Руно Локи. Времени у нее было немного. Серена тоже думала о чем-то своем. В конце концов, здесь должно было состояться что-то вроде собрания.

— Вот каков мой план, — объявила Серена, постукивая стеклодувной трубкой по руке. — Единственный способ устроить побег Шу из Шлосса — это освободить ее самим. Мы не будем ждать до тех пор, пока Королева Скорби сожрет ее сердце.

Казалось, все слушали с огромным интересом, но Фейбл было просто необходимо сложить все кусочки пазла вместе. Хронология этого сна вводила ее в заблуждение. Она полагала, что все это происходит после того, как Локи отрубил Серене руки, но Серена каким-то образом восстановилась. Так и должно было быть, потому что Шу никогда не упоминала, что Серена одна из Семерых Потерянных. Или...

— Это чертовски смелое спасение, — сказала Мармеладка, не вполне поощряя подобное предложение.

— Может, у кого —нибудь есть другой план спасти ее? — спросила Серена. — Мы все знаем, что случится, когда Королева завладеет ее сердцем.

Фейбл не знала наверняка, но предполагала, что все это происходит еще в то время, когда Королева еще не слишком заботилась о своей красоте.

— В прошлый раз Локи отрубил тебе руки, Серена, — возразила Мармеладка. — Понятия не имею, каким образом тебе удалось исцелиться, но я рада, что тете это удалось. Хочешь рискнуть, чтобы Локи прикончил одного из нас?

— Все правильно! — Лэдл счастливо взмахнула своей косой. Все пригнулись, что случайно не умереть раньше времени от рук безрассудного жнеца. — Мы должны спасти Шу!

Лэдл даже не заметила, что чуть не поубивала уйму народу. — И Серена, нам не обязательно знать, как тебе удалось вернуться, а также где была Фейбл все это время. Важно лишь то, что все мы вместе.

— Лэдл, конечно же, все сейчас воодушевит. — Мармеладка поджала губы. Фейбл почувствовала, что Мармеладка вела себя, словно лидер на этом собрании. — Она же Смерть. Ей умереть не страшно.

— Не слушай, мою девочку, Лэдл. — Джек игриво толкнул Лэдл, прислонившись к дереву с точно таким же белым пером в зубах, что и на его шляпе. Фейбл была удивлена, что он и Мармеладка встречаются. — Но вот ловко же выйдет, если ты проснешься и узнаешь, что сегодня твоя очередь умереть, — подразнил он ее.

— Хватит шутить, Джек, — фыркнула Мармеладка.

Джек закатил глаза, а затем подмигнул Фейбл, будто бы говоря ей тем самым, что Мармеладка чокнутая.

— В последний раз, вы все отправили меня в Шлосс, чтобы подружиться с Шу и помочь сбежать ей на шестнадцатый день рождения, — обратилась Серена ко всем. Фейбл нахмурилась при упоминании. — Я старалась изо всех сил и почти спасла ее. Тогда я понимала, почему вы все не могли раскрыть себя. И посмотрите, что из этого вышло.

— Нам повезло, что в тот день сердце Шу оказалось не двадцать один грамм, — прокомментировала Лэдл. — Спасибо Локи, что он ранил Шу так много раз, вследствие чего она потеряла так много крови, что ее сердце стало легче, в любом случае, Королева слопает его чуть позже, когда ей только вздумается.

— Погодите. — Фейбл пришлось вмешаться. — Я не понимаю. — Ей частично не волновало, что она ведет себя не совсем в контексте сновидения. Ей просто необходимо было узнать, что произошло в ночь последнего Дримори.

— Разве мы не рассказывали тебе об этом? — вздохнула Мармеладка. Фейбл начала ее

недолюбливать.

— Она самая юная, — спокойно ответил Джек Мармеладке. — Порой я думаю, что нечестно втягивать ее во все это, так что будь по-тактичней. — Фейбл нравилось то, что Джек не выходит из себя, не смотря на то, что он, казалось, обвинял Мармеладку.

— Фейбл, — он повернулся к ней, — вот что произошло. На шестнадцатый день рождения Шу, ее сердце взвешивали на специальном столе в замке по приказу Королевы, и оказалось, что оно ровно двадцать один грамм. По счастливому обстоятельству, ее сердце потеряло в весе в течении семи дней. Когда Локи нашел Шу в лесу, он ранил ее. Она также потеряла еще больше крови, когда перебралась через Терновую Стену, что поспособствовало потере веса сердца. Оно больше не весило двадцать один грамм, так что слопаешь его, и все будет напрасно. Королеве удалось схватить Шу, и заточить ее в Башне Рапунцель. Теперь она дожидается, когда ее сердце снова станет весить двадцать один грамм.

— Ого. — Фейбл попыталась не выглядеть такой шокированной на открывшиеся детали. Теперь кое-что обрело смысл. События этого сна развивались через несколько дней, а быть может и месяц, после Дримори Шу. Серене каким-то образом удалось исцелиться, она же Феникс, впрочем деталей никто не знал. А сердце Шу больше не весило двадцать один грамм. — А Локи? Шу ведь убила его, так? — Захотела проверить Фейбл, как бы ей хотелось, чтобы все оказалось неправдой, иначе не будет никакого момента с Шу и Локи.

— Убила. — Уже спокойней ответила Мармеладка, осознав, что она была несколько груба с Фейбл. — Но Локи ведь Охотник за Сновидениями. Полуангел. На самом деле, он не погиб. Ему удалось, как это называется, "освободиться из тени".

— Освободиться из тени? — прищурилась Фейбл.

— Ангелов хоронят в воде на Потерянной Миле за Семью Морями, — объяснила Мармеладка. — Они могут остаться там навечно, и вроде как совершенно мертвые, пока кто-нибудь не вызволит их или не убедит создателей вернуть их. Королева Скорби подкупила кое-кого и вернула его. Не спрашивай меня как. Говорят, он вернулся еще хуже, чем был.

— И все это произошло, пока меня не было? — спросила Фейбл, мысленно пытаясь сложить мозаику воедино.

Серена кивнула, и снова бросила взгляд на Фейбл, будто бы напоминая ей хранить в секрете, где она была. Почему из всех одна Серена знала о прошлом Фейбл? Казалось, сейчас это не имеет значения.

— Видите? Нам самим придется вызволять Шу из Шлосса, даже если это будет означать встречу с Локи и Королевой Скорби.

— Попасть в Шлосс — почти невозможно, — заметила Мармеладка. — Он не только охраняется жестокими охотниками Локи, но еще и сам обороняется во многих смыслах. У Шлосса есть душа.

— Чтобы попасть внутрь, нам придется проскользнуть мимо его души. — Казалось, Лэдл не испытывает никаких проблем с Шлоссом.

— Однажды я приблизилась к нему, — сказала Мармеладка. — Просто издали, и ощутила темное присутствие, которое отпугнуло меня. Это было нечто большее, чем обычная магия. Шлосс казался бесконечным, словно бессмертный, который прожил тысячи жизней. — Она побледнела. — Поговаривают, что Шлосс живой, что он жил за миллион лет до нас, в разных местах по всей вселенной.

— Правда, — сказала Серена. — Это такой страшный замок, замаскированный под красивый особняк Короля и Королевы. Но я множество раз бывала в Шлоссе. Я знаю каждый

его уголок. Я могу войти через дымоходы и знаю несколько лабиринтов внутри. Он словно целый мир потайных туннелей. Кроме того, у нас есть Джек. Никто не украл из замка больше него. Он пробирается туда и выходит, будто призрак.

— Каюсь, виноват. — Джек поднял руку. — Не видели гребень, что я украл у Королевы? Он щекочет, когда расчесываешь им волосы. — Он пожевал кончик своего пера. Фейбл поразило то, с какой неприязнью Джек говорил о Шу. Словно, она ему не нравилась. Фейбл сделала мысленную пометку спросить об этом попозже.

Мармеладка разглядывала его, сложив руки на груди. Их отношения не казались такими уж безоблачными, подумала Фейбл.

— Я в деле, — наконец произнесло Чудовище. — Но это будет не просто. Будет кровь и убийства. Вам лучше быть к этому готовыми.

— На это у нас есть ты, разве не так? — улыбнулась Серена в его направлении. Это подтвердило подозрения Фейбл, что Чудовище было большим и сильным. — А еще у нас есть Смерть. — Она повернулась к Лэдл.

— Я не стану убивать, пока мне прикажет Древо Жизни, — сказала Лэдл нахмурившись. Фейл предположила, что Древо Жизни сообщало Лэдл кого убивать каждый день. — Я не стану убивать, пока о том не будет сказано.

— Как на счет того, чтобы убить охотника чисто случайно? — подмигнул ей Джек. — Ты пару минут назад чуть случайно не отрубила мне голову. — Джек возвел к небу глаза. — Одним убийством больше, одним меньше. Тот чувак на небе не заметит.

Лэдл засмеялась, затем покраснела. Фейбл подумала, что из Лэдл и Джека получилась бы пара получше.

— Заставь Джека перестать, Красавчик, — обратилась Лэдл к Чудовищу.

Чудовище рассмеялось из темноты.

— Джеееек! — произнес он. Джек уважительно кивнул в ответ.

— А ты? — обратилась Мармеладка к Фейбл.

Фейбл пожала плечами. Не смотря на то, что этим утром она ощущала себя дерзко в Реальном Мире, она сомневалась, что у нее есть какой — либо талант к сражениям. Она задумалась о силе, которой она обладала, но о которой Серена так настоятельно просила умалчивать.

— Не думаю, что смогу драться, — слабо произнесла она.

— Разве ты не знаешь какие-нибудь магические трюки? — Джек подмигнул ей. Раздались несколько смешков. Смешки были добродушные. Они все будто бы были близкими друзьями, и беспечно подшучивали друг над другом.

— Я знаю магию? — удивилась Фейбл. Ну, конечно же, знала. Поэтому она была просто одержима ею в реальном мире. Но неужто, хоть одно из ее глупых заклинаний поможет в Мире Сновидений?

— Шутишь, куколка? — Джек обхватил ее за ноги и подбросил вверх. Он поймал ее, как отец, который играет со своим ребенком. Все снова улыбнулись, а Фейбл покраснела, приземляясь на ноги.

— Мы все позаботимся о тебе, Фейбл, — сказала Лэдл. — Но я уверена, что ты каким-то образом окажешься полезной в замке.

— Итак, — произнесла Мармеладка, снова играя роль лидера. — Как мы проберемся в Шлосс?

— Если хочешь прибратся мимо души Шлосса, тебе придется обмануть ее, заставить

думать, что ты — постоянный посетитель, — со всей уверенностью заявило Чудовище.

— Отличная идея, — сказала Серена. — Вот только кто помимо меня и Джека сможет беспрепятственно войти в замок?

— Королева! — воскликнула Лэдл.

— Помешанная на убийствах, — игриво толкнул ее в бок Джек. — Думать — это не про Смерть. В противном случае, она всех замочит направо и налево.

— У меня возникла идея, — произнесла Фейбл. Она была не уверена, что ей следует вмешиваться во все это. Но, быть может, ей было просто суждено сказать это. Быть может, ее вмешательство в Дримори ничего такого не изменит в будущем, как сказала Бабушка. — Охотники каждый день входят в Шлосс, и никто их не останавливает.

Все в то же мгновение обменялись взглядами. Кажется, подобной идеи от Фейбл они не ожидали. Должно быть, прежде она была не слишком полезной.

— Ты хочешь, чтобы мы переделались в Охотников? — восхищенно произнесла Мармеладка.

Фейбл неохотно кивнула, понимая, что она может изменить события в Мире Сновидений.

Глава 30

Дневник Королевы

Когда я открыла глаза, Ангел уже ушел. Как и в любое другое время, когда он мог уступить злу внутри него, ему удавалось сдержаться и сохранить мою жизнь. Сколько еще ему удастся продержаться?

Я чувствовала его так сильно, что у меня внутри все кричало. Сделав глубокий вдох под лунным светом, я пообещала себе, что не буду искать его. Бог знает, куда он ушел от русалочьего жужжания.

Но для меня ночь не закончилась. Судно вокруг меня сошло с ума. Факелы горели, освещая корабль призрачным мерцающим желтым светом, рассеиваясь повсюду. Матросы и все остальные вышли на палубу. Мне потребовалось некоторое время, чтобы я сообразила, что я видела.

Все стояли на коленях и молились. Одни прижимали к груди свои шляпы. Другие плотно сплели пальцы, направляя вверх, словно в церкви, моля о чем-то ночное небо. Прохаживаясь среди них, я все еще слышала жужжание русалок. Но я не увидела их, когда подошла к краю. Похоже, они сменили свои цвета и спрятались во тьме. Может быть, они поют под водой? Непрерывный, непрекращающийся, незапоминающийся мотив, был причиной моих любимых агонии и самокопания.

— Вставай на колени, — пропыхтел какой-то парень и потянул меня за руку. Я опустилась на колени рядом с ним. Возражать не было смысла. Никого из них это не заботило. Было что-то такое высоко в небе, и, похоже, что оно имело спасательную силу.

— Что происходит? — прошептала я парню.

— Ты разве их не слышишь? — он указал на море.

— Конечно, слышу. Я услышала их еще раньше вас.

— Нет, ты не слышишь, — прошипел он, — Я видел тебя за своим занавесом, идущую к перилам. Мы боимся подходить ближе. Делаем вид, что не слышим их. Тогда бы жужжание проникло в наши души. Мы должны с этим что-то сделать.

— Что именно?

— Они будут жужжать, пока кто-нибудь из нас не повинуется их зову и не прыгнет в воду, чтобы они могли покормиться нами, — парень сжал свои руки плотнее. Он вспотел, как и остальные люди на корабле. — Русалки не остановятся. Слышишь? — блестящие глаза пыхтящего парня померкли, — они не остановятся, пока не получат одного из наших мужчин.

При слове «мужчина» у меня возникла неожиданная догадка. Я поняла, что была единственной девушкой на борту. Как такое возможно?

— Мужчин? — сказала я, — Куда подевались все женщины на борту?

— Забрали, — сказал парень, пряча закрытые глаза за сжатыми руками.

— Кто их забрал? — я запоздало поняла глупость своего вопроса. Это русалки забрали женщин на судне. Она соблазнили их так само, как и меня.

— Всех женщин? — я приблизилась к уху парня.

— Кажется, всех кроме тебя, — он открыл свои любопытные глаза, похоже интересуясь, почему. Я не могла ответить на его вопрос.

— Русалки звали и меня с собой, — объяснила я, — Просто... Я... — я облизала пересохшие губы, — Я не знаю как, но я смогла противостоять их зову.

— Моряки говорят, что на самом деле, русалки следуют за мужчинами на борту, — раздумывал парень, — они растут благодаря мужской плоти. Ни одно морское существо не может удовлетворить их голод.

— Тогда, Бога ради, зачем забирать женщин?

— Женщины дают мужчинам свою силу, — сказал парень, — без них мужчина открыт для голодного моря и гнева русалок.

Верь в меня, Кармила! Я слышала, как Ангел зовет меня. Вот почему он всегда просил меня верить в него. Я как-то его разочаровала? Нужно ли мне верить в него еще больше? Но подождите, это означает, что Ангел был единственным человеком с надеждой на этом корабле, если бы он не ушел раньше. Я была единственной оставшейся женщиной.

— Мы должны молиться, — парень потянулся за моей рукой.

— Молиться? Вместо того, чтобы дать русалкам отпор? — я не подала ему руки. Я задала логичный вопрос. Я начала разочаровываться. Эти русалки и их песни плохо влияли на Ангела и матросов. Надо было что-то делать.

— Ни у кого из нас нет силы, чтобы противостоять им, — сказал парень, — Только луна может сразиться с ними.

Он вытянул шею вверх, к полной луне.

— Что луна может сделать? — я поморщилась, — Это всего лишь белый диск, висящий в небе.

Эти слова вырвались у меня. Я вспомнила, как мне показалось, что луна мне улыбнулась. Всего один раз. Это, должно быть, мое воображение. Луна была и всегда будет лишь диском в небе. Тем диском, который я видела, когда дети бросали камешки в Жемчужное Озеро в Штирии. Тем самым, отражающимся на поверхности воды белым диском, с которым они говорили. Иногда на рассвете девочки делали вид, тянут его вниз, будто они держат его за невидимые веревки. Тогда луна уходила прочь, уступая место солнцу, чтобы оно озаряло новый день. Луна была ничем кроме диска, на который, будучи ребенком, я любила смотреть перед сном каждую ночь.

— Ты такая наивная, — сказал парень, не глядя на меня, — Луна это глаз Творца в небе.

И это девушка.

Я стиснула зубы, делая вид, что молюсь с остальными. Оспорить ту ерунду, которую нес парень, было невозможно.

— Она живет на Луне, — пояснил он, — Или это и есть луна. Мы не знаем. Она показывается когда добросердечные люди плывут ночью по морю, она защищает их от всего зла, особенно от русалок. Луна и русалки, так или иначе, имели некую связь с незапамятных времен.

— Тогда почему она не здесь и не защищает нас? — спросила я. Молящиеся вокруг меня ужасно раздражали. Они зывали к девушке на луне защитить их. Каждый из них преподнес ей что-нибудь — кольцо, меч, а иногда дневной улов рыбы. Абсурд.

— Я сказал тебе, что она защищает только добросердечных, — повторил парень и положил перед собой свою записку табака. Он оправдался перед девушкой на луне, сказав ей, что это все, что у него сегодня есть. Он пообещал бросить курить, если она спасет его сегодня.

— Разве мы не добросердечные? — я должна была увидеть, куда это все приведет.

— Большинство из нас — да. Мы все бедняки, убегающие от злого прошлого на этом корабле, — сказал парень, — Но есть здесь одна темная душа.

Мои мысли, хотя я и отрицаю эту идею, метнулись к Ангелу. У него не темная душа, но все ошибочно думают, что это так. Никогда я не представляла, что сама так подумаю.

— Я думаю, это он, — парень вздрогнул и указал куда-то позади меня.

Я обернулась, думая, что сейчас увижу Ангела. Но это был не он. Парень указывал на закрытую каюту Капитана Ахава. Несмотря на все предположения и слухи, которые я слышала, мне было любопытно, почему он не вышел в связи с шумом вокруг.

— Он темный человек, — сказал парень, — Почему он не молится вместе с нами? Предложи луне что-нибудь! — сказал он мужчине в запертой каюте.

— Да, предложи ей что-нибудь, — сказал мужчина с серебрянными зубами, — Быть может, твою одежду, — он улыбнулся мне и глотнул свое пиво.

— Ты не должен пить, когда молишься, — парень выхватил его пиво и поставил его рядом со мной. Несколько матросов оглянулись на нас. Мы должны были немедленно согнуться и замолчать, несмотря на то, что мужчина с серебрянными зубами требовал свое пиво назад.

— Отдай, — прошипел он сквозь зубы на меня. Я его проигнорировала. Я не имела к этому никакого отношения. Пиво просто стояло рядом со мной, вот и все. Лицо мужчины покраснело. Он решил никого не слушаться и поднялся на ноги.

— Я знаю, почему луна нам не отвечает, — закричал он, — Наших подношений недостаточно. Мы предлагаем не все, что у нас есть.

— Заткнись, — сказал матрос, — Мы подносим все то, что имеем на палубе.

— Не все, — он ткнул в меня пальцем. Я не понимала, что он подразумевал.

— У этой девчонки есть то, что она не отдала.

Он говорил отнюдь не про одежду.

— Я видел, как она заходила на корабль с мешком. Похоже, полным драгоценностей. Я думаю, она контрабандистка.

— Мы не видели у нее никакого мешка, — сказал другой моряк.

— Я видел, — поднял руку бедняк.

— Он у парня с бочками, — поднялся другой бедняк, — я видел, как он перепрятывает

его каждый день в разные бочки.

— Найти бочку! — немедленно приказал глава матросов.

Русалочье жужжание сводило всех с ума. Экипаж рассыпался по всему кораблю в поисках моего мешка в бочках с вином. Я задумалась, почему они не предложили луне вино, но годами позже я узнала, что луна не принимает ничего красного.

Согнувшись, я звала Ангела, но ветер уносил мои слова в воздух. Не было никакого смысла сопротивляться. Ангел не покажется, пока русалки продолжают жужжать. Зачем рисковать его превращением вампира, который под влиянием русалок жадно выпьет всю кровь матросов?

Моряки были в бешенстве, а я смотрела, как рушатся и горят мои мечты. Я не знала, в какой бочке Ангел спрятал мешок. Я даже не знала, что было в мешке. Я лишь знала, что это было мое единственное драгоценное предложение для Леди Шаллот в Башне Сказок.

Наконец, один из них появился с мешком. Я подбежала к нему, пытаюсь забрать его, но остальные мужчины держали меня сзади.

— Отдадим его луне! — сказал матрос.

Бедняки не согласились. Они хотели сначала посмотреть его содержимое. Я знала, что они, должно быть, думали, что там полно драгоценностей, которые они могли бы потом продать и я не знала, как их остановить. Я лишь вопила и скулила, как щупленькая принцесса. О, как я ненавижу то, какой хрупкой я тогда была.

Как только один из них потянул его, чтобы открыть, где-то заскрипела открывающаяся дверь. Она заскрипела достаточно громко и медленно, чтобы все вернулись обратно на колени. Это была дверь Капитана Ахава.

Глава 31

Каким же он был темным и высоким человеком. Он покуривал свою трубку и медленно направлялся прямо к нам, уверенно, казалось, ничто в этом мире его не заботит. В темноте я не могла рассмотреть большую часть его лица, но я чувствовала, что это к лучшему. Впрочем, мне удалось разглядеть только его бороду. Он грациозно вышагивал, деревянный пол скрипел под его безжалостными шагами.

Капитан Ахав подошел к мешку. Но не поднял его. Вынул меч и порылся им в вещах, которые были внутри, затем продолжил курить.

— Она прятала его от нас! Мы хотели предложить его луне! — запротестовал мужчина с серебряными зубами.

Капитан Ахав молчал. Он просто подошел к мужчине, продолжая курить свою трубку. Я заметила, что дым выходил из семи отверстий. Они оказались правы, когда говорили, что это не просто трубка, но еще и флейта. Неужели он и вправду был потомком Крысолова? Могла ли быть у него какая-то связь с русалками? Тогда почему он еще не прекратил их жужжание?

— Нам нужно больше подношений и тогда Лунная Девушка поможет нам, — мужчина с серебряными зубами лгал, заикаясь и избегая пронизывающего взгляда Ахава.

Капитан Ахав лишь потянул мужчину за шею. Одним простым движением он перекинул его через борт. Мужчина визжал и кричал, брыкая ногами и руками в воздухе, прежде чем приземлился русалкам в руки. Какое-то время я слышала, как они счастливо вгрызались в него, прежде чем замолкнуть и исчезнуть.

— Лунная Девушка спасает только добросердечных, — голос Капитана Ахава

растворился в воздухе, и я не слышала даже шум моря и плеск волн, — Большинство из вас вовсе не такие.

— Мы не злые сердцем, — запротестовал мужчина с повязкой на глазу.

— Все равно, к добросердечным вас не отнесешь, — ответил Капитан Ахав, — Самое страшное в мире это не зло. Это потерянные души, как вы, которые не в силах сделать выбор, — сказал он, словно хотел плюнуть на всех и в каждого их них. Он определенно не такой, как люди, мужчины или женщины. — Единственная причина, по которой вы на моем корабле, это то, что я единственный в море, кто может перевозить потерянные души.

Он делал короткие паузы, как раз в такт с темпом его слов. — Все слоги были произнесены в определенный отрезок времени. Он не ощущал потребности торопиться. Казалось, Капитана Ахава не интересовало ничего, кроме китов. — В следующий раз, когда появятся русалки, просто бросьте им одного из вас. Самый верный способ.

— Я знаю, какую сторону выбрал, — запротестовал другой мужчина, — я знаю, что я добросердечный.

— Кто сказал? — засмеялся Капитан Ахав и потянулся за своим гарпуном.

Все расступились, чтобы освободить путь для мишени Капитана Ахава, бедняка, который верил, что он добросердечный. Капитан не смутился. Держа трубку во рту, он выстрелил в мужчину, пронзая его гарпуном.

— Лунная Девушка не спасла тебя от меня, не так ли? — сказал Ахав, когда мужчина молча упал на колени и распластался на полу. Кровь растекалась по палубе.

— Нет, так называемая Лунная девушка никогда не подойдет и близко к кораблю. — Он имел в виду то, что она никогда не подойдет и близко к красному цветку. Как же она спасает добросердечных, если не выносит вида крови? Теперь все склонили головы перед Капитаном Ахавом. Русалки уплыли..., и черт с ней, с луной, должно быть, они думали.

— Не ждите прощения у Семи Морей, — произнес Капитан Ахав. — Все вы здесь за тем, чтобы попасть куда-то. Обещаю, большинству из вас это не удастся. Не заставляйте меня снова выходить, чтобы решать такие мелкие проблемы, как русалки. У меня есть более важные дела.

— Пожалуйста, возьми мою душу, — пыхтящий парень подполз ближе на четвереньках, желая поцеловать сапоги Капитана Ахава, — Я хочу продать тебе свою душу. Пожалуйста!

Капитан Ахав некоторое время смотрел на парня, забавляясь его просьбой. Потом усмехнулся и пнул его прочь. Затем он взглянул на мешок на полу и вернулся ко мне. Он медленно прошелся и некоторое время разглядывал меня.

— Это твой мешок?

Я кивнула, во рту пересохло, тело покрылось испариной.

— Я вижу, у тебя нет осколков в глазах, — пробормотал он, довольно громко, чтобы только я могла его слышать. Он задумчиво вытащил свою трубку. Я не знала тогда о Зеркале Андерсена и не могла понять, почему у кого-то должны быть осколки в глазах. Какие осколки?

— Что ты делаешь на моем корабле? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Так же, как и все, я хочу кое-куда попасть.

— Башня Сказок, я полагаю, — прошептал он, и снова лишь одна я его слышала. Он ухмыльнулся, глядя на меня сверху вниз. Мне хотелось рассмотреть его лицо. Я же видела одни его глаза. Медового цвета. Он кивнул самому себе, так если бы он распознал меня. Он

снова вытащил трубку. Она была сделана из вида древесины, которого я никогда раньше не встречала. Вблизи она была больше похожа на резную кость, нежели на трубку. Я представила, как он превращает в трубки всех людей, которых убил.

— Откуда Вы знаете? — удалось мне вымолвить.

Капитан Ахав ничего не сказал. Зажав трубку губами, он кивнул на мешок. Я не хотела, чтобы он знал, что я понятия не имела, что внутри мешка. Но мне было интересно знать какая между этим связь.

— Это мое подношение для Леди Шаллот, — прошептала я, не желая, чтобы матросы и остальные услышали меня.

— Конечно, так оно и есть, — сказал он, — У тебя в мешке то, чего Леди Шаллот желает больше всего. То, чего желают и многие другие. — Он немного наклонился, дым из его трубки закружился вокруг меня, словно ореол. — И то, чего желает большинство моряков и бедняков на корабле.

— Я не понимаю, — я говорила о последней части его предложения. Конечно, это было то, что хотела Леди Шаллот, но зачем это нужно морякам?

— Хочешь, верь, хочешь, нет, юная леди, — сказал он мне на ухо, — ты могла бы вызвать Лунную Девушку.

Мне было неприятно слышать его голос в своих ушах. Мне было страшно от его голоса даже издали, не то, что так близко. Я прикрыла на секунду глаза, чтобы стерпеть его близость и спросила:

— Значит, она существует?

Капитан Ахав отстранился, возвращая трубку себе в рот, и обращаясь к луне.

— Ты ее слышала?

Сейчас он говорил с луной. Я была озадачена, и слишком смущена, чтобы понимать или думать о чем-нибудь.

— Луна выглядит, как белая тарелка, не так ли? — он подмигнул мне и повернулся, чтобы вернуться обратно в свою каюту.

— Подожди, — я не могла позволить ему еще уйти, — Так Леди Шаллот и Башня Сказок реальны?

Меня не волновало, если моряки услышат меня сейчас. Моя интуиция подсказывала мне, что долго я не продержусь на этом корабле. Мне нужна была подсказка, куда идти потом.

— Так поговаривают, — ответил он, — Хотя я в море уже много лет, и не видел ни Башни...ни сказок. Хотел бы я заполучить хоть одну, чтобы начать новую жизнь, если бы увидел ее, — он усмехнулся собственному несчастью.

— Я знаю, — сказала я, — Так Вы позволите мне забрать мешок? — Это было все, о чем я беспокоилась, и на мгновение это потеряло смысл. Я делала все возможное, чтобы сохранить мешок с неизвестным содержимым, пытаюсь преподнести его женщине, которую я не знаю, в башне, которая вполне возможно лишь выдумка. И все это для того, чтобы найти новую жизнь с тем, кого я люблю.

— У меня нет применения для мешка, — сказал Капитан Ахав, — Так же, у меня нет применения для тебя на моем корабле.

— Я поняла, — я склонила голову. Он собирается изгнать меня. Я не нуждалась в объяснениях. Что бы ни происходило, казалось, было за гранью моего понимания. Но куда я пойду? Укажет ли он мне путь, даст мне шлюпку? Мне он не казался услужливым.

— Что сейчас со мной будет?

— Ты одна на моем корабле?

— Есть кое-кто со мной, — сказала я, — Мужчина, который поднимает бочки. Он спит.

— Спит? — я могла сказать, что он не поверил мне, — Ни один человек не спит, когда зовут русалки, юная леди, — он остановился, чтобы сообразить, — Однако, я закрою на это глаза. Это меньшее, что я могу сделать для женщины, которая возвратила яблоки в Европу.

Мои глаза расширились. Я подняла голову. Несколько матросов позади меня бормотали, смущенные столь долгим разговором Капитана Ахава со мной.

— Тем не менее, я не могу держать тебя на своем корабле, — сказал он, — Ты слишком тяжела, юная леди.

— Тяжела?

— Твоя душа слишком тяжела для моего корабля, — сказал он. Я не стала спрашивать, что он имел в виду. Было похоже на то, как все говорили мне, какая я особенная, и обременительная, в последнее время. — Мне твоя война не интересна. Я следую за китами.

Шепот позади меня усилился.

— Могу я спросить почему?

Капитан Ахав ухмыльнулся. Это была болезненная ухмылка, исходящая от страдающего человека, маскирующегося под безбожного моряка в море. Он смутил меня, и я не могла понять, был ли добрый он, или злой. Но что было чистым добром или злом? Все, что я встречала ранее, включая Ангела, имело две стороны. Все они боролись со своей жизнью и пытались стать лучше. Я начала понимать, что зло — вещь непостоянная, то, что для меня зло, не обязательно является им для кого-то другого, то, что зло сегодня, не обязательно будет им завтра. Зло это просто точка зрения, и каждому из нас нужно быть немного внимательней из дня в день.

— Существует кит, у которого есть то, что я хочу, — сказал Капитан Ахав, — Полагаю, этого могла бы желать и ты, но я вижу, что ты все еще молода и неопытна. Море, однако, научит тебя.

— Пожалуйста, позволь продать тебе наши души, — несколько мужчин позади меня снова умоляли его, — Помоги нам пережить жестокость Семи Морей. Наши души твои!

Капитан Ахав заткнул их и вернулся ко мне. Я не собиралась продавать ему свою душу. Даже если он был человеком-дьяволом, как говорили, меня это не беспокоило. Моя душа была моей. Моя судьба в моих руках, чтобы решать ее. Мое сердце остается моим, чтобы хранить его. Может быть я слабая, но я Карнштейн. Никакой Карнштейн не продал бы часть себя никому, ни за какую цену.

— Могу я остаться до утра? — спросила я, игнорируя просьбу мужчины.

— Я думаю, на самом деле, ты должна остаться до утра, — он кивнул, — Не потому, что я этого хочу, просто ты не сможешь справиться с морем завтра. Никто не сможет завтра справиться с семью Морями.

Шептание и бормотание позади меня вновь усилились.

— Русалки не просто пришли, чтобы покормиться мужчинами. — Моряки и бедняки издали несколько вздохов. Пыхтящий парень взвыл и начал говорить, что они все умрут в море. — Появление русалок было всего лишь прелюдией.

— Прелюдией к чему?

Трубка Капитана Ахава тускнела, умирая в призрачных ветрах. Он постучал ею по тыльной стороне своей руки и сказал:

— Бери свой мешок и оставайся до завтра. — Он не собирался отвечать на мой вопрос. — Хотя я не обещаю, что корабль будет в безопасности. Завтра будет один из сложнейших дней.

Он обернулся и пошел между моряками и бедняками, заложив руки за спину. Все мужчины на кобарле стояли на коленях и руках, словно сам Бог шел среди них. Капитану Ахаву, казалось, было противно их существование. Я действительно заинтересовалась, почему он позволяет всем потерянным душам быть на корабле, не говоря уже о том, зачем он охотится за китом в Семи Морях.

Он глянул на испуганных мужчин у себя под ногами и сказал:

— Поднимитесь, вы все потерянные в море души, — он взмахнул рукой, словно волшебник, и они медленно подняли головы, — Неужели вы действительно думаете, что я это К...?

— Он? — сказала несколько из них.

Капитан Ахав покачал головой, словно ОН не было его настоящим именем. Кажется, имя только начиналось на О. Капитан Ахав помотал головой.

— Думаете, сможете продать мне свои души? — рассмеялся он. — Я не тот, кем вы меня считаете.

Мужчины обменялись удивленными взглядами. Не смотря на это, я считала, будто Капитан Ахав плавает по морю на корабле, полном отчаявшихся людей и заставляет их продавать ему свои души.

— Тогда... — пыхтящий парень пожал плечами, — Тогда, кто Он?

— Должно быть, это корабль глупцов, — Капитан Ахав покачал головой, так, словно он собирался бросить парня в море, как и мужчину с серебряными зубами.

— Ты думаешь, что захочешь продать свою душу Ему, но ты и понятия не имеешь, что это значит, — он вернулся ко мне, — Кроме того, ему не интересно настолько потерянные и слабые душонки, вроде твоей. — Капитан Ахав громко хмыкнул. — Его интересуют лишь сильные души, — он ухмыльнулся мне, снова повергая меня в замешательство.

— И все же, кто он? — настойчиво спросил пыхтящий парень, глупо игнорируя все предостережения Ахава.

— Все вы, дурни, встретитесь с ним завтра, — не оборачиваясь, произнес Ахав. — Он присылает русалок к кораблю всякий раз, как собирается напасть, так что спите сладко, потому что сегодня ваша последняя ночь в жизни.

Капитан Ахав, наконец, возвращался к себе в каюту, когда у него появилась еще одна последняя мысль. Он подошел ко мне и снова приблизился к моему уху.

— Когда ты встретишь Его завтра, передай ему, что Капитан Долговязый Джон Сильвер не будет пойман.

Капитан Ахав, или Долговязый Джон Сильвер, ушел с иной ухмылкой на лице, оставляя меня окутанной тайнами моря, без понятия о том как достигнуть моей судьбы.

Глава 32

Мир Сновидений Фейбл

Где-то неподалеку от дома Лэдл, Семеро Потерянных припрятали своих лошадей. Фейбл предположила, что езда на лошади в Мире Сновидений окажется для нее не впервой. Она оказалась права.

Каждый назвал свою лошадь своим вторым именем, кроме Мармеладки, которая

назвала свою Луной, и Чудовища, который обозвал свою кобылу Красавицей. Лошадь Джека носила имя Мэдди, по мнению Фейбл, подходило идеально. Лошадь Серены стала Фениксом, а Фейбл — Крамблвудом, конечно же. Она решила звать ее просто Вудом.

Лошадь Лэдл звали Рэт. Полное имя Лэдл было Лэддл Рэт Роттен Хут, почти как "Литл Рэд Райдинг Худ" ("Красная шапочка"). Фейбл узнала, что это был тайный язык Семерых Потерянных, так называемый Язык Тоски. Они использовали его, чтобы посылать друг другу тайные послания. Например, название города, в котором выросла Фейбл, Фьюрри Тэлл — на Языке Тоски звучало как "Фейри тейл" (сказка). Фейбл надеялась, что в этом сне им он не понадобится. Или, она, предположительно, должна знать его в этом сне?

Только лошадь Чудовища ела сахар. Лошадь Мармеладки ела мармелад, а кобыла Лэдл ела то, что по ее словам, было беличьими орешками, не смотря на то, что напоминали они печенья с предсказаниями. Лошадь Джека питалась белыми перьями, похожее на то, что вечно торчало у него изо рта.

Серена вдыхала еду своей лошади через стеклодувную трубку. Фейбл захватила несколько сухарей, и предложил их Вуди, который сгрыз их с энтузиазмом.

Фейбл была так счастлива, оказавшись среди Семерых Потерянных. Она чувствовала что это та самая жизнь, которой ей так давно не хватало. Черт с ней, со Скорбью в Реальном Мире. Сны оказались гораздо лучше сказок.

***

Зверь первым надел плащ. Фейбл до сих пор не увидела его лица. Как она поняла, он почти никогда не показывал никому своего лица, считая, что он был "уродливее их всех". Остальные тоже надели плащи, за исключением Фейбл, которая оказалась слишком маленькой для плаща. Она выглядела в нем глупо.

Джек сообщил им, что слышал, будто Королева проводит сегодня новую церемонию Взвешивания Сердца, после которой состоится купание в крови девушек. Фейбл знала, что Королева не сможет использовать кровь девушек, если их сердце окажутся менее чем двадцать один грамм — по той же самой причине, она не могла заполучить и сердце Шу.

— Но почему двадцать один грамм? — Фейбл считала, что обладала неким преимуществом перед остальными, учитывая свою молодость и наивность, она задавала столько вопросов, сколько могла.

— Как только нам исполняется шестнадцать, наши сердца весят двадцать один грамм, — ответила Мармеладка. — Верно, Джек? — Она пыталась флиртовать.

— Только не мое. — Джек потерял свое белое перо. — Я слишком клевый для этой цифры. — Он усмехнулся и запульнул камушек в луну на небе. Казалось, он был одержим ею, тем самым подпитывая к себе интерес Мармеладки.

— Клевый. — захихикала Фейбл. А в 1812 говорят "клевым"?

— Разве вы не знали, что я настолько клевый, что однажды обо мне напишут книгу?

— Когда душа покидает тело, она должна весить двадцать один грамм, — объяснила Лэдл, игнорируя комментарий Джека. — В противном случае, ее не ожидает ничего хорошего в загробной жизни.

— И откуда все это тебе известно? — казалось, Мармеладка ревновала к Лэдл, быть может, замечая, как они с Джеком ладят.

— Она ж Смерть, она дерзкая. — Джек уже несколько раз назвал ее дерзкой. — На твоём месте, я бы с ней не спорил. — Он бросил на Лэдл многозначительный взгляд.

— Это нечто обращенное к создателям. — Взглядом перебила Лэдл Джека, чтобы пояснить дальнейшее. — Двадцать один грамм — это вес баланса и зрелости. Если вес оказывается меньше, значит, ты не готов столкнуться с этим миром лицом к лицу.

— А если больше? — спросила я.

— Больше — это редкий случай, — ответила Лэдл, стянув с плеча белку. Белки с косами не сочетаются, подумала Фейбл. — Тяжелое сердце либо полно печали и утрат, либо же запятнано злом, или вовсе является результатом магии.

— Магии? Как? — заинтересовалась Фейбл.

— Магия — не всегда хорошо, Фейбл, — ответила Лэдл. — Некоторая магия — темная, и она имеет свои последствия.

Фейбл передернула плечами, когда она сказала это, затем увидела, как Серена молчаливо смотрит на нее. Опять же, словно у них был некий секрет... вот только Фейбл и понятия не имела какой именно. Это вероятно было связано с тем, где она провела последние несколько месяцев.

— Так мы просто затеряемся среди охотников? — спросила Фейбл. — Как думаете, наша маскировка сгодится?

— Это не просто маскировка, — ответил Джек. — Среди охотников есть правило, никому нельзя видеть их лица. Даже самой Королеве отказано в удовольствии видеть их лица. Только Локи, главе охотников позволено открывать свое лицо.

— Интересное правило, — сказала Фейбл. — Почему?

— Именно Ангел фон Сорроу нанял охотников, прежде чем Королева Скорби заставила их прислуживать себе в его отсутствие, — объяснила Серена. — Все охотники — парни. Только парни. Поговаривали, будто они сироты, которые бежали со всех уголков света в Скорбь. Легенда гласит, они пересекли нечто под названием Семь Морей, добрались до Башни Сказок, откуда их направили в Скорбь, чтоб там они смогли укрыться от своего прошлого. Ангел хотел защитить их от их злых отцов. Он использовал магию, чтобы скрыть их личности, дабы им не смогли причинить вред.

— Но сейчас они прислуживают Королеве Скорби, — сказала Мармеладка.

— Ей удалось переманить их на свою сторону с помощью темной магии, — объяснила Лэдл. — Она не смогла разрушить заклинание, чтобы они открыли ей свои лица. Она завладела их преданностью, но не их лицами.

— И я полагаю, мы воспользуемся этим, чтобы укрыться среди них, — сказала Фейбл. — Мы используем это в наших интересах, поскольку никто не осмелится просить нас показать наши лица?

— А ты все быстрее схватываешь. — Подмигнул Джек и повернул свою лошадь в другую сторону. — Как на мне сидит моя шляпа? — спросил он у Мармеладки, поправляя ее, после уехал, не дожидаясь ее ответа. Фейбл посмеялась его бесхитростности, и стала наблюдать, как Мармеладка устремилась за ним, прежде чем это успела сделать Лэдл. Серена кивнула Фейбл и произнесла:

— Давайте уже спасем Шу.

Что ж, давайте выясним, как Шу и Локи полюбили друг друга, подумала Фейбл и поскакала за Семерыми Потерянными, под личинами охотников, к Шлоссу. Она понадеялась, что ей удастся достать Руно Локи.

Смешаться с толпой охотников оказалось проще простого. Обычно они скакали на лошадях рядом с лесом и не произносили ни слова без особой на то необходимости, если только Локи не прикажет. Семеро Потерянных воспользовались тем фактом, что им нельзя открывать лица, в качестве своего преимущества. Они также измазали лица грязью, чтобы никто наверняка не увидел их сквозь плащи. И, конечно же, они натянули капюшоны как можно ниже, чуть ли не на самые глаза, впрочем, как и остальные охотники.

Войдя в сад замка вместе с остальными охотниками, они поразились масштабности мероприятия. Королева позаботилась о том, чтобы пришли все актеры до единого, чтобы развлекать всех и каждого. Всю элиту пригласили внутрь, конечно же.

Семеро Потерянных держались вместе, не переговариваясь или кивая. В нескольких футах от стен замка, они спешили и присоединились к остальным охотникам. Локи, предводитель охотников, проехал вдоль своего отряда и сказал, что Королева желает их присутствия на церемонии. Как и рассказывали Фейбл, он стал еще более жестоким, чем прежде. Она задумалась, доведется ли ей еще когда-нибудь увидеть ехидную и шутливую сторону этого мальчика. Но на этот раз, Локи даже не улыбнулся. Он выглядел почти... бессердечным.

— Сегодня, Королева Скорби, Та, Которой Нужно Подчиняться, завладеет сердцем своей дочери, — прорычал Локи, разъезжая на своем трехглазом единороге. — В отличие от прошлого раза, у нее получится, и я лично убью ее дочь, если сердце весит столько, сколько должно. — Охотники вскинули мечи и зарычали в ответ.

Фейбл стало неприятно делить с ними столь неприятный момент. Не смотря на то, что она уже была знакома со зверствами Кармиллы, она была шокирована ее прямоотой, когда та публично заявила о своих намерениях. Джек ткнул Фейбл локтем, отвлекая ее тем самым от внутреннего монолога. Фейбл поняла, что была единственной, кто воздержался от приветствия. Она нагнала прочих, но с небольшим опозданием. К сожалению, она перехватила зеленоглазый взгляд Локи.

Фейбл и понятия не имела, что Локи может источать такое зло в одном лишь только взгляде. Она подумала, что еще много лет не позабудет этот самый взгляд, даже если ей удастся воскресить его в реальном мире. В ее памяти промелькнуло воспоминание, как он чуть не убил ее. Она сейчас так ясно вспомнила свой городок, Фьюрри Тейл. Она вспомнила, как родилась там и заглянула ненадолго в свое реальное прошлое, на ту бедную девчушку из Королевства Скорби.

Локи приблизился к ней, подозрительно сияя своим угрожающим взглядом. Фейбл не смогла отвести глаз. Она хотела, но зло в его глазах словно сковало ее страхом. Как он мог быть тем самым Локи, с которым она веселилась и дурачилась в Реальном Мире?

Без сомнений он убьет ее. Бежать некуда. Похоже, ей придется убить Локи в этом сне... в противном случае, ее раскроют.

Пока Локи безжалостно приближался к ней, Фейбл сдержала вскрик. Она увидела на его запястье красное Руно.

Вот оно. За этим я пришла сюда. Неужели все так легко? Но как? В тот самый момент, когда она увидела его Руно, он собирался наказать ее, или же раскрыть ее суть и тогда кончины Принцессы не избежать. Плевать. Фейбл, наконец-то, проглотила комок в горле. Как только он приблизится достаточно близко, я сорву Руно и убегу, быть может, спрячусь в лесу. Потом Элис Гримм снова появится и поможет мне, так?

— Будь проклята королевская дочка! — воскликнул Джек рядом с Фейбл и поднял свой

меч в качестве отвлекающего маневра. — Будь проклята Принцесса Белоснежка!

Кажется, он даже частично наслаждался всем этим. Это показывало его неприязнь к Белоснежке. Быть может, он просто считал ее избалованной вампирской принцессой. Охотники, заметив схожесть Джека с Локи, подумали, что напыщенная речь Джека каким-то образом связана с приказами Локи. Поэтому они хором откликнулись. Да настолько громко, чтобы отвлечь его от Фейбл, которая поддакивала остальным так громко, как только могла.

— Будь проклята Принцесса Белоснежка!

Локи, не желая критиковать энтузиазм охотников, отошел от Фейбл и разделил со всеми этот момент.

— Спасибо, — прошептала она Джеку.

— Я, правда, хотел, чтобы он подошел поближе, — прошептал Джек. — Мои пальцы были в дюйме от того, чтобы выкрасть Руно.

Фейбл сдержала смех.

— Я бы стал известен, как Вор, Укравший Руно Охотника, — сказал Джек. — Можешь себе это представить?

Фейбл незаметно протянула Джеку руку и сжала ее.

— Спасибо тебе, еще раз, — произнесла она, думая, удастся ли ей снова подобраться настолько близко к Руно Локи.

Что если получится задействовать Джека в качестве вора по этому вопросу, но это казалось неправильным. Она должна сделать это сама. Это была ее ответственность. Ничья больше.

Немного погодя всех охотников пригласили в Шлосс. Это был все тот же замок, что Фейбл видела в Реальном Мире, только здесь он был гораздо грандиознее, и словами его нельзя было описать. В конце концов, это был всего лишь сон. Все оказалось гораздо ярче, чем в смелейших фантазиях Фейбл.

Затем их призвали в личные покои Королевы Скорби...

***

Семеро Потерянных стояли в самой последней линии позади всех, спиной к двойным дверям, через которые они прошли. Перед ними стояли монахи и религиозные идолы Скорби. Ближе всего к королевскому трону была оказана честь стоять ученым. Ближайший ряд был зарезервирован для советников и магов Королевства Скорби. Все должны были стать свидетелями церемонии Взвешивания Сердца. По обе стороны были выстроены в ряд молодые девушки, которых должны были принести в жертву на случай, если сердца совпадут с пожеланиями Королевы.

— Бедняжки, — прошептала Серена. — Всех этих девушек принесут в жертву ради кровавой ванны Королевы.

Не смотря на плохое зрение Фейбл, она увидела саму Королеву Скорби восседавшей на хрустальном троне между Сиренией Ларк, ее личной певицей, и зеркалом, в котором обитала Кровавая Мэри. На этот раз, Фейбл заинтересовалась Сиренией Ларк куда больше чем Кровавой Мэри. Она вспомнила, что Шу упоминала ее, как одну из сирен — помощник Королеве Скорби. На что же была способна эта женщина кроме игры жутких мелодий на своей флейте? Еще Фейбл знала, что Сирения пела. Ну а чем же ей еще заняться, сидя при дворе?

— Это Сирения, — прошептала Мармеладка. Ее голос был горек и сердит, когда она

произнесла, — Нужно было прикончить ее давно — давно.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала Фейбл в ответ.

Джек знаком велел ей замолчать.

— Сейчас не подходящее время обсуждать прошлое Мармеладки.

Любопытству Фейбл не было предела. Мармеладка была русалкой, потерявшей голову из-за луны. Каким образом она пересекалась с Сиреной в прошлом?

— Я не смогу выстоять против Кровавой Мэри, — прошептала Серена, звуча довольно искренне. — Она пугает меня, как никто другой.

— Однажды я пытался украсть ее зеркало, — похвастался Джек. — Но это уже совсем другая история... Теперь тихо вы все.

Фейбл послушала Джека и перестала думать обо все, что не пригодилось бы ей для миссии. По правде говоря, Сирена и Кровавая Мэри были ничто по сравнению с Королевой Скорби. Ее присутствие в этом сне было неоспоримым. Не смотря на то, что она находилась далеко, Фейбл не могла отвести от нее глаз. Она выглядела такой могущественной и злобной, как все это могло прятаться под маской дивной красоты?

Как ей удавалось быть настолько красивой? Как это вообще возможно? Неужели купание в крови девушек придавало ей такую силу? И зачем она притворялась моей приемной матерью... может, знала, что я одна из Семерых Потерянных? Тогда почему я, а не кто-то другой?

***

Вся церемония взвешивания сердца Шу — опять же — заняла какое-то время от начала до конца. Шу выглядела бледной, словно ее недостаточно кормили. Она выглядела сломленной, словно она сдалась. Должно быть, быть запертой в Башне Рапунцель ужасный опыт.

Шу спросила о своем отце, Ангеле фон Сорроу. Его там не было. Ангел оказался в отъезде, сражался с вампирами на границах Королевства Скорби. Перед тем, как ее положили на стол, на котором Леди Готель, Королевская ведьма, взвешивала ее сердце, Шу спросила о Серене.

— Кто это? — спросила Королева Скорби. Конечно же, она знала, кем была Серена, подумала Фейбл. Она лишь притворилась, что не помнит ее, тем самым преуменьшив ее важность в качестве Феникса.

— Стеклодув. Моя подруга, — произнесла Шу. — Моя лучшая подруга, которую убил Локи.

— Если Охотник убил ее, тогда почему ты о ней спрашиваешь? — подозрительно спросила Королева.

Шу не ответила ей. Слезы покатались по ее лицу, когда она, наконец, сдалась на милость успокоительного Леди Готель. Фейбл опечалило это, бедняжка Шу считала свою лучшую подругу, Серену, мертвой. Должно быть, она чувствовала себя ужасно от того, что так подвела Серену. Неужели она поэтому так легко сдалась, и подверглась пыткам в Башне Рапунцель? Но это уже совсем другая история...

Сирена завозилась рядом с Фейбл. Меч Шу был не такой уж легкий. Фейбл была уверена, что ей хотелось сбросить плащ и поотрубать тут всем головы. Фейбл призадумалась, когда же они сделают свой ход. Мармеладка предложила подождать, чтобы убедиться, что сердце Шу весит двадцать один грамм. В любом случае, Семеро Потерянных также должны

были знать, сколько весит сердце Шу, поскольку средствами, чтобы взвесить его самим, они не располагали. Все они обнажили мечи, что напасть, как только вес сердца будет объявлен.

Пока они ждали, в зеркале внезапно появилась Кровавая Мэри, чтобы предупредить Королеву о чем-то.

— Что на этот раз, Мэри? — вздыхая, произнесла Королева.

— Я чую угрозу, Моя Королева. — Мэри принялась к воздуху в комнате.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Королева.

— Кое-кому поблизости не стоит здесь находиться. — Мэри принялась. — Их намерения нечестивы, но их души смердят страхом.

— Кто это, Мэри?

— Не могу сказать, но..., - Мэри подала сигнал, чтоб Королева приблизилась к зеркалу и начала что-то шептать ей на ухо.

Никто из Семерых Потерянных не знал о них ли говорит Мэри. Откуда он могла узнать? Впрочем, кроме них чужаков не наблюдалось. Все они тихонько стояли в последнем ряду, у главного входа. Если что-нибудь пойдет не так, они смогут убежать. Но Фейбл не могла позволить себе такой роскоши, как побег. Она должна была помочь друзьям. Никто из Семерых Потерянных не шевельнулся.

— Охотники! — Поднялась Королева и взмахнула рукой, после того, как Мэри что-то прошептала ей на ухо. — Почему вы стоите так далеко, когда вы заслуживаете лучшего?

Ладно, подумала Фейбл. Кровавая Мэри говорила о них.

— Вы защищаете нас от самых злейших врагов и опаснейших угроз, — продолжила Королева. — Прошу вас встать в первый ряд, чтобы стать свидетелями Взвешивания Сердца моей дочери.

Королева никогда никого не просила ни о чем подобном, подумала Фейбл. Во всех историях, которые она слышала, Королева лишь требовала, приказывала и желала.

Плохо.

Локи сделал знак охотникам приблизиться к трону. Ряды сомкнулись. Охотники начали приближаться к трону.

— Что происходит? — шепнула Лэдл. Немного озадачивало видеть ее такой взволнованной. Фейбл задумалась, почему бы Смерти не отрубить Королеве голову косой. Но она вспомнила, что Смерти было позволено убивать лишь по приказу.

— Нас проверяют, — шепнула Мармеладка. — Я только не знаю как именно.

— Она точно знает, где мы, — сказала Фейбл, думая, что если Кровавая Мэри засекла ее как чужака из другого мира. — Она не в силах приказать нам снять плащи или показать наши лица, потому что — это правило охотников.

Семеро Потерянных вышли вперед, пока Королева, вскинув голову, внимательно за ними наблюдала. Шу в этот момент была усыплена и привязана к столу. Сердце Фейбл колотилось. У нее началась паническая атака. Она может быть одной из Семерых Потерянных, может быть ведьмой, но в тоже самое время она все та же беззащитная девчушка с двумя косичками, которая всю жизнь прожила со своим братом в Сахарном Домике. Это было началом, который вот-вот должен был обернуться вызовом.

Проявив слабость, Фейбл едва заметно подняла голову, ее глаза сразу же встретились со взглядом Королевы. В ее глазах сверкнуло золото. Даже издали, Фейбл поверила в то, что Королева узнала, кем она была на самом деле.

Глава 33

Дневник Королевы

На следующий день, тяжелые облака закрыли солнце, достигнув Пекода. Они были густыми, меняя форму и перемещаясь, словно охотились за нашим кораблем в небе. Мы стояли на носу корабля, наблюдая за тем, как солнечные лучи достают до края Семи Морей, но не туда, куда плыл Пекод. "Он" безусловно, приближается к нам.

Я стояла спокойно, в то время как бедняки либо проклинали свою судьбу, либо молились пережить сегодняшний день. Матросы работали на корабле и высматривали любую необычную активность в море. Волны разбушевались, и наш корабль заплясал в смертельном танце, грозясь сдаться на милость моря. Посмотрев на безумие вокруг, я покрепче сжала свой мешок.

Ангел все еще не вернулся, и не собирался. Записка, которую я нашла сегодня утром в своей постели подтвердила это:

Любовь всей моей жизни, Кармила Карништейн. Я не подхожу тебе. Мои объятия лишь обременяют тебя. Не могу жить с этим. Я должен исчезнуть, или же настанет тот день, когда чудовище внутри меня вырвется наружу и причинит тебе боль. Ничто в этом мире так сильно не мучает меня. Мне не следовало возвращаться за тобой в Штирию. С какой стати вселенной благословлять сына Сорроу любовью к девушке, которая снова возродила яблоки своим рождением.

Буду любить тебя, пока я не умру, — если я умру. Ангел Фон Сорроу.

Этим утром я порвала письмо на тысячу кусочков. Не смотря на то, что Ангел хотел меня уберечь, я ненавидела его за это. Я считала его трусом, который бросил меня посреди моря. Неужели он не знал, что я не против того, чтобы он укусил меня и превратил в вампира, чтобы быть вместе, если у нас не окажется другого выбора? Но кажется, Ангел не понял историю Шекспира. Он не понимает, что любовь может преодолеть в этом мире.

В любом случае, я осталась здесь, единственная девушка на корабле, ожидая гибели, которая сегодня обещала к нам нагрянуть. Хотя, я не собиралась сдаваться. Я поняла, что найду Башню Сказок и Леди Шаллот во что бы то ни стало. Я собиралась построить свое собственное королевство вдали от всех безумств мира. Кого бы мы ни ждали, я была полна решимости выжить.

Капитан Ахав, как обычно не вышел. Кто знал, какова была его история? Это не имело значения. У меня был в руке его кусочек бумаги. Этим утром я перечитала это еще раз. На одной из сторон было черное пятно. Я понятия не имела, что это означает. Я не доверяла Каптиану Ахаву, Долговязому Джону Сильверу, неважно, как его зовут, достаточно, чтобы передать листок Ему. Я бы хотела, сделать это в последнюю очередь. Бушующие волны начали затихать, и корабль замер во временном спокойствии. Слово таинственный туман, над водой внезапно нависла тишина

***

— Он идет, — произнес с большим энтузиазмом парень с трубкой. Он был единственным, кто желал его прихода, похоже, для того, чтобы продать ему душу. Как бы там ни было, остальные из нас понимали, что бы нас не ожидало, он был не один, кто готов продать свою душу.

— Почему шпиль? — спросила я у одного из матросов.

— Не знаю, — он пожал плечами, — Что-то не так.

Я взглядела в толщу воды, вокруг нас не было ни одной рыбы. Я предположила, что он опять подослал своих русалок.

— Ты о нем что-нибудь еще знаешь? — спросила я.

— Только истории, которые слышал еще будучи ребенком, — ответил он. — В них говорится, будто он считает себя Судьбой моря. Говорят, он топит корабли, какие только пожелает и прощает тех, кого избрал сам. Он говорил, кто живет и умирает, кто становится пиратом и проклятым и теряется в море. Все, что я знаю, мне бы хотелось, чтобы он повстречался с нами, как и прочил Капитан Ахав.

— Ну, это вряд ли чем поможет, — произнесла я, вцепившись в мешок. Мы разговаривали о легенде, бугимене..., в чье существование едва ли кто поверит, его до сих пор никто не видел.

Бедняк указал вдаль, на гребни волн. Мы все подбежали, чтобы посмотреть. Поверхность воды сменила цвет. Что-то плыло под нами. Что-то черное или серое загоразивало весь вид снизу.

— Киты! — кто-то закричал.

Я ожидала, что Капитан Ахав вылетит из своей каюты, но он этого не сделал. Присмотревшись, я увидела, что дверь в его комнату хлопает на ветру. Его там не было. Если Капитан Ахав, он же Долговязый Джон Сильвер, сбежал, я подумала, что и остальным стоило бы так сделать.

Кит мирно кружил корабля, не издавая звуков, затем он нырнул глубоко под воду и больше не вернулся. Я ничего не поняла, но когда я хотела обдумать то, что случилось, к нам начал приближаться корабль, появившийся из ниоткуда.

— Это он, — закричал парень, — Веселый Роджер!

Это было название корабля. Пиратский корабль подплывал ближе. Мы стояли на мели, ожидая его прибытия. Этот корабль был выстроен для охоты на китов, а не для борьбы с пиратами. Стоя в толпе, я видела силуэт человека, идущего к нашему кораблю. Это был высокий и устрашающего вида мужчина. Он был выше, чем Ангел и шире. На его силуэте виднелась французская шляпа, опущенная на затылок, и, кажется, повязка на глазу. Его образ менялся из-за отражения волн. И тогда я поняла, что было неправильно в его виде. Мужчина, который приближался к нам, шел по воде. Он шел по воде!

Каждый шаг сопровождался плеском в воде, несколько русалок кувыркались позади него, словно праздновали его прибытие. Он что-то держал в руке, наверное, бутылку. Оно было слишком маленьким для его огромного роста. Рядом с ним шло несколько человек, в половину его роста. Один из бедняков рядом со мной упал в обморок. Матросы схватились за пистолеты. Парень с трубкой опустился на колени, готовый предложить свою душу, если Он ее примет.

Мужчины на пиратском корабле, казалось, пели песню, ту самую песню, которую пели русалки и Ночная Скорбь. Несмотря на то, что был полдень, там, где он ступал, солнце больше не светило. Вместо того, чтобы отступить, как и все остальные, я сделала шаг вперед, протирая глаза, чтобы лучше видеть. Я боялась, как и все остальные, но мое любопытство взяло верх.

Затем, я услышала, как кто-то произнес его имя. Его настоящее имя. Хук. Капитан Хук. Так вот почему все звали его загадочным "Х". Всякий раз, когда кто-нибудь пытался произнести его имя, они боялись назвать его и говорили лишь "Х" вместо этого. Я не знала, кем был Капитан Хук, или какое отношение он имел к Капитану Ахаву, он же Долговязый

Джон Сильвер... не смотря на то, что многие годы спустя Питер Пэн рассказал мне, что его имя было упомянуто в книгах, и что все пираты боялись лишь одного в Семи Морях — Капитана Хука.

Я не знала, зачем ему продавать душу..., в обмен на что? Все, что я знала, это что, что он напугал меня. Он напугал каждого, даже дьявола. Даже Семь Морей боялись его.

И я поняла еще одну вещь.

Он не шел по воде. Это киты поднялись на поверхность, чтобы сделать служить ему опорой. Мужчина, которого все боялись, шел по китам, и, думаю, его взгляд был прикован ко мне.

Глава 34

Мир Сновидений Фейбл

Что-то пошло не так.

Зачем Королева Скорби попросила охотников выйти вперед, поближе к трону? Неужели она узнала, что среди них была Фейбл?

Фейбл немедленно опустила голову, чтобы избежать пронизывающего взгляда Королевы. Она бы все равно не увидела ее лица, перемазанного грязью и скрытого под капюшоном. Сама Фейбл боялась взглянуть в глаза Королеве.

Пока они направлялись к трону Королевы, Фейбл почувствовала, как что-то перекачивается у них под ногами, словно тысячи маленьких шариков катятся по полу. Она заметила, что Джек почувствовал то же самое. За исключение того, что Джек пытался раздавить ногами это самое нечто, да так, чтобы те с треском лопались.

— Что это? — прошептала Фейбл Джеку, на грани паники.

— Прошу, смелее! — настаивала Королева.

— У нас под ногами горох, — сказал Джек. — Почему на полу горох?

— Это уловка, — ответила Мармеладка. — Я просто не знаю, какая именно.

Никто не мог с этим поспорить. Откуда на полу появился горох? Должно быть это трюк, но какого рода трюк?

— Кажется, я знаю, — сказал Джек.

— Что это? — спросила Фейбл.

— Дайте мне минуту, — ответил Джек, раздавив несколько горошин, пока они медленно приближались к трону. — Мне нужно проверить кое-что.

— У нас нет и секунды. — Сейчас Мармеладка уже ничем не напоминала лидера.

— Знаю, знаю, — произнес Джек. — Давите горох.

— Зачем? — спросила Фейбл.

— Просто сделай это. — Джек стиснул зубы, его голос был едва слышен рядом с другими охотниками.

Все поверили Джеку, они сделали как он и велел, давили горох под ногами. Фейбл это даже понравилось. Краем глаза, Фейбл увидела, что Королева в недоумении. Словно она потеряла то, что едва не нашла.

— Где они, Мэри? — сердито спросила она.

— Я..., - замешкалась Мэри. Фейбл никогда бы не подумала, что увидит, как та заикается. — Я уверена, что они — здесь. Нам нужно... — Она снова начала что-то нашептывать Королеве Скорби. Королева выслушала Мэри, затем повернулась к Семерым

Потерянным. Она приказала им замолчать, пока сама не закончит разговор. После она снова начала что-то с ней обсуждать.

Джек, воспользовавшись передышкой, поспешил всем объяснить, что происходит.

— Это старый трюк, — прошептал он. — Охотники — мужчины. Женщины, особенно вашего возраста, ступают легко, словно перышко. То есть, вы бы не раздавили горох. У вас походка более легкая. Если она узнает, что среди нас девушки, она поймет, что это — чужаки. Девчонки.

— Это же..., - Фейбл не знала, что сказать. — Спасибо тебе, Джек.

— Нахожу этот вид суждения несправедливым по отношению к женщинам, — прошипела Мармеладка. — Кто сказал, что девушки ходят легко, словно перышки?

— Мы здесь не за тем, чтобы обсуждать это, — сказала Лэдл. — Давайте выясним уже, что задумала Королева.

Внезапно, Серена ахнула. Негромко. Каким-то образом, ее заметили. Но ЧТО заставил ее ахнуть?

Фейбл повернула голову и чуть не ахнула в точности также как и она. Гардероб, полный самых красивых и дорогих платьев, сверкающей обуви, появился в комнате. Никакой причины на то не было.

— Не расклеивайтесь, девчонки. — Судя по голосу, Джеку все это надоело. Было похоже на: Почему, черт подери, мне приходится таскаться со всеми этими девчонками только затем, чтобы ненадолго побыть охотником? — Еще один трюк. Не вздумайте ахать или смотреть.

Фейбл тотчас же опустила голову, прочь от вида самых прекрасных платьев, которые она когда-либо видела. Она подумала, что большинство Семерых Потерянных, особенно девушки, росли в бедных семьях. По крайней мере, то, что она читала в сказках, в реальном мире лишь намекалось. Все они никогда в своей жизни не видели такой одежды и тканей. И, конечно же, ни у кого из них не было таких туфель. Особенно у Серены, Золушки, чей выбор ограничивался хрустальной туфелькой, чтобы уравновесить походку, и истории о принце, который полюбил ее когда-то в Италии. История, которую Фейбл слышала от Шу лишь краем уха после ее возвращения из последнего Дримори.

Все они, включая Джека и Чудовище, опустили головы. Фейбл не была уверена по поводу Чудовища. Он был в самом дальнем конце, и она боялась, что выдаст их, если посмотрит в его сторону. Джек начал рассказывать им, что происходит. И интуиция не подвела Фейбл. Королева пыталась соблазнить девушек сверкающими платьями и туфлями. Никто из охотников не поднял головы или ахнул, когда увидел такие прекрасные ткани. Фейбл едва не запищала от восторга. Со всеми окружающими ее опасностями, эта часть сна казалась вырванной прямо из страниц сказок. Странно, глупо и так по-девчачьи во многих смыслах. Это ощущение было настолько парадоксальным: страх и счастье — одновременно. Снова, Королева казалась разозленной.

Королева Скорби стояла перед своим хрустальным тронem с двумя послушными черными пантерами у ног. Она разглядывала охотников, пытаясь проникнуть взглядом под их капюшоны. Вздернув подбородок, она закрыла глаза и вздохнула. Фейбл разволновалась, будто Королева в любой момент сможет изрыгнуть пламя, подобно дракону. Это был не просто вздох. Это было необъяснимо, и если бы Королева каким-то образом контролировала погоду в Скорби и она бы, видимо, наслала на них дождь из лягушек или сверчков на них.

Фейбл стиснула руки друзей по обе стороны от себя: Джека и Серены; ожидая, когда

Королева откроет глаза. Не было ни крика, ни истерик. Но на этот раз Королева отошла от трона, приблизившись к ним. У Фейбл сразу же возникло плохое предчувствие. Она не смогла сказать почему. Быть может, она проживала это воспоминание прежде, задним умом она понимала — надвигается что-то ужасное.

Королева попросила Сирению передать ей чашу. Что Сирения и сделала. Королева взялась за нее кончиками пальцев. Она пристально посмотрела на охотников. Взгляд, бросающий вызов. Затем, она набрала что-то в ладонь и бросила это на пол. Немного погодя все поняли, что это было. Все, кроме Фейбл, чьи воспоминания начали возвращаться, со всеми ее страхами из прошлого.

Королева бросила наземь полную пригоршню хлебных крошек. Фейбл ахнула. Громко.
— Да что с тобой такое? — прошептал Джек, сжимая ее руку. — Держи себя в руках. Это всего лишь хлебные крошки.

Фейбл не могла. Она испытывала муки; ее воспоминания проносились у нее перед глазами, словно размытый луч света. Они были связаны с тем, кем она являлась до входа в сон. Они были связаны с тем, что случилось с ней в лесу. Серена стиснула ладонь Фейбл. Казалось, она единственная, кто знала, но Фейбл никак не могла разглядеть выражение ее лица под капюшоном.

— Держись, Фейбл. — голос Серены был более сочувствующим. Словно она понимала боль Фейбл. Боль, от которой Фейбл не могла продохнуть.

— Что со мной происходит? — спросила Фейбл у Серены, не в силах отвести взгляд от хлебных крошек на полу. Словно у нее была некая зависимость к хлебу.

— Помнишь? — Серена стиснула зубы. — Это — Искусство.

— Какое еще искусство? — спросила Фейбл, ощущая слабость в коленях. Она знала, что Королева Скорби наблюдает за ними издали, ожидая подходящего момента, чтобы разоблачить их. Фейбл презирала себя за то, что именно ей придется сделать это, но она не могла устоять перед хлебными крошками. Как твое возможно?

— Темное Искусство, — зашипела Серена, пытаясь стоять по струнке среди охотников. — Ты рассказывала мне, что выучилась ему в...

Королева бросила еще больше хлебных крошек на пол.

— Я обучалась Темным Искусствам? — Фейбл заташнило, она была всего в шаге, чтобы разоблачить всех. Она бросила взгляд на Королеву. Кармила Карнштейн улыбалась, и ждала финального штриха, чтобы обличить их. — Как все это связано с хлебными крошками.

— Ты не можешь сопротивляться королевским зачарованным хлебным крошкам, — сказала Серена. — Разве ты не помнишь? Не помнишь всю ту тьму, которой была одержима последние три месяца?

Но как сильно не хотелось бы Фейбл понять, что к чему, все это было за пределами ее сознания. Она упала на колени и, словно животное, рванула на четвереньках к хлебным крошкам, подбирая их с пола. У нее определенно была зависимость, но она не знала как и почему.

— Не дури, — зашипела на нее Мармеладка. Но было уже слишком поздно.

Зал наполнили крики. Королева, должно быть широко улыбнулась при виде выхода Фейбл. Капюшон упал и показались ее косички, пока она подбирала крошки в подол своего рваного платья с пола замка.

— Любопытно, — произнесла Королева Скорби. В ее голосе слышался восторг. — Я даже не удивлена, что девчонка с косичками одна из мятежников.

— Она — одна из НИХ, — прорычала Кровавая Мэри, пытаясь из зеркала дотянуться до Фейбл, чтобы причинить ей боль.

— Одна из кого? — потребовала Королева.

— Семерых Потерянных, — ответила Мэри. — Она здесь, чтобы похитить Белоснежку...

— Так что ты не сможешь слопать ее сердце. — Джек стянул плащ и вышел вперед, поднимая меч. — Может, уже покончим с прелюдиями и просто начнем убивать друг друга?

Глава 35

Дневник Королевы

Я так и не узнала, кем был Капитан Крюк. Его все боялись, он прошелся по спинам китов, а сейчас он тащился по палубе, с огромной бутылкой эля в руке. Он едва мог идти прямо, шаркая промокшими сапогами по полу, покачиваясь между матросами и бедняками на Пекоде. Капитан Крюк был пьян.

Его огромное тело все еще раскачивалось, словно корабль в шторм. Его кустистая борода развевалась на ветру. Она была увита красными, черными и белыми лентами и заплетена в единую косу, которая словно хвост диковинного животного свисала с подбородка. Он выглядел не так модно, как дьявол. Он выглядел отвратительно. У него был тусклый цвет лица. Присмотревшись, я увидела, что борода скрывала под собой плохую кожу. Она была грубая и неровная, как корка пирога. Тем не менее, он отпугивал всех тех, кто был рядом со мной. Но я не была уверена, что страх, царивший повсюду, исходил от него. В моих мыслях, он был лишь еще одним препятствием на пути к Башне Сказок. Мне нужно было найти способ пережить встречу с ним.

Глаза Крюка были густо накрашены тушью, быть может, для того, чтобы отвлечь внимание от плохой кожи. Глаза были огромными и серыми, оттенок почти бесцветный. На нем красовалась шляпа с колпаком, а на руках множество серебряных украшений. Прочая его одежда кричала лишь об одном — "пират". Кому же захочется продавать свою душу пирату?

Крюк остановился перед открытой дверью каюты Капитана Ахава, и долго всматривался внутрь, чтобы, наконец, понять, что капитан исчез. Крюк глотнул эля, разлив немного на бороду.

— Итак, Долговязый Джон Сильвер снова сбежал. — Усмехнулся на нас Крюк. — Какая жалость. — Он пригладил свои брови сальными пальцами, увешанными кольцами. — Должно быть, отправился на поиски кита.

Крюк покачал головой, почти жалея Капитана Ахава. Он обернулся лицом к мужчинам, которые были одеты так же как и он и пахли...крокодилами? По-крайней мере, мне так показалось.

— Не опускайте глаза, черт вас подери, — прорычал Крюк, раздраженный послушанием, которое так и читалось на их лицах. — Разве вы не видите выражение моего лица? — Никто из них не посмел отвести взгляд. По выражению его лица ничего нельзя было понять. — Вы должны смеяться вместе со мной. — Он сделал еще один глоток, задрал голову к небу и засмеявшись, словно рыкающий лев. Я не смогла решить, то был злобный смех или же мрачный. Моряки, толкнув друг друга локтями, засмеялись, фальшиво подражая ему.

— Не достаточно хорошо! — Крюку не пришлись по нраву их смешки. — Пусть каждый из вас, дурней, возьмет эту бутылку эля. — Указал он. — Приложите к ней хорошенько,

пока не будет полон рот. Ощутите жжение в глотке, а после рассмейтесь вместе со мной этой вон луне.

Моряки и бедняки наблюдали, как Крюк и его люди пьют, а затем снова потешаются над луной. На этот раз они выглядели будто злодеи — любители, отчаянно желающие напугать хоть кого-нибудь. Неужели это и был тот самый "ОН"?

— А вы? — Крюк посмотрел на нас, — Я знаю, что у вас нет с собой достаточно пива, но вы должны смеяться над луной вместе со мной.

Он махнул рукой.

Для экипажа Пекода это была довольно сложная задача. Большинство молили Лунную Девушку о помощи. Смех над нею был равносителен попаданию в ад.

Но моряки вместе с бедняками все же сдались. Мы все стали смеяться над луной. Хук заревел еще громче. Он склонил голову, став еще мрачнее, и всем сразу стало ясно, что не просто пьяный шутник, а самый могущественный человек в море. Все моментально перестали смеяться, все, кроме пыхтящего парня. Должно быть, ему снова нужно было покурить, или он был очень взволнован, чтобы продать Крюку свою душу.

— Что смешного? — зарычал Крюк, и побрел к нему. Моряки расступились. Парень взволновался и застыл на месте. Крюк остановился прямо перед ним, сказав: — Знаешь ли ты, кто я?

Парень безмолвно кивнул.

— Нет, ты не знаешь, — Крюк прищурился, — Ты думаешь, будто я здоровяк, что плавает по морям, и которому ты можешь продать свою душу?

Парень кивнул.

— Дурак, — Крюк глотнул со своей бутылки. Он повернулся к нам лицом. Затем он разбил бутылку о голову мужчины, в результате чего тот умер. Крюк подтянул рукава, демонстрируя крюк вместо руки. Все охнули. Он прошелся мимо матросов и бедняков, указав на одного из них, сказав "Ты!". Мужчина послушно подошел, возможно, в надежде продать свою душу.

— Ты умрешь, — Крюк засмеялся, затем он воткнул свой крюк в живот мужчины. Он обернулся, вытягивая назад свой кровавый крюк и подзывая следующего мужчину.

— Ты! — неохотно подошел другой мужчина, — Ты будешь жить.

Крюк снова засмеялся, как избалованное дитя.

Он продолжил ходить по кораблю, выбирая кого убить, а кого оставить в живых, убивая чуть ли не половину тех, кто находился на корабле. Я еще никогда не видела столько крови и убийств. Меня едва не стошнило, но я сдержалась, прижимая к себе свой бесценный мешок. Что задумал на счет меня Крюк: убить или оставить в живых?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Крюк остановился передо мной, загоразивая лунный свет и закрывая меня своей тьмой. Я подняла голову и уставилась на него. Он в ответ долго смотрел на меня в ответ. Снова, будто он уже знал меня.

— Собираешься в Башню Сказок? — рассмеялся он.

Уже не в силах более сдерживаться, я спросила, откуда он знает. Казалось, это был даже не вопрос. Он смотрел на мой мешок и, казалось, знает, что сокрыто внутри него.

— Ты влюблена? — произнес он, его серые глаза слегка мерцали.

Я кивнула.

— Искренне любишь? — спросил он.

Я снова кивнула, почти желая рассказать чуть ли не целому миру, как сильно я люблю. Гордясь этим, я уцепилась за надежду.

— Нет, — ровным тоном сказал он, — Знаешь, как я узнал?

Я ничего не сказала, лишь продолжала глазеть на него. Кто он, на самом деле?

— Потому что твой любимый здесь не ради тебя, — сказал Крюк, он выглядел от этого действительно счастливым.

Его слова прошили меня насквозь. Независимо от того, кем был на самом деле Крюк, какой смысл имело все безумие вокруг меня, он был прав. Ангел ослабел и убежал, оставив меня наедине с... Подождите! Я, наконец, поняла, кем был Крюк. Почему все боялись его.

Он кивнул с улыбкой.

— Да, это я, — гордо произнес он, — Вот почему я решаю, кого убить на корабле, а кого оставить в живых. На самом деле, я выбираю какой корабль утопить, а какой пропустить через Семь Морей. Семь Морей принадлежит мне.

— Ты Судьба? — я вздохнула. Это был риторический вопрос. — Тогда почему...

— Люди продают мне свои души? — он почесал свою грудь, глядя более трезво, чем до этого.

Я кивнула.

— Ты должна понимать, что Судьба не купит ни одной души, которая приходит сама, — Ссылаясь на себя в третьем лице, предупредил он меня. Крюк, или же Судьба, был словно демонический ребенок, который готов сжечь все вокруг ради своих детских радостей и побуждений. Поэтому я поначалу не могла ощутить его зло. Это объясняло, почему Капитан Ахав сбежал (я до сих пор недоумевала куда именно). Он не смог дать ему отпор. Да и как можно дать отпор исчадию ада, которое убивает потехи ради?

— Я покупаю лишь те души, что приходятся мне по вкусу. — Он облизывает губы. — Навевают воспоминания. — Он вскидывает брови, достает пистолет и стреляет в парня с трубкой, отправляя его за борт — на корм русалкам. — Видишь ли, я люблю страдания, — он начинает проповедовать, повышая голос и снова расхаживая среди экипажа. — Я обожаю боль, — радостно взревел он, и театрально, словно король в Шекспировской пьесе добавил, — мне сладостна скорбь!

Слово "скорбь" эхом прокатилось по морю. Оно значило слишком много...страсть Крюка, фамилия Ангела.

— Вот поэтому обычные души меня не привлекают, — драматично произнес Судьба. Его детский смех испарился. Появились нужда и желание завладеть душами, полными страданий. — Тебе известно из чего сделана скорбь? — Он снова повернулся ко мне лицом, его кожа порозовела из любви к боли.

Я ничего не ответила, крепче прижимая к себе свой мешок и подумывая над тем, не спрыгнуть ли мне с корабля. Но где мне в море скрыться от Судьбы, если, по его словам, он им повелевает? Где тот прилив, что защитит меня? Рыба, что выведет меня? Хорошая русалка, что поможет мне? Как бы мне сейчас хотелось, чтобы Лунная Девушка оказалась настоящей, когда поняла, мы плыли не просто по Семи Морям... то были Семь Морей Скорби.

— В твоих силах создать очень много скорби, — он с энтузиазмом взмахнул длинными руками, — из одной только вещи. — Он подошел ближе, снова закрывая весь свет и повергая меня в свою судьбоносную тень страданий. — Из радости. — Он улыбнулся, словно дитя. — Чем больше радости, тем лучше скорбь. — Он потянулся к моей руке. Я отпрянула. — А в тебе, юная леди, столько радости, столько надежды и мужества. — Затем, он, наконец,

произнес то, что было у него на уме: — Я хочу этого. Лишь ты одна способна разжечь мою страсть.

Его улыбка меня не одурачила. Я была удивлена, что его жажда скорби так расположила его ко мне, что он едва не упал на колени и не начал умолять меня... Подождите! О чем меня просит Судьба?

— Вы хотите, чтобы я продала Вам свою душу? — произнесла я, находясь в эйфории от его слабости и моей временной власти. Как только мне удалось обрести такую силу? Чем конкретно?

На этот раз Судьба кивнул, ничего не говоря и преклоняя одно колено, будто делая мне предложение.

— С какой стати мне делать нечто подобное? — я издала слабый смешок, глядя на него: не смотря на то, что он стоял на коленях, он все равно был выше меня.

— Ты ведь хочешь найти Башню Сказок. Ни один человек, которого мне только довелось повстречать в Семи Морях не осмелился на подобное путешествие. Никто из них не отважился бросить выбор миру, своей семье или же любви, — объяснил он, и я предположила, что Судьбе было все обо мне известно. — Никто не верил в силу Истиной Любви также сильно, как и ты. Никто не посмел оставить богатство и роскошь, будучи "девушкой, которая подарила яблоки миру", и ради любви оставить корабль в море. — Колеблясь, он добавил. — Такой мешок нельзя никому доверять, — он указал на мой и я крепче его стиснула. — если у человека нет на то столько сил, как у тебя, юная леди. В тебе столько радости. — Он закрыл глаза, предаваясь фантазиям, как он наполнит мою жизнь скорбью, если только я соглашусь продать ему свою душу.

Я вздохнула и бросила взгляд на луну, желая, чтобы сказка оказалась явью, и лунная девушка придала мне сил, чтобы защитить себя от Судьбы в Семи Морях. Но я знала, что все напрасно. Я начала узнавать, что мир за пределами уютного замка гораздо темнее, чем я могла себе представить, и за все приходится платить. На этот раз, Судьба хотел, чтобы я выторговала свое счастье на скорбь. Такова была цена к Башне Сказок.

— Думаешь, Капитан Ахав, то есть Долговязый Джон Сильвер, сам не ищет Башню Сказок? — спросил Крюк. — Почему, по — твоему, он так одержим китами?

Узнаю я, наконец, или нет?

— В одном из китов спрятан ключ к Башне Сказок, — объяснил Судьба. — И он никогда не найдет его. Ты тоже его никогда не найдешь.

— Почему ты так говоришь? — спросила я.

— Ты будешь близка к этому. — Он показал пальцами крошечное расстояние. — Близка вот на столько, но все равно не найдешь его.

— Почему ты так говоришь? — я повторила.

— Чего бы тебе ни наплели о Башне Сказок, никто не сказал тебе о цене, что тебе придется заплатить, — ответил он. — Единственный способ отыскать ее в этом бесконечном море, — он пошире раскинул ладони, — через меня. — Он широко улыбнулся, демонстрируя передний серебряный зуб. Неужто этот человек с серебряным зубом и прежде играл со мной и Капитаном Ахавом в игры? Спрашивать я не стала.

— Так значит моя душа — это цена за Башню Сказок? — Мне хотелось все прояснить. Сердце билось где-то в районе горла. И что же ты будешь делать, Кармила? — Он кивнул, счастливее чем когда-либо, раскинув руки в стороны. Согласно всем тем сказкам, что мне были известны, сейчас я будто оказалась в сказке Красавица и Чудовище. Вот только кто же

Хук: Судьба или Чудовище?

— Что означает продать тебе душу? — я должна была знать подробности.

— Это просто ритуал, — Крюк пожал плечами, стараясь, чтобы это прозвучало непринужденно. Когда я не поняла этого, его лицо посерело и он сказал мне правду.

— После того как мы выполним ритуал, я оставлю тебя. Можешь скитаться по свету; жить, как и жила; делать, что захочешь. Но как бы сильно ты не старалась, в твоей жизни всегда будет скорбь, боль и страдания. На твою долю выпадут ужасные испытания. Ты будешь вынуждена бороться в самых неожиданных случаях. — Он потер подбородок, раздумывая над чем-то. — Некоторые люди зовут это жизнью, — добавил он. — Ну, мне удалось украсть пару душ выгоды ради. Но мне не нужны бедные и слабые душонки, потому что им легко навязать страдания. — Он снова гордился собой. — У меня пунктик, — вздохнул он, — на счет людей вроде тебя. Я доставлю тебя, куда пожелаешь, с тем с кем пожелаешь, и выберешь жизнь, которая тебе суждена. Взамен, я буду наблюдать за твоими страданиями, день за днем, разжигая мою страсть.

Теперь слова дьявола обрели смысл. Худшее, что могло случиться с кем — либо в этом мире — это продать душу Судьбе. Он отнимет всю радость и надежду у жизни. Больше ни один из моих поступков не повлияет на меня. Если я продам ему душу, для меня больше не останется надежды, но другого способа найти Башню Сказок просто не существует. Слова согласия готовы были вырваться с губ, когда мое лицо залилось слезами.

Глава 36

Мир Сновидений Фейбл

Джек ударил ножом первого же попавшегося охотника, и остальным ничего не осталось, кроме как вступить в бой. Фейбл разоблачила всех.

Серена вышла вперед и разбросала все хлебные крошки, чтобы Фейбл смогла освободиться от их заклятия. Она встряхнула ее и выбросила все те крошки, которые Фейбл успела насобирать в подол.

— Выслушай меня, — закричала Серена. — Время сражаться. Ты сможешь. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Позже я объясню тебе, через что тебе пришлось пройти с Семерыми Потерянными.

Семеро Потерянных готовились к схватке с нескончаемой толпой охотников в королевских покоях. Самоубийство, не иначе. Фейбл медленно успокоилась, пока остальные уже начали сражаться. Серена защитила ее, пока она приходила в себя. Фейбл заплакала. Даже членство в Семерых Потерянных не уберегло ее от бед. Должно быть, она неудачница, как и ее мать. Она наблюдала за тем, как все в комнате дерутся, особенно Джек Мэдли.

— Кстати, меня зовут Джек Мэдли, — закричал Джек Королеве, вступая в бой с еще одним охотником. — Обо мне когда-нибудь напишут книгу, — заявил он, повернувшись к охотнику лицом. — А вот о тебе вряд ли. Потому что ты умрешь. — Джек ударил его ножом прямо в сердце.

Королева приказала, чтобы ее дочь убрали с глаз долой от всех прочих. Ей было наплевать кто при этом погибнет, а кто останется в живых. Сердце ее дочери было для нее всем... в зловещем смысле, конечно же.

Лэдл начала крошить самых обученных охотников в мире. Убийства были для Смерти нормой. После каждого удара, она оглядывалась и просила прощения у Древа Жизни. Фейбл пришла на ум идея, что Лэдл можно было бы просто одеть свой красный плащ и распугать

всех.

Мармеладка оказалась такой же сильной, как и Лэдл... правда, она не могла так ловко обходиться с мечом, однако ей удавалось отлично уворачиваться и защищать друзей от всяческого вреда. Казалось, ее сильная сторона — защищать остальных и Фейбл удивилась, почему.

Зверь тоже убивал по мере необходимости. Он снял капюшон, и Фейбл увидела, насколько уродливым он был. Он был настолько изувечен, что она не смогла долго на него смотреть, даже не смотря на всю свою заботу о нем. Лицо Чудовища уже наполовину убивало, когда кто-либо осмеливался взглянуть на него. Остальное он доделывал голыми руками.

С другой стороны, Серена не была настолько опытной в сражениях, но она была словно обезьяна: прыгала направо и налево. Она убегала и уворачивалась, стараясь не поранить никого всерьез. Она сражалась не мечом, а своей стеклодувной трубкой. То там, то тут, она выдыхала из нее огонь. Она делала это не так уж часто, ведь ей нужен был при этом постоянный источник огня. А еще, каждый вдох стоил ей дня жизни..., ну, ее нынешней жизни.

Что касается Фейбл, она оказалась самой слабой из них, даже после возвращения памяти и без хлебных крошек, которые Серене пришлось выбросить. Но Фейбл был лишь на руку ее занудный внешний вид. Большинство охотников мешкали убивать ее. Она выглядела безобидной, словно муха, на которую и сил-то жалко убивать. Фейбл пользовалась преимуществом и наносила удар первой, шокируя противников. Но ее удары едва ли имели значение. Она лишь отчасти ранила охотника и никого не убила. Зато этим самым она выкроила себе немного времени на побег.

Битва продолжалась довольно долго. Зато без ранений. Но какая разница? Как сказал Джек, Семерым Потерянным было нечего терять.

Лэдл на удивление так сильно удалось ранить Локи, что его унесли несколько охотников. Широкая улыбка на ее лице распугала половину тех, кого она еще не поубивала. Она оказалась безумной девчонкой, которая предавалась убийствам без малейших угрызений совести. С чудной улыбкой на лице. Она размахивала косой, будто ложкой.

Мармеладка и Джек сражались спиной к спине, преследуя тех, кто уносил Шу.

— Я люблю тебя, Джек! — воскликнула Мармеладка, спиной к нему.

— Я тоже тебя люблю! — казалось, Джек никогда раньше не признавался ей в любви. — Как на счет того, чтобы кто-нибудь раздобыл лошадей? — сказал он, воспользовавшись моментом, он указал на нескольких крестьянок, которые убегали из замка.

— Я займусь этим, — вызвалась Фейбл. В конце концов, ее главным талантом было убегать. Серена и Лэдл последовали за ней. Снаружи трое из них собрали лошадей, и оседлав их направились обратно к замку. Оказалось, Лэдл сильно ранили.

— Тебе не следует возвращаться, — сказала Фейбл. — Серена и я проберемся внутрь. Чудовище уже вытащил гроб Шу.

— Я с вами, — упрямо возразила Лэдл.

— У тебя же кровь идет, — предупредила ее Серена.

— И что с того? — на лице Лэдл засияла милая и по-своему детская улыбка. — Я же Смерть. Я не умру. — Она замолчала и подумала. — Наверное. — Она почесала затылок.

— Смысл до нее дошел. — Фейбл улыбнулась Серене и они поскакали обратно. Фейбл

открылось, что она великолепная наездница. По-крайней мере, хоть в чем-то она оказалась хороша.

Джек и Мармеладка все еще сражались спина к спине. Чудовище затащил гроб на свою лошадь. Повсюду была кровь. Было трудно сказать, кто кого ранил. В отсутствии Локи охотники казались слабее обычного.

Они выехали из замка с Шу в хрустальном гробу, который закрепили на двух лошадях, а третьей управляло Чудовище. Но все это лишь оказалось началом безумия. Фейбл знала, что не следовало ей уезжать, тогда как ей нужно было раздобыть Руно Локи. Но она не смогла. Семеро Потерянных стали ее семьей, той самой, которой у нее никогда не было. Возможности все обдумать как следует не представилось, поскольку она совсем недавно повстречалась с ними. Но у нее возникло чувство, что один должен быть за всех, а все за одного. Чувство двухвековой давности.

Шестеро всадников устремились в лес, желая спрятаться за тенистыми деревьями. Ночь пока не наступила, но ветви можжевельных деревьев закрывали собой свет.

— Куда? — Фейбл погладила свою лошадь.

— В лесной домик, конечно же.

— Но Локи известно о нем, — пожаловалась Фейбл, вспоминая о последнем Дримори Шу.

— Локи ранен, — возразила Мармеладка.

— Благодаря мне! — Лэдл взмахнула косой в воздухе.

Фейбл по-прежнему не нравилась эта идея. Она подозревала, что, не смотря на свою рану, Локи все равно последует за ними.

— Что по поводу остальных охотников? — спросила она.

— Они гораздо слабее в отсутствие Локи, — заявила Серена. — Быть может, они черпают в нем свои силы. Я знаю, они последуют за нами, но с ними мы справимся.

Шу начала стонать за спиной Чудовища. Она просыпалась. Все продолжили скакать в неопределенном направлении.

Углубившись в лес, они слышали за спиной охотничьих лошадей. Тяжелые копыта сотрясали землю. Они в панике посмотрели друг на друга. Фейбл слышала, как Серена говорит о том, будто в лесу всегда темнее, чем в замке. Лес всегда играл с ними в игры, оказывая тем самым услугу Королеве Скорби. Они поспешили к лесному домику, как и планировалось. После они слышали самый страшный на свете звук. То был голос, который Фейбл прежде не доводилось слышать, даже не жуткий звук, который она только могла себе вообразить. Он раскатисто прокатился среди деревьев, обращая животных и птиц в бегство, а тусклый свет меж деревьями померк от надвигающейся зловецей тьмы.

— Принцесса Скорби! — прогремел издали Локи. Его голос был наполнен болью и гневом. — Я иду за тобой и твоими друзьями!

Глава 37

Дневник Королевы

Хотя мне была дана лишь доля секунды, ни единого слова не сорвалось с моих уст. Капитан Крюк не возражал. Он ожидал, когда я продам ему свою душу на семь дней и семь ночей. Ведь душа моя была столь хороша. Но затем, когда я уставилась на него, мои мысли восстали, словно я была под заклинанием судьбы, поддаваясь его давлению, но потом я поняла, что я сама была своей судьбой.

Зачем я это делаю? Для чего? Кто сказал, что я не смогу найти Башню сказок самостоятельно? Это было маловероятно, но я не собиралась сдаваться без боя.

Лицо Крюка начало тускнеть, и его плохая кожа начала пахнуть гнилой рыбой и пивом. Он мог прочитать в моих глазах, что я передумала. Его ярость, была ничто по сравнению с морем; такого я себе и представить не могла. Дождь полил как из ведра, рыбы стало столько же, как и воды, будто в небе открылись невидимые врата. Корабль покачнулся и сильно задрожал. Его глаза были серые, словно море, которое начало бушевать вокруг нас. Море стало ужасающим и киты с русалками исчезли в мгновение ока.

В конце концов, Крюк был ребенком, с силами Судьбы. Сейчас даже огромный кит не осмелился встать на пути Судьбы. Моряки начали гибнуть один за другим, теряя сознание от невидимого ветра, который кружил вокруг корабля и душил всех, кто оказывался в пределах досягаемости, словно жалких мух.

Крюк поспешил ко мне, его большие руки пытались схватить меня за шею. Он решил, если уж не получит мою душу, то убьет меня. Что-то необъяснимым образом намертво приковало меня к месту. Я могла убежать, попытаться удачу и уплыть. Но внутренний голос подсказывал мне остаться. Я лучше погибну от рук Судьбы, чем променяю свою радость на страдания.

Крюк приблизился. Его руки уже было коснулись моей шеи, когда, наконец, появился Ангел. Против Судьбы восстала вся Ангельская ярость: с клыками и покрасневшими глазами. Победа по-прежнему оставалась за Судьбой. Но Ангел и я вместе были куда сильнее, чем по — одиночке.

Не было времени на обвинения или поцелуи. Я крепче прижала к себе мешок, когда он ухватил меня за руку и оттащил от Судьбы. Мы упали на палубу, теперь уже нашего нынешнего корабля и нам удалось ускользнуть из лап Судьбы.

— Ангел! — я коснулась его лица, наши руки и ноги сплелись, наполовину промокшие от воды.

Ангел уставился на меня на короткое время, хотя мне казалось, что намного дольше, и я поняла, что он хочет услышать от меня, что я верю в него, и как только я хотела сделать это, он прервал меня.

— Я верю в тебя, Кармила, — сказал Ангел, — теперь твоя очередь.

Я кивнула, и он импульсивно потащил меня в море. Я не могла поверить, что мы спрыгнули с Пекода, но в любом случае казалось, что он тонет, и, если вы знаете нынешнюю историю Капитана Ахава и спросите о его съеденной китом ногой, то это произошло через несколько лет после этого.

Гнев Судьбы достиг кульминации. Молния пронзила все небо и все море. Ни один попутный корабль не выжил в тот день. Но меня это не заботило. Я была в руках Ангела, и я доверяла ему. Он был любовью всей моей жизни, чистилища, и того, что после, как он говорил. И, несмотря на то, что Судьба размахивала руками в воздухе, насылая на нас волну за волной, я больше не боялась..

Подождите. Что-то было не так...

Я не могла дышать. Просто не могла. Это произошло спонтанно. Мое тело задрожало. Я крепче стиснула мешок. Я почувствовала что... умираю. Хуже. Я чувствовала, что умираю тысячу раз. Несмотря на то, что вокруг меня была вода, мои губы пересохли.

Мое сердце перестало биться. Серьезно. Перестало. Моя кожа, казалась тонкой и растаявшей. Я чувствовала, что превращаюсь в песок или пыль, раскололась на миллионы

кусочков, пока моя душа не растворилась. Даже в руках Ангела, радости моей жизни, я находилась в бесконечной печали. Неужели он не знал, что я боюсь воды больше смерти?

Глава 38

Мир Сновидений Фейбл

Голос Локи заполнил лес, словно жуткий призрак, который следит за каждым шагом. Фейбл померещилось, что несколько деревьев даже уступили им дорогу, боясь мести Охотников. Животные бросились в разные стороны.

Никто из Семерых Потерянных не мог вымолвить ни слова. Голос Локи гнал их все дальше в лес. Словно тени с Потерянной Мили обратили его в куда большее зло, чем сама Королева. Или же лес придавал ему столько сил? Фейбл вспомнила, что бывала уже в этом лесу и раньше, в самом начале сна, так ведь? Какое зло обитало здесь, что она боялась даже маленьких хлебных крошек? Как вообще можно бояться хлебных крошек?

***

Несколько минут спустя, Фейбл по-прежнему скакала наряду с остальными, Чудовище по-прежнему заботилось о гробе Шу.

— Идея с лесным домиком не сработает, — воскликнул Джек, во время скачки. Он придерживал свою шляпу одной рукой. — Никогда еще не видел Локи таким рассерженным. Не уверен, что мы сможем выстоять против охотников. Его присутствие усилит их силы.

— Спасибо Лэдл. — Мармеладка поджала губы. — Она не ранила его. Теперь он еще злее.

— И как тогда нам удалось сбежать из замка? — спросила Фейбл. Лэдл лишь скормила лошади еще одно печенье с предсказанием.

— Прекрати. — Джек казался раздраженным. — Давайте спрячемся на моем дереве. — Он не спрашивал. Он изменил направление и поскакал. Остальные поспешили следом.

Фейбл подумала, что дерево было разумной идеей. Фактически, им следовало подумать об этом куда раньше. Там бы Локи до них точно не добрался. Теперь, куда бы они ни ехали, жуткий голос Локи преследовал их всюду. На том самом месте, где Джек встретил Фейбл, он спешил с коня и начал разбрасывать бобы. В тот же самый миг из них выросло огромное дерево, на лозе которого повис Джек.

— Нам придется оставить лошадей, — сказал он. — Я не знаю, как нам поднять их.

— Тогда нам придется отпустить их в лес, — сказала Мармеладка. — Чтобы Локи не догадался о нашем местоположении. Нельзя рисковать. Я займусь этим.

Иногда, когда Мармеладка брала роль лидера на себя, все было просто прекрасно, подумала Фейбл. Чудовище забросило гроб Шу себе за спину, словно рюкзак. Но как только Фейбл начала карабкаться по ветвям, сверху раздался крик Джека:

— Вниз! — он стремительно спускался по лозе, придерживая одной рукой шляпу. Он был похож на Тарзана. — Сейчас мы не сможем подняться. Там великан!

Даже Чудище забеспокоилось и, спустившись вниз, снова водрузило Шу на лошадь.

— Великан? — переспросила Фейбл.

— Великан Джека? — прищурилась на нее Мармеладка. Она начала замечать, что Фейбл слишком часто задает вопросы.

— Ну, конечно же. — пожала плечами Фейбл. Она предположила, что в сказке про Джека и Бобовый Стебель был великан, так что это имело смысл. Она задумалась, где же он

был раньше. — Куда теперь?

— Возвращаемся обратно к плану с лесным домиком, — сказала Мармеладка. — Мы действительно теряем время.

— Я знаю местечко получше лесного домика, — сказала Серена. Фейбл обернулась и посмотрела на нее, она была просто ошеломлена ее взглядом. Снова, Фейбл будто бы должна была знать о том месте, что упоминала Серена. Фейбл покачала головой, пока большинство садилось на лошадей, слушая Серену.

— Где же? — спросил Джек.

— Доверьтесь мне, — сказала Серена. — Это лучшее укрытие. Гораздо лучше лесного домика. Тем более, Локи о нем теперь прекрасно известно.

— Тогда, быть может, ты снова сразишься с ним при помощи своего Искусства, — предложила Мармеладка. — Как в тот раз, что ты нам рассказывала.

— Да, — прохрипела Лэдл. — Выдуй какого-нибудь дракона, Серена!

Фейбл должна была признать, что Смерть все же ничего не боится. Все происходящее было для нее своего рода весельем.

— Не могу. — Серена бросила свой взгляд во мрак, когда раздался голос Локи. — Времени на объяснения нет. Кроме того, мои создания из стеклодувной трубки долго не живут.

— Тогда куда? — спокойно спросило Чудовище. Казалось, Локи его мало беспокоит. Его волновала лишь Шу. Фейбл уже начала подумывать о том, что спасение Шу было чем-то большим, нежели просто спасение Принцессы из беды. У Семерых Потерянных была на то своя причина.

— В пещеру! — сказала Серена, и пришпорила лошадь.

Фейбл заметила, как Зверь поспешил следом, слегка испугавшись великана сверху. С ним была Шу, так что всем пришлось присоединиться.

— Мы не сможем спрятать коней в пещере, — сказала Мармеладка. — Я буду распускать их в разных направлениях, чтобы сбить охотников со следа. Так мы сможем выиграть немного времени.

— Прятаться в пещере — самоубийство, — пробормотал Джек. — В ней один вход и выход. Стоит нам только войти внутрь и в случае если нас найдут, нас просто перебьют по одному.

Голос Локи стал тише. Быть может, он все же направился к лесному домику, чтобы было весьма кстати. Серена сказала, что он в другой стороне.

Перепираясь, они, наконец, добрались до пещеры. Это была обычная пещера под большим можжевельным кустом. Дерево было старым, быть может, тысячелетним. На вид оно было неживое и похожее на камень, располагалось внизу холма, так что убежище было просто превосходное. Вход, укрытый еловой веткой, мог пропустить лишь одного человека. Фейбл это не понравилось. Она удивилась, почему Серена думала, что она тоже знала об этой пещере. Неужто Фейбл бывала здесь прежде?

Как только они спешили с коней, она слышала приближающиеся шаги.

— Кто это? — спросила Фейбл.

— Думаешь, охотники решили выслеживать нас пешком? — Джек взмахнул мечом.

Шаги не остановились. А затем, сквозь густые ветви деревьев просочилось золотое сияние. Джек опустил меч и улыбнулся. Все последовали его примеру. Фейбл пригляделась, но не увидела ничего кроме сияния. Кто-то приближался к ним. Это существо сияло, свет

был повсюду. Она не смогла увидеть, кто это был.

— С возвращением, — промолвил Джек. — Звезда.

***

— Надеюсь, вы еще не сбросили меня со счетов? — раздался голос Звезды. По голосу трудно было сказать, парень это был или девушка. Голос Звезды был неземным. Фейбл задалась вопросом, неужели он/она всегда был таким.

— Ты здесь! — обрадовались все. Фейбл тоже обрадовалась. Ей не хотелось, чтобы они узнали, что она для них чужая.

Лэдл бросилась в объятия Звезды, аура света задрожала. За ней поспешила и Мармеладка, и они обе засияли вместе со Звездой. На приветствия больше не было времени. Поэтому они начали один за одним заходить в пещеру. Фейбл вошла одной из первых. Она была самой маленькой. У нее возникло ощущение, что она бывала здесь прежде. С Сереной? Одна?

Труднее всего было протиснуться Чудовищу. Джеку пришлось самому заносить гроб Шу внутрь, не смотря на то, что он никогда не был ее фанатом. Он до сих пор считал, что Шу была такой же как и ее мать и в конце концов она перекусает их всех, что неудивительно для вампиров. Мармеладка отправила лошадей восвояси в совершенно разных направлениях, чтобы запутать охотников, когда те появятся. Она вошла последней.

***

В пещере было темно. Благодаря свечению Звезды, у них был слабый источник света. Казалось, здесь свечение было уже не столь ярким, но лик Звезды по-прежнему был неясным.

— Где я? — простионала Шу, просыпаясь.

— Ты в безопасности. — Крепко обняла ее Серена. Присутствие лучшей подруги успокоило Шу.

— Может, нам снова усыпить ее, чтобы она нас не перекусала? — заскулил Джек. Лэдл шикнула на него.

Спустя долгое время всем, наконец, стало ясно, что охотники упустили их след. Тем не менее, им до сих пор были слышны крики Локи, который проклинал Шу.

— Что если они сейчас найдут нас? — спросил Джек. — Они могут просто разжечь огонь и сжечь нас. — Он с самого начала выражал свои опасения.

— Я смогу отразить огонь заклинанием "Мотца", — ответила Серена. — Но ненадолго.

Идея была не очень хорошей. Охотники славились своими поджогами. Они выжигали целые деревни в Скорби. Серена повернулась к Фейбл. Фейбл не поняла намека. Чем она здесь может помочь?

— Фейбл знает, как помочь, — сказала Серена, пронизывая ее взглядом.

— Как это так? — спросил Джек. Его слова лишь подтвердили, что все считают ее маленькой и слабой, а ведь по большей части это и было правдой. Она боялась зачарованных хлебных крошек Королевы.

От одной только мысли об этом, Фейбл захотелось коснуться хлебных крошек, что она принесла с собой из Реального Мира. Этих она точно не боялась. Что происходит?

— Можно мне ненадолго поговорить с Фейбл снаружи? — спросила Серена у остальных. — Это важно.

— Если это поможет нашей ситуации, — ответила Мармеладка, снова изображая из себя лидера.

— Поможет, — заверила Серена. — Обещаю.

***

— Что такое, Серена? — поежилась Фейбл. Она вспомнила предупреждение Элис Гримм о том, чтобы она не смела раскрывать себя, и забеспокоилась, что Серена спросит о чем-то таком, чего она не знает.

— Я знаю, что ты через многое прошла, и я не должна просить тебя об этом, — начала Серена. — Но это лучшее, что ты можешь сделать для Семерых Потерянных. Это трудно, но может спасти всех нас.

Фейбл пожала плечами. Разговор зашел в тупик. Она позволила Серене продолжить.

— Твое Темное Искусство может помочь нам. — Серена обеими руками схватила ладонь Фейбл.

— Мое Темное Искусство?

— Я знаю, что ты можешь запечатать пещеру с помощью темной магии, — сказала Серена. — Ты рассказывала мне, что уже делала это прежде.

— Я рассказывала тебе?

— Когда ты..., - Серена замолчала, словно не хотела ранить чувства Фейбл. — Послушай, нет нужды сейчас обсуждать все это. Просто сделай это. Запечатай пещеру. Я знаю, это трудно, но посмотри на это с другой стороны: никто больше не будет считать тебя самой маленькой и слабой. Я знаю, что ты не такая. Ты сильная. Гораздо сильнее, чем все считают.

— Запечатать пещеру? — Фейбл посмотрела на вход. Как бы ей хотелось прочитать о чем-то таком в книгах, что ей встречались в Реальном Мире. Неужели Серена намекала на то, что за последние три месяца она стала ведьмой? Какой ведьмой, и какие силы у нее были?

— Ты рассказывала, что нужно лишь раскинуть руки в стороны и сосредоточиться, — сказала Серена. — Я даже помню заклинание, но у меня это не работает. Я не ведьма.

— Заклинание. — кивнула Фейбл. — Правда? — она сделала вид, что ей любопытно. — Ты хороший слушатель, Серена. — Она выдавила улыбку. — Но вряд ли ты все запомнила дословно. Это ведь трудное заклинание.

Фейбл на самом деле надеялась, что это сработает.

— Не такое уж и трудное, — рассмеялась Серена. — Элле тортула. Белле фортула. Сеале кавура. Вебе спидура. — Фейбл была рада, что запомнила так много заклинаний в Реальном Мире, в противном случае, ей бы пришлось просить Серену повторить его. — Легче легкого. — Она всплеснула руками, словно это была пара пустяков.

— Давай вернемся и запечатаем пещеру изнутри. Ты ведь об этом говорила, верно? — Фейбл надеялась, что заклинание сдержит охотников, но что же делать им, когда все захотят выйти наружу? Она спросила об этом Серену, которая заверила Фейбл, что нужно произнести то же самое заклинание.

Внутри все ждали Фейбл. Она одарила всех улыбкой. Слабой. Улыбкой лгуньи, от которой зависит не одна жизнь. Она надеялась, что Серена окажется права.

— Все будет хорошо, — притворившись, сказала Фейбл. — Я помогу вам.

Фейбл повернулась ко входу в пещеру и раскинула руки в стороны. Она сделала

глубокий вдох и, закрыв глаза, начала повторять:

— *Элле тортула. Белле фортула. Сеале кавура. Вебе стидура.*

Глава 39

Дневник Королевы

Когда я очнулась, лучшим было само осознание того, что я не умерла. Худшим же было то, что порой жизнь бывает хуже смерти.

Я лежала на нескольких бревнах, перевязанных веревкой. Я ощущала каждое бревно и растущую боль в спине. Какое-то время я не могла даже пошевелиться, и Ангела поблизости не было. По крайней мере, не в моем поле зрения. Я не слышала его голос, у меня не было сил, чтобы позвать его. Я сдалась, глядя на небо над головой. Оно казалось слишком темным. Ни луны. Ни звезд. Ничего. Чистый черный лист — нет, на самом деле не черный, а может серый, или светло-коричневый, он казался размытым. Может, мои глаза обманывали меня. Я попыталась открыть их так широко, как только смогла. Нет, не думаю, что со зрением что-то не так. На самом деле, в этот момент оно было самой сильной стороной моего тела.

Что не так с этим небом?

Время от времени, казалось, что на небе были полосы. Кривые линии, словно небо изогнулось надо мной. Линии были нечеткими, хаотичными, но за одной я все же проследовала взглядом, вытягивая шею так, что при этом издала болезненный крик.

Приподнявшись, я увидела свои бледные ноги. Неужели Ангел утащил меня под воду, чтобы сбежать от Судьбы? Неужели он дышать под водой? А я?

Но даже не это сейчас было главным, а то, что свод неба изгибался, погружаясь в черноту моря, прямо за моими ногами. Затем она исчезает в стоячих водах. Разве в морях бывали такие спокойные оазисы? Неужели гнев Судьбы на этом и закончится?

Испытывая боль, я оперлась о бревна, чтобы подняться. Было больно, но мне нужно было увидеть, где я. Вокруг меня было темно. На самом деле, я никогда не видела море темным. По крайней мере, это место выглядело безопасным.

— Ангел? — эхом раздался мой голос. Необъяснимо. Должно быть, так он и должен звучать, когда море спокойно.

Но Ангел не ответил.

Плот подо мной был достаточно большим, чтобы разместить шесть или восемь человек. Немного тесноватый и плоский. Похоже, он был построен недавно, так как веревки были очень жесткие и крепкие. Он бы не выдержал гнева Судьбы. Неужто Ангел сделал его для меня?

Внезапно до меня дошло, что не вижу мешка. Где мой мешок? Без него все это было напрасно.

Моя боль утихала, и я поползла на четвереньках, изучая плот. Хотя искать на нем было нечего. Были просто бревна и я на них. Ясно и понятно. Если бы здесь был мешок, я бы его увидела. Все так же оставаясь стоять на руках и коленях, я щурилась, вглядываясь в занавес безлунной ночи, в поисках моего мешка. Возможно, он плавал поблизости.

Не будь глупой, Кармила. Мешок мог запросто утонуть в воде. Он исчез.

Я вскрикнула, закрыв лицо руками, чувствуя поражение. Я потеряла свой мешок. Что я скажу Леди Шаллот при встрече? Я даже никогда не узнаю, что было в мешке. Я даже не узнаю, что имел в виду Капитан Ахав, когда говорил, что с помощью моего мешка я могу

"Вызвать Луну". Почему я забыла об этом в присутствии Крюка? Должно быть, Капитан Ахав играл в игры, потому что никакая Лунная Девушка не спасла меня от Крюка, который смеялся и издевался над ней.

Мои рыдания снова звучали глухо, словно мир замкнулся вокруг меня, и я была каким-то бесполезным джинном в бутылке жизни.

— Кармила, — Ангел выпрыгнул из воды. Его улыбка была эйфорической. В самом деле, он выглядел здоровее и сильнее. Он вытащил пару рыбин и положил их на плот.

— Ангел? — закричала я и бросилась в его объятия.

Ангел засмеялся, когда я крепко обняла его. Он напрягся, чтобы забраться на плот.

— Я принес тебе еду, — сказал он, — я решил оставить тебя одну, чтобы дать тебе отдохнуть.

— Что случилось? — я не могла оторваться от него, и обняла его еще крепче.

— Ничего особенного, — сказал он с насмешкой, — Судьба решил послать за нами несколько приливов и штормов, поэтому я набрал в твои легкие немного воздуха и нырнул в самую глубину моря, пока он не сдался.

Я легонько ударила его по груди. Я знала, что это была ложь. На его теле было много шрамов, следовательно, произошло гораздо больше, так как обычно, его тело исцелялось быстро.

— Ты поддался своей тьме, чтобы спасти меня, — сказала я, проведя рукой по его длинным черным волосам.

Он кивнул. Он этим не гордился.

— Я должен был это сделать, иначе Судьба убил бы нас. Ты не представляешь, какой силой я обладаю на самом деле.

— Поэтому ты выглядишь таким здоровым?

— Я пил слишком много крови, Кармила, — сказал он, стыдясь этого, но при этом чувствуя себя отлично, — Рыба, люди Судьбы. Я не знаю, каким образом я выжил, находясь так долго под водой. Видимо, вампиры обладают слишком большой силой.

Услышанное мне не понравилось, но кто я такая, чтобы жаловаться. Я слышала, как в нем жужжало зло, наслаждаясь тьмой, которая помогла спасти меня. Это было странно, но все же лучше, чем продать свою душу Судьбе.

— Вот, — сказал он, вытаскивая из-под плота мешок. Он привязал его веревкой. Я взяла мешок и обхватила его, ко мне снова вернулась надежда. Надежда на лучшую жизнь, надежда на завтрашний день, и надежда преодолеть все препятствия на пути к Башне Сказок. Я поняла, что тьма Ангела не так уж плоха на самом-то деле.

— Итак, мы все еще можем добраться до Башни Сказок, — я крепко его поцеловала, пытаюсь высосать из него все зло.

— Ого, — он зарумянился, — Да, любимая. Я же обещал тебе, что мы доберемся до нее. Прости, что бросил тебя на Пекоде. Все потому, что моя самая большая слабость, это та песня, которую играли русалки.

— Кстати об этом, ты знаешь, что это за песня, и почему я не могу запомнить ее?

— Это древняя мелодия, которую когда-то играл человек по имени Крысолов, — сказал он. Ничего нового для меня. — Предположительно, он и создал вампиров. Зачем? Я не знаю. Как? Я тоже не знаю. Просто есть всего несколько человек, которые знают, как ее играть, а научиться ее можно лишь у злых ведьм. Они говорят, что требуются годы, чтобы ее освоить, а играть можно лишь с Поющей Косточкой.

— Поющей Косточкой?

— Одну из таких Капитан Ахав использует в качестве трубки, — сказал Ангел, — Похоже, что он нашел ее на своем судне, плывая по морю, но никогда не знал, как на ней играть, поэтому пользовался ею как трубкой.

— То есть, это не просто флейта с семью отверстиями?

— Ты заметила, что она с семью отверстиями? — он восхищенно посмотрел на меня, — Легенда гласит, что каждое отверстие это музыкальная нота, которая ведет к одному из...

— ... Семи Потерянных, — сказала я, — Разве это никак не связано с музыкальной гаммой?

— Например?

— Есть семь основных нот в музыке, — меня учили музыке во дворце моих родителей, когда я была избалованным ребенком. Австрия была без ума от музыки, — На самом деле, в целом их двенадцать. Но семь основных нот создают музыку. Я просто подумала, что если между мелодией, которую играет флейта с семью отверстиями с помощью семи нот и вдохновенными семью людьми есть какая-то связь?

— Я не знаю, любимая, — сказал он. По-видимому, Ангел знал о музыке не много.

Сейчас было бессмысленно говорить о Семи Потерянных. Кто знает, кем они были на самом деле? И я не видела, как это может помочь нам разыскать Башню Сказок. Было необходимо разузнать побольше об этой Поющей Косточке, поскольку эта музыка превратила Ангела в монстра. А это было помехой.

— Так почему она называется Поющей Косточкой?

— Легенда гласит, что в старые времена, когда человек был убит, не нужно было расследовать его убийство и искать доказательства, — сказал Ангел, теперь проведя рукой по моим волосам. — Все, что требовалось, это взять его кости и сделать флейту с семью отверстиями, тогда она будет петь полное имя убийцы.

— Правда? В старые времена это было настолько просто? — я засмеялась.

— Как я уже сказал, я не уверен, — сказал Ангел, — Все, что я знаю, это то, что первый, кто использовал ее для других целей, как управление крысами, был Крысолов. Мне действительно неудобно говорить о нем, о моем отце и о русалках.

Ангел снова поцеловал меня, затем легонько толкнул так, что я оказалась на спине, а он сверху меня.

— Ангел, — я покраснела, счастливая, что он был в таком настроении, — Мы находимся посреди моря.

— Моря? — он прищурился, затем засмеялся, — Нет, любимая. Мы больше в не море.

Я нахмурила лоб.

— Что ты имеешь в виду? — я думала, он играет со мной, чтобы подобраться поближе.

Я не собиралась заниматься любовью с человеком, которого люблю вот так вот, на плоту, прямо посреди моря.

— Мы внутри кита, любимая, — сказал Ангел, — Как ни странно, это единственное безопасное место, которое я нашел.

Глава 40

Мир Сновидений Фейбл

Вместо того, чтобы броситься на поиски Руна Локи, Фейбл убежала от него. Но ведь она нужна была Семерым Потерянными. Им нужна была ее помощь. И не важно, сколько раз ей твердили, что она одна из них. Она не могла понять этого. Иметь шанс помочь легендарным сказочным персонажам, о которых читал каждый ребенок Реального Мира было за гранью ее понимания. Она знала лишь одно. Ощущения были непередаваемые и на мгновение, она поверила, что Серена была права. Она на самом деле надеялась, что обладает некой силой, чтобы спасти всех остальных, и она задумалась над тем, что же скажут остальные, если она действительно поможет.

Фейбл зажмурила глаза, произнося ведьмовское заклинание, не подозревая какую цену ей придется заплатить позднее. Оно не сработало. Она повторяла его снова и снова. Покрываясь капельками пота.

Я ничтожная ведьма, как и моя мать.

Снаружи пещеры появился шепчущий ветер, тот самый, который она видела в Реальном Мире, когда Локи вошел в Шлосс, чтобы убить Шу пару дней назад. Он приближался все ближе и ближе, паря над входом в пещеру. Извне начала виться паутина, закрывая проход в пещеру. Плотная и настоящая.

Она боролась со своими руками и телом, казалось, магия разрывает ее на кусочки, и ощутила боль в животе, словно там поселилась змея, которая теперь завивалась в огненные кольца боли.

Неужели это происходит на самом деле?

Не просто так же ей удалось вызвать ветер с заклинанием. Она ощутила, как внутри нее что-то меняется. Она не знала, что стало тому причиной: частично вернувшиеся воспоминания или же сила, которая влияла на нее извне.

Какого черта со мной произошло, когда я была в лесу?

Наконец, ветер оставил пещеру в покое и Фейбл, обессилев, упала на колени.

— Фейбл! — она почувствовала, как к ней тянуться руки. — Где ты научилась такому колдовству?

— Паутина на входе пещеры, — Фейбл бросила взгляд на Лэдл, которая с восхищением смотрела на вход пещеры. — Эта паутина такая толстая, что потребуется несколько дней, чтобы прорваться сквозь нее. Это означает, что охотники не смогут догадаться, что мы внутри. Я хочу научиться колдовству!

Минутой позже Фейбл полностью пришла в себя. Она прислонилась спиной к пещере, ощущая себя опустошенной. Черная Магия опустошила ее. Она коснулась рукой волос. Неудивительно, что ее косички исчезли. Ее волосы теперь торчали в разные стороны, похожие на ветви куста.

— Серена вдохнула в тебя жизнь. — Джек погладил ее по плечу и улыбнулся. — Ты вернулась, моя чумная подруга. — Джек еще никого прежде не называл "чумным".

Если кто и был чумным в этом мире, то это сам Джек Мэдли. Фейбл это знала потому, что воспоминания начали медленно возвращаться. Семеро потерянных исцелили ее, пока она в течение нескольких часов заботилась о Шу, которая все еще была без сознания. Она увидела, как солнце снаружи зашло, несколько тонких лучиков и те бесследно исчезли.

Фейбл слушала их догадки, как безопаснее покинуть сейчас пещеру. Им не хотелось просить у Фейбл еще одного магического фокуса, пока она еще не отошла от прошлого. Они согласились ждать до тех пор, пока она не окрепнет настолько, чтобы снять паутину снова. Но в пещере не было ни еды, ни воды, а о том, чтобы позаботиться о Шу вообще не было

речи. Церемония Взвешивания Сердца, казалось, ввела ее в бессознательное состояние транса. Пещера могла в итоге оказаться смертельной ловушкой.

Фейбл была не против снова повторить ритуал, но эти воспоминания, что вспыхивали в памяти, тревожили ее. Обрывки, как она скрывается от чего-то в лесу. Чего-то настолько злого, что она не могла заставить себя вспомнить это. Еще она считала, что эти воспоминания могли бы вернуть некую часть ее сил. Некой конкретной силы, чья власть казалась неминуемой, овладевая ее мыслями до такой степени, что темнело в глазах. Что-то подсказывало ей, что скоро она завладеет этой силой. Эта сила не принадлежала пещере. Другая, темная сила, от которой почти темнело в глазах. Неужели поэтому ее зрение становилось все хуже и хуже?

— Я слышу охотников, — сказала Лэдл.

— Я слышала голос Локи уже дважды за прошедший час, — сказала Мармеладка. — А еще я пить хочу.

— Прислушайтесь. Я слышу, как они прочесывают тут все, — сказал Джек. — Они будто бы знают, где мы, но не могут сказать конкретно. Как такое возможно?

— Они не уйдут, не отыскав нас. По — крайней мере, Локи уж точно, — сказала Серена.

Молчание воцарилось в пещере на очень долгое время. Как такое возможно? Неужели все старания Фейбл были напрасными? По правде, Локи ведь еще не нашел пещеру, благодаря путине на входе. Но как долго они смогут выжить без солнечного света, еды и воды?

***

— Кто-нибудь, напомните мне, почему Королеве так сильно нужно сердце? — спросил Джек, который уже был сыт по горло тем, через что им пришлось пройти ради спасения принцессы.

— Оно ей нужно, чтобы излечиться от проклятия, — ответила Мармеладка.

— Сердце Шу освободит Королеву от нужды убивать всех тех девушек, чтобы купаться в их крови, — сказала Лэдл. — Она поступает так только для того, чтобы сохранить свою красоту, в противном случае, она обратится в отвратительного вампира. Настоящую уродину. Без обид, Красавица. — хихикнула Лэдл, глядя на Чудовище, стоящее в тени пещеры.

— До тех пор пока не перестанешь называть меня Красавицей. — Судя по голосу, он улыбался. Точно Фейбл сказать не могла.

— Сердце Шу сохранит красоту Королевы навеки, — продолжила Лэдл.

— Наверняка мы этого не знаем, — сказала Мармеладка. — Мы не знаем настоящее предназначение сердца. Я чувствую, что здесь нечто большее, чем просто вечная красота.

— Но мы знаем одно, — промолвило Чудовище. — Мы знаем, какую власть получит Королева, посредством сердца Шу или же зеркала, всем нам конец. Она видела нас в Шлоссе и знает кто мы такие. Королева никого не пощадит.

— Я подумала, что она так и не узнала, кто были Семеро Потерянных на церемонии, — сказала Мармеладка.

— Я бы не рассчитывала на то, что Королева не в курсе, — сказала Фейбл. — Откуда тогда она узнала о моем проклятии хлебных крошек? — Фейбл была уверена, что все, включая нее, хотели узнать о ее тяге к хлебным крошкам, и как Королева Скорби узнала о

ней. Но сейчас у них были совершенно иные приоритеты.

Все вдруг умолкли, услышав снаружи голос Локи.

— Выходи, милая Принцесса! Рано или поздно я найду тебя! — закричал он, судя по голосу, он устал и был жутко зол. Он, должно быть, сходил с ума, обыскивая весь лес в поисках беглецов. — Как на счет вырвать твое сердце и печень и отдать их мне, где бы ты ни пряталась? — на этот раз слова Локи поразили всех, потому, что судя по звуку, он приближался.

— Думаешь, он знает, что мы здесь? — спросила Серена.

— Кажется, он знает, что мы рядом, — ответил Джек. — Интересно, откуда.

Ответ пришел раньше, чем они ожидали. Это были королевские черные пантеры. Фейбл услышала, как они рыщут вокруг пещеры. Они принюхивались. Серена объяснила, каким образом они могут их учуять, как собаки, по запаху от плащей, что остались в замке.

— Если бы мы смогли найти источник огня, я бы попыталась задержать их, пока остальные убежали из пещеры, — предложила Серена.

— Я мог бы выйти наружу и сдерживать их до тех пор, пока вы не сбежите, — предложило Чудовище.

— Неплохая идея, — сказал Джек. — Я мог бы украсть их мечи и попытаться оглушить их.

— Я могла бы убить нескольких, — радостно произнесла Лэдл. Затем выражение ее лица стало серьезным, пока она снова просила прощения у Древа Жизни.

— Я не прочь умереть за вас всех, — внесла свой вклад Мармеладка.

— Мы забываем причину, которая стоит во главе всего этого, — раздался внеземной голос Звезды. — Мы не можем позволить Королеве Скорби завладеть сердцем Шу. Как сказала Чудовище: контролируемая Кровавой Мэри, Королева станет непобедимой, если завладеет сердцем Шу и раскроет секрет осколков дьявольского зеркала. Мы не можем рисковать нашими жизнями, если нас поймают, сердце Шу достанется Королеве. Нам нужен другой выход. Куда более безопасный план.

— Вы так говорите, словно все вы на стороне добра, — произнесло Чудовище.

— Во всех нас есть что-то хорошее, — возразила Звезда, и ее сияние слегка потускнело.

Чудовище ничего не ответило. Оно лишь издало вдох. Казалось, он, словно считает себя злом. Неужели из-за своего внешнего вида?

— Не думаю, что я на стороне добра. — Лэдл подняла свою окровавленную косу.

— Я — вор, — заявил Джек. — И я не перестану воровать, хорошим вы меня посчитаете или же плохим.

— Не говори так, — сказала Мармеладка. — Ты — хороший, и я тоже на стороне добра.

— Думаю, я — хорошая, — сказала Серена, на самом деле не вполне уверенная, словно прежде она никогда не задумывалась об этом.

Фейбл не знала, что сказать. С тех пор, как она прикоснулась к Темному Искусству, чтобы спрятать пещеру. Теперь что-то ощущалось иначе. Заклинание, что она вспомнила, не оставляло ее в покое. Она не могла сказать, каким образом оно пришло ей на ум, но было похоже на назойливое воспоминание, которое мысленно не покидало ее. Темное заклинание, подумала она, которое она едва не произнесла.

— Я жду! — закричал Локи снаружи. — Я знаю, что вы там!

— Это только вопрос времени, когда они смогут обнаружить наше местоположение, — как само собой разумеющееся произнесло Чудовище. — Черные пантеры в конечном итоге

разгадают трюк с паутиной. Либо у нас волшебным образом появится выход, либо нам придется драться.

— Фейбл? — Звезда повернулась к ней. Она ощущала себя в безопасности, когда говорила с ней. — Ты знаешь какое-нибудь заклинание?

Фейбл пожелала, чтобы земля разверзлась и поглотила ее. Звезда словно прочла ее мысли, словно Звезда знала о темном заклинании, что засело в ее голове.

— Не сомневайся, Фейбл, — промолвила Серена. — Неважно, какого рода это будет колдовство. Просто помоги спасти сердце Шу.

Шестеро уставились на Фейбл. Теперь стало очевидно, что им не все равно на то, что с ней случилось в прошлом тремя месяцами ранее, если она не поможет им прямо сейчас.

— Да хватит уже! Почему бы тебе просто не вырвать свое сердце и отдать его мне, Принцесса? — закричал Локи снаружи. — Уж я то его сберегу.

Семеро Потерянных по-прежнему смотрели на Фейбл. Она была так близка к тому чтобы сдать и рассказать им, что она всего лишь гость в этом сне. Но это бы помешало основной цели ее миссии, которая уже отошла на задний план, когда она согласилась на маленький квест с Семерыми Потерянными. Как ей только добраться до Руна Локи? Увидит ли она вообще как Локи и Шу полюбили друг друга?

— Я..., - она колебалась, поглядывая на Серену и моля ее о поддержке. Серена не осознавала, что она одна знала о том, что произошло с Фейбл в лесу. — Я не очень хорошо знаю лес, — наконец произнесла она. — То есть, воспоминание размыто.

— Но ведь ты рассказывала мне о нем, — сказала Серена. — Ты рассказала мне о Заклинании Сердец.

Фейбл ощутила, как задыхается. Заклинание Сердец. Вот оно. Заклинание, которое атаковало ее разум последний час. Неужели она должна произнести его, не имея понятия, каким образом она узнала о нем, что если оно имеет плачевные последствия?

— Фейбл, — промолвило Чудовище. — У нас нет времени. Знаешь способ спасти нас и Шу?

— Ты знаешь способ спасти сердце Шу от злой Королевы? — Серена напрямую перешла к самой проблеме.

— Я могу спасти сердце Шу, — кивнула Фейбл, в ее мыслях уже складывалось заклинание. За что на нее пала такая огромная ответственность?

— Как? — спросила Серена. Все очень внимательно слушали.

— Сперва, я должна предупредить вас о том, что это заклинание довольно сильное. — Фейбл возвала к своему сердцу. Большая часть того, что она собиралась сказать, не имела рационального объяснения. Словно кто-то другой говорил за нее, такой она была два века назад.

Меня зовут Гретель и я надеру тебе задницу.

***

— Сотвори его, — сказала Мармеладка. — Каким бы ни было это заклинание.

— Все не так-то просто, — запинаясь, произнесла Фейбл. — Всем вам придется принять участие.

— Мне уже не нравится, как все это звучит, — пробурчал Джек.

— Я знаю, как разделить сердце Шу между нами, чтобы оно не досталось Королеве. — Это были самые трудные слова, что Фейбл приходилось произносить в своей жизни.

Вот оно? Неужели это тот самый момент, когда Шу разделила свое сердце между Семерыми Потерянными? На самом деле? Мозги у Фейбл закипели. Значит, Шу сделала это не собственноручно. Значит, она даже не знала о том, что было сотворено, пока она была без сознания. Поэтому она не помнит этого? Иисусе, неужели я предложила нечто подобное?

— Что? — поморщился Джек. — Разделить ее сердце?

— Сейчас сердце Шу весит двадцать один грамм, — объяснила Фейбл. — Я знаю, как извлечь его и разделить меж нами. Если мы так поступим, Королеве придется изловить нас всех, чтобы добраться до него.

Возникла долгая тишина. По-настоящему долгая. И Фейбл оставалось только посочувствовать им. Коим пришлось обдумывать эту идею снова и снова. Фейбл стала свидетелем моментов, которые изменили ход сказки. Причина, по которой Королева начала на них охоту.

— Мне это по нраву, — сказала Лэдл.

Фейбл улыбнулась. Конечно, Лэдл была до чертиков бесстрашной. Хотя с какой стати Смерти беспокоиться о чьем-либо сердце?

— Если я вырежу сердце Шу, и разделю его на кусочки между нами семерыми, — сказала Фейбл, — у каждого из нас сердце станет тяжелее на три грамма.

— На три грамма тяжелее? — переспросила Мармеладка, и все тут же вспомнили, что они говорили о последствиях того, что сердце станет тяжелее еще в доме Джека. — Но мы ведь не вполне уверены, что произойдет с теми, у кого сердце тяжелее, чем нужно.

— Я в совершенном замешательстве, — раздался голос Звезды. — Мы что, разрежем бедную девочку?

— Нет, все не так, — ответила Фейбл, не смотря на то, что она была не вполне уверена. Она попыталась как можно яснее выразить свои мысли, которые возникали у нее совершенно спонтанно.

— Никаких вскрытий. Это темное заклинание, которое ни одна Вселенная не одобрит. Заклинание против законов природы. Но если мы хотим помочь Шу, это все что нам остается. — И я не знаю, откуда знаю о нем.

— Что значит "заклинание против законов природы"? — спросила Мармеладка, щурясь от слабого света.

Угрожающий голос Локи снаружи подстегнул их к принятию решения.

— Понятия не имею. — Фейбл на самом деле не знала. — Я никогда прежде не использовала это заклинание. Я просто знаю, что вы не обязаны это делать.

— Кто научил тебя этому? — спросил Джек.

Фейбл посмотрела на Серену.

— Не думаю, что у нас есть время на то, чтобы разбираться во всем этом, — вставила Серена. — Или мы разделим ее сердце или же сражаемся.

Казалось, предложения на этом закончились.

— Как это делается? — казалось одна Серена понимает, что происходит. Быть может, всему виной была ее безмерная любовь к Шу или ее предыдущий опыт в Искусстве Колдовства. В этом у нее определенно был некий опыт, только те, кто практиковал магию, знал это.

— Мы уколем палец Шу, — сказала Фейбл. — Затем наши. Каждый из нас смешает свою кровь с кровью Шу. Немного. Затем все мы возьмемся за руки и встанем вокруг нее, пока я буду произносить заклинание.

— И всего-то? — спросила Лэдл.

— Все не так-то просто, — предупредила их Фейбл. — Трансформация принесет такую боль, какую никто из вас не испытывал ни разу в жизни.

— Напомните мне, пожалуйста, зачем мы это делаем? — проворчал Джек. — Она ведь безжалостная вампирша.

— Она — Избранная, — ответила Серена. Фейбл впервые услышала об этом. — Е пророчестве упоминается о том, что она будет править всеми вампирами.

— Значит, у каждого из нас будет кусочек сердца Избранной? — прощепетала Лэдл.

— Как я уже сказала, я не знаю, как именно работает заклинание. — Фейбл было нелегко раз за разом повторять, что она не уверена.

— Ты имеешь в виду, что вообще не знаешь, как работает запретное заклинание? — спросил Джек.

— Я знаю, как оно работает, но не знаю последствий, с коими нам придется жить. Наши сердца не должны были меняться. Это против законов природы.

— Ну, удачи, всем вам. Меня вполне и мое сердце устраивает. — Джек поднялся. — Я пас.

— Стоять! — воскликнула Мармеладка. Попытка была глупой, на этот раз ее голос прозвучал слишком громко. Все замерли, затаив дыхание, услышал ли кто-нибудь их снаружи.

Они услышали дыхание пантер. Они обнюхивали землю вокруг пещеры. Время на сомнения не осталось.

— Выходите, где бы вы ни были, — прорычал Локи снаружи.

Никто из них не проронил ни звука, желая, чтобы он сдался и поискал где-нибудь еще.

— С меня хватит. Я сыт по горло! — потерял терпение Локи. — Черт с Королевой и ее дочерью, — прорычал он. — Я не обязан приносить ей ее сердце и печень. Я лично хочу убить проклятую принцессу.

Что он имел в виду, когда сказал, что сыт по горло? Никто из них не ответил. Ответ пришел, шокирующе быстро.

— Спалить дотла это место: деревья и пещеры. Прямо сейчас! — приказал Локи своим охотникам. — Выжжем здесь все живое, выйдут они или нет.

Глава 41

Дневник Королевы

Как выяснилось, Ангел не выбирал кита. Во многом, казалось, что кит выбрал нас. Ангел сказал, что пока он боролся с бушующим морем, пытаясь защитить меня, ему приходилось опускаться на максимальную глубину и ждать, пока море успокоится.

К счастью, ни одна русалка не последовала за нами, потому что они спасались от гнева Судьбы. Судьба — монстр с разумом ребенка, который играет на наших слабостях. Но как долго это будет продолжаться?

— Итак, значит, все, что я видела ночью, было кривыми ребрами кита изнутри? — Я лежала в руках Ангела, обдумывая как назвать пребывание здесь: романтическим или же отвратительным. Стоит ли волноваться по поводу того, что я никогда не выберусь из этого кита? Может, тут все можно обустроить под наше новое королевство?

— Именно, — сказал Ангел, глядя мои волосы. — А еще именно поэтому, нам кажется, что мы не движемся, пока кит плывет по Семи Морям.

— Но вода под плотом глубокая, — заметила я.

— Да, — Ангел засмеялся, — Здесь есть рыба, и даже ракушки на дне. Это как собственное море кита. Поэтому мы должны быть осторожными.

— Почему?

— Мне кажется, что вся эта рыба как-то попала внутрь через рот кита, — сказал он. — Я имею в виду, кто знает, что еще море могло выбросить сюда?

— Понятно, — Я изо всех сил заглядывала в далекий проблеск, что был пастью кита, но он казался бесконечным, да и огоньки были совсем слабыми, казалось, они похожи на крошечных золотых светлячков, тут и там. Но либо пасть у кита была закрыта, либо он был намного больше, чем я могла представить. — Но ведь Крюк контролирует китов в море.

— Только ни этого, — сказал Ангел. — Когда я плавал вокруг, я обнаружил, что до нас здесь побывало множество людей. Ты можешь сделать выводы по резьбе на костях кита.

— Думаешь, они тоже были в бегах от Судьбы? — спросила я.

— Трудно сказать, но кит спас их от зла в Семи Морях тем или иным способом. Записи говорят об этом. Некоторые утверждают, что проспали здесь семь лет, без нужды есть или пить. Но это просто рассказы.

— Мне интересно, где эти люди сейчас?

— Хотел бы я встретить выжившего, тогда сможем узнать, как выбраться отсюда, — сказал Ангел. — На стенках ребер высечено одно и то же имя, на которое я наткнулся множество раз. Я не знаю, что это значит, но оно упоминается во многих рассказах тех, кто побывал здесь. Возможно, это имя того, кого нам следует найти.

— Чье имя?

— Моби Дик, — сказал он, — Забавное имя, правда?

— Странное имя, — сказала я, — Ты думаешь, что это мужское имя? Может это послание?

— Если это так, я не знаю, как растолковать его, — сказал Ангел. — Меня, правда, не заботит это. Я просто хочу, чтобы мы отдохнули, а затем уплыли на этом маленьком плоту в Семь Морей. Нам нужно найти Башню Сказок, как я и обещал.

Я хотела сказать, но Ангел приложил палец к моим губам.

— Шшш, — произнес он. Золото в его глазах замерцало, но в хорошем смысле. — Я провел тебя через многое и нам нужно постичь нашу судьбу. Мой отец не отступится. У нас может быть меньше времени, чем мы думаем.

— Ты думаешь, он будет преследовать нас и здесь?

— Он не сдастся, Кармила, — сказал Ангел, — он не такой.

До того как я сказала что либо, я вспомнила, как русалки говорили, будто Ангел был не совсем честен со мной.

— Есть вещи, о которых я так и не рассказал тебе, Кармила, — признался Ангел. — Однако я всё ещё хочу, чтобы ты доверяла мне.

— Чего ты мне не сказал, — Ангел? — я повернулась и посмотрела ему в лицо.

— Если я скажу, ты убежишь отсюда в страхе, — произнес Ангел. — Верь мне. Я не хочу потерять тебя.

— Ты думаешь, сейчас я в состоянии уйти отсюда куда-либо? — сказала я и окинула взглядом огромный живот кита. Он был гигантским, что собор. — Я не умею плавать. Я не даже не могу увидеть собственное отражение в воде. Я беспомощна, Ангел. Что же ты скрываешь от меня?

— Помнишь, я два года отсутствовал, после твоего пленения моим отцом?

Я кивнула.

— Я, правда, хотел быть с тобой, но..., - Ангел пожал плечами, чего он прежде никогда не делал. — Я кое-что узнал о том, что произойдет, если мы сблизимся.

— Например? Что конкретно? Что произойдет? А ведь Судьба думал, что я счастливица.

— Хорошо..., - Он был рядом со мной, но мыслями далеко. — Во-первых, мой отец думает, что ты одна из нас.

— Что? — Несмотря на то, что я нежно любила Ангела, моя реакция была немногo обидной для него. Я немногo отодвинулась. Что он имел ввиду — одна из нас? Сам Ангел не был одним из них. — Это бессмысленно.

— Мне никогда не понять, почему он думает так, но..., - Он снова пожал плечами. — Если ты подумаешь об этом, кое — что имеет смысл.

— Что ты такое говоришь, Ангел? — сказала я. — Ты ни один из них. И я тоже. Мы сами выбираем, кем нам быть. — Потом я осознала, что он пытался сказать. — Ты думаешь, что я вампир?

— Полувампир, возможно, — сказал он. Я была шокирована. — Или можешь превратиться в одного из них.

— Я не верю своим ушам.

— Посуди сама. Ты не отражаешься в зеркалах, как мы.

— Из-за проклятия какой-то безымянной ведьмы.

— Та безымянная ведьма может проклинать только вампиров, Кармилла. — Он выглядел, так, словно сожалел, рассказывая мне это. — Я расспрашивал повсюду и каждый подтвердил, что она имеет власть только над вампирами и полувампирами; каждым кто имеет кровь вампира в себе.

— Как ты можешь быть уверен? — Шокированная, я и приблизительно не могла описать, что чувствовала. — Как её зовут? — Я помнила, что русалки просили меня встретиться с ней.

— Никто не сказал мне, — сказал Ангел. — Помни, что я изгой. Я редко жил среди вампиров. Я не знаком с этим знанием или историей. Ни подробно, ни вскользь. В ней говорится о крови, молоке и шоколаде.

— Что конкретно? — Мне не нужно было повторять события в вампирской темнице, чтобы вспомнить их.

— Я не имею представления для чего или почему они засунули тебя туда, — сказал Ангел. — Но это должно навредить любому, не вампиру. Это приводит их к безумству, чего с тобой не случилось. Так или иначе, я пытался скрыть это, потому что какую бы восприимчивость к превращению ты не имела, я не хотел быть тем, кто спровоцирует это. Я сдерживался от превращения в вампира, и ты не знаешь, что это делает со мной. Ты не знаешь, как много раз я хотел укунить тебя, выпить твою кровь и сдерживал себя. Если бы я не питался в море, то я не смог бы сдержать себя от тебя.

Я была слишком потеряна и сбита с толку, чтобы сказать что либо

— Я вернулся за тобой два года спустя, потому что я не мог жить без тебя, Кармилла. — Он приблизился, чтобы поцеловать меня. Я отстранилась.

— Это не важно, Ангел, — сказала я. — Ты скрываешь что то ещё. Русалки сказали мне, что ты хранишь какой-то большой секрет от меня.

— Русалки? — Ангел казался раздраженным.

— Я чувствую это, — сказала я. — Моя любовь к тебе, моя привязанность к тебе и все те трудности, что выпали на нашу долю. Капитан Ахав знал, кто я и просил меня покинуть его корабль. Судьба сгорает от желания, чтобы я продала ему свою душу. Почему я так важна? Неужели все из-за яблок? Твой отец хочет, чтобы ты был со мной. Все стало только хуже, когда я встретила тебя. Что ты скрываешь от меня, Ангел?

Мой голос отразился эхом внутри полого кита, да так громко, что я даже вздрогнула..., мой голос показался здесь...чужим.

— Кто я?

— Ты моя Истинная Любовь. — Ангел схватил меня за руку, его глаза увлажнились. Слезы означали, что он говорит правду.

Я ощутила ярость. Это момент содержал отголоски моей детской злости, когда я просила мою маму назвать меня «самой красивой на свете». Я была вне себя. Эта необъяснимая темнота во мне воспряла снова. Я отдернула руки от Ангела и отползла на четвереньках на край плота.

— Кармила, — позвал он вслед.

Я не обернулась, а он не остановил меня. Я собиралась увидеть свое отражение в воде. Мне было плевать..., знаю, мне тысячу раз говорили, но я такое пережила, самые отважные не смогли бы вынести нечто подобное.

Вот оно. Я наклонилась через край, чтобы разрушить все правила, которые сковывали меня. Неважно если мой мир или мои родители сгорят в аду

Я знала, что пройдет немало времени, прежде чем я ясно увижу свое отражение в воде. Я постаралась приблизиться к светлячкам и использовать их золотой свет, чтобы увидеть свое отражение.

Я искала самое спокойное и светлое место в воде. Ангел попытался схватить меня за пятки и потянуть назад, но я выскользнула. Я больше не собиралась быть заключенной под именем Истинной Любви.

Мои глаза широко распахнулись, потому что вода не отражала ничего. Эта проклятая вода и этот проклятый свет сговорились против меня. Я наклонилась ближе, мое сердце быстро забилося, боясь, что я упаду в воду и умру — кто умер от страха воды? Что эта была за жизнь?

Наконец, вода начала принимать форму лица. Я помогала руками, отталкивая Ангела ногами. Я знала, он не собирался удерживать меня— он легко мог схватить меня своими сильными руками.

Лицо в воде, казалось, становится ближе, к свету, к ясности Я улыбнулась. Мое отражение улыбнулось в ответ, уже более отчетливой.

Я вгляделась. Посмотрела снова, распахнув глаза еще шире. Вот и нос. Мое лицо...

О...Господи...

Как такое возможно?

Неужели я так выглядела?

Кем была та, что смотрела на меня из отражения?

Часть 3. Истинная Любовь и Ложь

Глава 42

Мир Сновидений Фейбл

Джек отпрыгнул, выхватил у Лэдл косу и кончиком острия порезал себе палец.

— Ну, — вздохнул он, — никогда бы не подумал, что сделаю это, но давайте посмотрим, выдержит ли сердце Избранной огонь. Я не собираюсь умирать молодым.

Пример Джека подействовал мгновенно. Все порезали пальцы и смешали свою кровь с кровью Шу. Трава и деревья уже потрескивали снаружи. Сияние огня бросало отсветы сквозь паутину.

Фейбл попросила их взяться за руки и закрыть глаза. Слева от нее был Джек, справа — Мармеладка. Заклинание оказалось довольно трудным для произношения; казалось, оно было на языке, на котором никто никогда не говорил. Фейбл лишь повторяла то, что услужливо подсказывала ей память, словно она была одержима своей темной версией. Она повторяла то, что едва помнила, если это имело вообще хоть какое-то значение.

У каждой магии есть своя цена, — Фейбл ощутила это незамедлительно. Неожиданно ею овладела темная сила. Она почувствовала, как ее душа снова меняется. Вернется ли она в Реальный Мир все такой же наивной девчонкой с двумя косичками, что была прежде. Ужасно, но что поделать. Или это, или Семерых Потерянных вскоре растерзают охотники. Она очень надеялась, что она лишь заново переживает одно из своих воспоминаний, а не меняет исход прошлого. Себе она уже давно призналась в том, что два века назад она использовала зло для защиты от зла. Не удивительно, что жизнь Семерых Потерянных была далеко не долгой и уж тем более счастливой. Ей было любопытно, что произошло с каждым после сегодняшнего дня.

Фейбл произнесла заклинание и попросила всех повторять его за ней. Ее пронзила боль. Каждая пора в ней позволила жестокой тьме просочиться в ее хрупкую душу.

Небо неподалеку зарокотало, и раздался оглушительный удар молнии. То было не из-за огня или естественных причин. Всему виной стало темное заклинание, поднятое со дна самой гиены огненной. Земля под их ногами задрожала, по всему Королевству Скорби прокатилось мощнейшее землетрясение. Фейбл услышала, как один из охотников воскликнул:

— Это все кит! Кто-то потревожил кита!

Значит, кит под Скорбью существовал всегда? Неужели заклинание потревожило кита? Что я творю? Боже, помоги мне.

У Фейбл пронеслась мысль, неужели землетрясение было по всей Скорби, даже в Королевском замке.

Тело Шу сильно задрожало. Спина выгнулась дугой, невидимая сила подняла ее над полом. Из носа потекла кровь, затем раздался еще один удар молнии. Фейбл не прекратила произносить заклинание ни на секунду. Она не собиралась сдаваться, не смотря на то, что боль была сильна. Позднее им всем придется заплатить за содеянное. И заклинание сработало.

Фейбл ощутила чужеродную тяжесть в своем сердце. Странную тяжесть. Нечто такое, что не под силу измерить человеческим весам. Ее прошиб пот. Впрочем, как и всех остальных. Даже Чудовище задрожало из-за трансформации.

— Где ты, Принцесса Скорби? — бесновался снаружи Локи. Не смотря на то, что именно он приказал сжечь все, землетрясение, должно быть, чертовски испугало его. Все стало еще только хуже, когда раздался третий удар молнии и начался дождь, погасив весь огонь.

— Да что ж ты за ведьма такая, Принцесса? — прокричал Локи, и Фейбл услышала

женский голос, говорящий с ним. Неужели Королева Скорби тоже снаружи?

Рискнула бы она?

Тело Фейбл разрывало на кусочки от боли. Подняв голову на мгновение, она увидела, как у Серены из глаз идет кровь. У каждого был свой болевой порог. Фейбл восхитилась силой воли Джека. Лэдл же оказалась сильнее всех, но это и не было сюрпризом. Гроза прекратилась. Их руки разъединились и они без сил упали на пол, скорчившись.

Локи по-прежнему яростно кричал, разыскивая Шу, еще сильнее разозлившись из-за дождя, который погасил огонь. Фейбл едва-едва слышала женский голос, кажется, это все же была не Королева. Она не знала, кто это, лишь различала обрывки речи.

— Это неестественно, — кричала женщина. — Это Темное Искусство. Ведьме не следует заниматься подобным. Все, кто участвовал в этом, будут навечно прокляты.

Внутри же пещеры, все начали постепенно приходить в себя.

— Сработало? — спросила Серена.

Фейбл кивнула.

— Я чувствую его. — Лэдл прижала ладони к груди. — Я ощущаю ее сердце внутри меня.

— Начался бы дождь до того, как мы начали все это, — проворчал Джек.

Слабее всех оказалась Серена, но и ей удалось выдавить жалкую улыбку на бледном личике.

— Я тоже ощущаю в себе присутствие Шу. Я ощущаю связь с ней. Я люблю тебя, Принцесса, — обратилась она к девушке, которая была без сознания. — Ты чувствуешь это, Джек?

— Я чувствую, что смог бы съесть большую миску бобов. — Джек поднялся на ноги.

— Так что теперь? — спросила Мармеладка.

Фейбл увидела, что паутина исчезла. И не только. Из-за дождя входов в пещеру стало несколько, причем все в разных направлениях.

— Нужно отнести Шу в безопасное место, — сказала Фейбл. — Необходимо выяснить, что с ней делать дальше после заклинания. — Фейбл не знала, но предположила, что и на Шу это окажет некое воздействие. — Сейчас чтобы добраться до сердца, Королеве придется убить всех семерых. У нас получилось.

Большинство улыбнулись ей. Им удалось сделать нечто мистическое и экстраординарное, тем самым воспрепятствовав Королеве захватить власть, которую она так желала. Они гордились собой и Фейбл. Мармеладка больше не была их лидером. Им стала Фейбл, на кого все сейчас обратили свои взоры. И ей было очень страшно.

Семеро Потерянных начали вытаскивать Шу наружу, шокированные тем, что охотники уже поджидали их. Большинство испугались грозы и сбежали. А те, кто остались, пытались усмирить взбешенных лошадей. Чудовище позаботилось об оставшихся. Лэдл добила тех, кто выжил, ведь ни один меч по силе не сравнится с ее косой. Ее жуткая улыбка испугала охотников.

Джек украл несколько лошадей. Серена пообещала доставить Шу туда, где им всем предстоит встретиться. Джек предложил проверить свой домик на дереве. Если великан ушел, лучшего места, чтобы спрятать Шу и не придумаешь. Фейбл не понимала, каким образом великану удавалось приходить и уходить.

Фейбл забралась на лошадь, ей по-прежнему нужно было разыскать Локи и заполучить его Руно. Хватит ли у нее сил, чтобы осуществить задуманное? Хватит ли ей злобы, чтобы

совладать с ним при помощи Темного Искусства?

Чудовище привязало Шу к лошади Серены, он предпочел отвезти Шу сам, но Серена запротестовала. Приготовления заняли какое-то время. Охотники без боя не сдавались, впрочем Лэдл проделала хорошую работу, чтобы задержать Локи.

План пришлось изменить. Джек сказал ехать им к Болоту Скорби, чтобы сбить охотников со следа, в то время как Серена и Фейбл позаботятся о Шу и увезут ее в домик на дереве.

— Держи. — Джек сунул Фейбл в ладонь несколько волшебных бобов. — Посади их также как и я, когда мы убежали от гоблинов, и взбирайтесь на дерево. Надеюсь, великан ушел. Я приду, когда избавлюсь от охотников.

Фейбл кивнула, засовывая бобы в карман.

— Эти бобы вызывают привыкание! — подмигнул Джек, повернулся и ударил охотника по спине, поманив его тем самым за собой.

Фейбл не стала говорить Джеку, что не знает дороги к домику на дереве. В этом она всецело положила на Серену. Серена уже запрыгнула на лошадь с телом Шу. Фейбл лишь оставалось следовать за Фениксом к домику на дереве.

***

Фейбл ехала на пределе своих сил, разрываясь между безопасностью Шу и Руном Локи. Она молилась о том, чтобы их пути с Локи пересеклись, и что у нее хватит волшебных сил, чтобы дать ему отпор. Локи не заставил себя долго ждать, она практически сразу услышала за спиной его сдавленные ругательства и услышала стук копыт его трехглазого единорога.

— Ведьмы! — прогремел он за спиной у нее и Серены.

Казалось, что Локи не попался в ловушку Джека, и он найдет Принцессу Скорби куда бы она ни последовала. Фейбл была напугана и благодарна одновременно. Напугана Охотником, но благодарна за шанс украсть у него Руно.

— Быстрее! — Серена задрожала от страха перед юношей, который однажды уже отрубил ей руки. — Быстрее же!

Они ехали и ехали, пыхтели, потели, ругались и кричали. В планах Фейбл значилось добраться до домика на дереве, вырастить бобовый стебель и помочь Серене с Шу взобраться на него. Потом она бы встретилась с Локи лицом к лицу. Она была уверена, что тот знал лес как свои пять пальцев. Он без боя не сдастся. Но, казалось, Серена сама не знает дороги. Локи стремительно приближался. План пришлось менять еще раз.

— Уезжайте, — крикнула Фейбл Серена. — Возьми вот это. — Она передала ей бобы. — Воспользуйся преимуществом, чтобы найти домик на дереве. Я задержу Локи.

— Что? — ахнула Серена. — Почему?

— Просто сделай это. — Строго ответила Фейбл. — Я смогу с ним справиться. — Слова не имели никакого смысла, но она должна была попытаться. Даже с помощью всей той магии, которой она научилась, как ей справиться с Главным Охотником?

— Ты уверена? — спросила Серена.

— Да. — Не заставляй меня передумать. Я должна достать Руно. — Теперь уходи!

Серена неохотно ускакала прочь. Она сделает это ради Шу, чтобы спасти вначале ее. Но, казалось, она испугалась за Фейбл, она закричала на нее, и позвала с собой. Фейбл же сделала глубокий вдох и попыталась не заикливаться на плохих мыслях. Так нужно. Она пришла сюда в поисках Руна. Она развернула лошадь, глядя, как приближается Локи. Ей и за

миллион лет не пришла бы в голову мысль, что она станет такой сильной.

Глава 43

Дневник Королевы

Лицо, что смотрело на меня, было уродливым, с клыками и зелеными глазами. Оно было настолько страшным, что Ангел отстранился.

И как тут не испугаться?

Это было не мое лицо. Это было лицо русалки.

— Здравствуй, Кармила, — произнесла русалка. Главная, которую я встретила на Пекоде. На этот раз она не была такой красивой. Она выглядела, словно морской монстр, изуродованный демоническими глазами и болезненного цвета кожей.

Я подняла голову и увидела десятки других русалок позади нее, окружающих нас внутри кита. Я упала, потрясенная количеством русалок и их уродства. Но не это беспокоило меня больше всего, по крайней мере, не сейчас. Я обернулась к Ангелу. Ужас на его лице... словно он смотрел Смерти в глаза. Меня озадачило, как такой сильный человек как он мог иметь такую слабость.

Но опять же, кого я обманываю? Русалки сами по себе не пугают его. Он боится того, что они могут делать. Песен, которые они поют. Они снова начали петь эту незапоминающуюся песню. Счастливо напевая, в тот момент, когда их лица снова превращались в прекрасных морских девушек. Они заплетали свои волосы и плавали, напевая в унисон песню, словно они развлекали короля и королеву в каком-то морском замке. Их сногсшибательный вид добавляет ужаса. Как можно бороться с тем, кто выглядит столь прекрасно? Величайшая афера дьявола, которую ему только удалось повернуть в этом мире — выдать себя за кого-то другого.

Я подползла к Ангелу и прислонила его голову к своей груди, закрывая его уши руками. Он был похож на бледного ребенка, дрожащего в моем лоне. Я была, словно его мама, пытающаяся убедить его в том, что этот мир не кишит монстрами.

— Все будет хорошо, — я погладила его, — я обещаю.

— Нет, не будет, — захихикала главная из русалок, прикрывая рот наманикюренными руками, — его мучает жажда, Кармила.

— Что ты хочешь этим сказать?

— На твоём месте, я бы не подпускала его к себе так близко, — она продолжала хихикать, — потому что, рано или поздно, он захочет твоей крови, дорогая.

Они были правы. Я знала это, но все равно продолжала держать моего дрожащего любимого. Я притянула его ближе, надеясь, что моя любовь способна исцелить его. Разве Амалия Хассенпфлаг не говорила что-то в этом роде?

Из глаз полились слезы, самые горькие за всю мою жизнь. Кого я обманывала? Разве я прежде не видела Ангела на корабле, когда он чуть не причинил мне боль? Но опять же, я сама чуть было не позволила ему. Но то, что он не открыл мне свой секрет, ранило еще больше. Я хотела быть в безопасности. Я не была уверена, что дала бы ему свою кровь. Я не была вампиром, как утверждал Ночная Скорбь.

Глядя на кишашую поющими русалками воду, я осознала, что не было места, куда я могла бы пойти.

— Сдавайся, Кармила, — произнесла предводительница русалок, снова вытянув руки. — Она хочет увидеть тебя. Ты принадлежишь нам.

Кажется, все подумали, что я одна из них. Вот только я сама не была уверена, кто я.

— Уходи прочь! — я заорала, — Оставь нас в покое. Кто ты такая?

— Меня зовут Ларк, — она склонила свою голову, словно я была ее королевой, —

Сирения Ларк к вашим услугам, ваше Величество.

Глава 44

Мир Сновидений Фейбл

— Локи! — закричала на него Фейбл, наклоняя голову набок. Серена до смерти испугалась, отказываясь уезжать, как ей было сказано. Фейбл возненавидела ее за то, что она не уехала, но с этим она уже ничего не могла поделать. Серена слишком сильно опекала всех.

— Помнишь меня? — крикнула Фейбл Локи. — Ты убил всех в моем городе, Фьюри Телл!

На этот раз она полностью вспомнила. Большая часть памяти вернулась. Труднее всего было ненавидеть Локи. Как я могла ненавидеть его так сильно в прошлом? Вроде все логично, но почему все ощущается так неправильно.

— С превеликим удовольствием. — Усмехнулся он, сияя улыбкой в темноте. — Поддай на меня в суд, если чем обидел.

— Я сделаю хуже! — стиснула зубы Фейбл, прикладывая максимум усилий, чтобы не струсить.

Это ненастоящий Локи, Фейбл. Это чудовище из прошлого. По иронии судьбы, если ты ранишь его в этом сне и отнимешь у него Руно, ты сможешь спасти его в Реальном Мире.

— Ха! Если так, почему бы тебе не слезть с лошади и не сразиться со мной, ведьма!

— Нет, не позволю той тьме, что ты навлек на мой город, сиять как ни в чем не бывало, — произнесла Фейбл, пытаясь усмирить свою лошадь. Казалось, ее слова напугали Локи. — Я вырву тебе сердце. — Она просто выигрывала время, чтобы стянуть красное Руно на его запястье.

Наконец-то. За этим я и пришла.

Локи рассмеялся, слишком уверенный, что доберется до нее, в это самое время Принцесса упала с лошади Серены позади Фейбл.

Фейбл обернулась и зашипела на Серену.

— Ты уверена, что сможешь привести нас к дому Джека?

Серена лишь кивнула в ответ, не сводя глаз с Локи. Только сейчас Фейбл поняла, как сильно Серена боялась его, парня, который отрубил ей руки.

Почему же ты просто не уехала, Серена! Подумала Фейбл. Но опять же, как бы она вернулась в домик Джека, если бы Серена не осталась? А еще, тело Шу было приманкой для Локи.

— Послушай, — прошипела Фейбл. — Все будет хорошо. Просто езжай к домику на дереве. Я последую за тобой, вот только удостоверюсь, что Шу ничего не угрожает. Как только мы окажемся там, Чудовище, Лэдл, Джек, Звезда и Мармеладка смогут убить Локи. Семеро против одного.

— Шестеро против одного. — задрожала Серена.

— Знаю. — Кивнула Фейбл. — Теперь, беги!

— Мы разделили ее сердце между собой! — Серена, видимо, испытывала потребность поделиться этим с Локи, прежде чем развернуться и дать дёру. Блестяще. Теперь он знает,

что мы сделали. И я подумала, что я еще более наивна, чем она.

Фейбл не стала дожидаться реакции Локи, и поскакала следом за Сереной.

— Ты лжешь! — закричал Локи, его голос был словно осколки разбитого стекла.

— Это правда! — Серена не могла остановить свой словесный понос, пока лошадь уносила ее сломя голову. — Между нами семерыми. Тебе придется забрать его у каждого из нас.

— Ах, вы, гадкие ведьмы! — Норов Локи был сейчас крайне неуправляем. Он помчался следом за ними, рыча, словно хищник. Если ему удастся их догнать, их ждет как минимум убийство, чтобы утолить его гнев.

Фейбл задыхалась. Все пошло не так, как она планировала, план раздобыть Руно пошел прахом. С самого начала, ее действия были случайными. Но она вдруг осознала, что была одной из Семи Потерянных всего пару часов назад. Для нее все произошедшее было даже слишком. Она последовала за Сереной во мрак леса. По мере того как они углублялись, становилось все темнее и темнее. Локи по-прежнему преследовал их.

— Почему так долго? — спросила Фейбл у Серены.

— Я..., - Серена заикнулась и начала метаться во всех направлениях. — Думаю... деревья поменяли местоположение. Все не так. Лес ополчился против нас.

— Что? — Сердце Фейбл пропустило удар. Казалось, Локи уже близок. — То есть ты говоришь, что мы....?

— Думаю, мы заблудились, — ответила Серена, наивно останавливая лошадь, весь ужас мира отразился на ее лице.

Фейбл была шокирована. Почему Серена остановилась? Она не казалась такой впечатлительной в Дримори Шу. Что с ней стряслось? Ну, заблудились они, что с того?

Фейбл оглянулась, испугавшись, что Локи у них за спиной.

Глава 45

Дневник Королевы

Первые два дня я могла оставаться с Ангелом на том же плоту. У нас оставалось немного еды, но Ангел не ел помногу и, ко всему прочему, ему нужно было думать о крови. Он превратился в ослабевшую и тусклую версию самого себя. Он зарывался головой в мои руки или в свои, чтобы не слышать русалок. Их песня эхом раздавалась в ките, им доставляло удовольствие делать перерывы тишины, сводя нас этим ещё больше с ума. Иногда они пели в унисон, иногда по отдельности, во всех возможных тонах и темпах. Они останавливались, только для того, чтобы нырнуть в воду за едой, или похихикать пока обрызгивали хвостами друг друга. Иногда Сирения подплывала ближе и разговаривала со мной, советуя мне перестать верить в Ангела и пойти с ними, чтобы встретиться с Безымянной Ведьмой, которая, казалось, восхищена мною.

Я не сдавалась, но я много плакала. С одной стороны, этому виной были страдания Ангела, потому что я кормила его как ребенка; с другой стороны было моё сознание своей полной беспомощности.

Почему я не умела плавать? Почему я не настолько сильна, чтобы убить русалок? И раз уж я настолько слаба и ничтожна, почему чуть ли не всякому было известно мое имя?

На третий день, Сирена объяснила мне, кем были русалки на самом деле. Они были сиренами. Они очень были похожи на русалок. Они жили между семью морями и играли весь день. У них было одно на уме. Есть.

Но сирены также любили петь. У них были прекрасные голоса. Пение давало им силу и долголетие. Когда я спросила её, почему они не могут просто петь и оставить нас одних, Сирения объяснила, чтобы петь и долго жить, им нужно есть. Только один тип еды поможет: человеческие мужчины.

— Вы усыпляете мужчин своим пением, чтобы потом съесть?

— Чтобы Вы сделали, если бы знали, что только поедание человеческой плоти подарит Вам бессмертие, Ваше Величество? — сказала Сирения. — Мы также поняли, что наша музыка привлекает большинство мужчин. Женщины редко попадают под наши чары. Мы привыкли быть сами по себе и жить на заброшенных островах Семи Морей. Мы привыкли петь возле огня всю ночь напролет, пока наши голоса не соблазнят моряков. Они добровольно приплывают на наш остров. Мы немного играем с ними, перед тем как убить и съесть их.

Я не знала, стоит ли мне верить ей. Я не знала, стоит ли мне верить чему — либо из того, что я слышала. Неужели в жизни встречались подобные противоречия? Красавица, которая была чудовищем? Убийцы, которые убивали не потому что они были сущим злом, а для того, чтобы выжить и жить дольше?

— Почему тогда вы покинули остров? — спросила я. Ангел всё ещё спал в моих руках. Он приобрел запоздалую привычку падать в обморок от музыки причинявшую боль.

— Из-за проклятия Лунной девушки. — Сирена закатила глаза. — Она начала убивать нас одну за другой, Ваше Величество.

— Прекрати называть меня Ваше Величество. — Для меня казалось сущим оскорблением восхваление злой русалки.

— Но Вы — Ваше Величество, Моя Королева. — Она улыбнулась. Русалки улыбнулись. — И так будет всегда. Вы просто еще не знаете об этом.

— Что ты имеешь в виду?

— Он до сих пор не рассказал Вам, не так ли? — она надулась на Ангела в моих руках.

— Рассказал мне что?

— О пророчестве, — она обменялась жалостливыми взглядами с другими сиренами.

— Что за пророчество?

— Хмм...мне кажется, тогда мне самой придется рассказать. — Она пожала плечами. — Существует пророчество о девушке, Карнштейн, которая полюбит и выйдет замуж за сына короля вампиров, Сорроу. У этой девушки будет решающая роль в истории.

— Продолжай. — Я думала, я начала собирать кусочки вместе, но я была не права. Предстояло открыть еще так много.

— Было сказано, что у нее будет сила закончить засуху семи лет, — сказала Сирения. — Вот почему наша Безымянная Ведьма прокляла твою землю на бесплодие, неурожай на яблоки.

Тишина съедала меня. Я была проклята или же благословлена?

— В день рождения девочки, ни одна другая мать на земле не сумеет родить своего ребенка. Их рождение будет либо задержано, либо их дети будут рождены мертвыми.

Сирения была довольна. Темная волшебная сказка, будто одна из написанных Братьями Гримм годы спустя.

— Поэтому она прокляла нашу землю? — пробормотала я, чтобы русалки меня не услышали. Я мысленно потянулась к воспоминаниям о своих детских годах.

— Конечно, — сказала Сирения. — Безымянная Ведьма хотела найти тебя по своим

собственным причинам. Ночная Скорбь похитил тебя позже по тем же причинам.

— Потому что я была девушкой из пророчества, которая влюбилась в его сына, — рассеяно произнесла я.

— Ночная Скорбь хотел превратить своего сына в глупого вампира, чтобы он укусил Вас, потому что пророчество гласит, что это будет лучший способ избавиться от Вас, Ваше Величество, — сказала Сирения. — По преданию, Вы сильнее чем кто-либо думает, даже несмотря на то, что Вы думаете о себе. Ваше убийство не сработало бы. Но превратить вас в одного из Сорроу покончило бы с проклятием.

— Вот зачем они солгали Ангелу и сказали ему, что думают, что я вампир, — сказала я. — Они хотели соблазнить его укусить меня. Пытаясь облегчить его участь.

— Не думаю, что Ангел поверил этому, — сказала Сирения. — Он спрашивал лишь только почему Вам нельзя смотреть в зеркало — честно говоря, никто не знает почему. — Она показала жестом на свою армию сирен, сейчас стояла тишина: ни пения, ни страшных сказок.

— Поэтому вы не вредите мне? — спросила я. — Вы хотите надавить на меня, — я помнила слова Золушки, — тогда я уступлю и пойду с вами, чтобы спасти Ангела.

— Он ведь до сих пор боролся за Вас, — сказала Сирения. — Вы даже не можете представить, через что он прошел за эти два года. Каждый день его мучили и избивали до полусмерти в башне под палящим солнцем, чтобы заставить его завершить пророчество, укусив тебя. В конце он решил, что не может жить без Вас, и что будет защищать Вас всегда. — Сирения сжала свои влажные губы, надувшись на Ангела снова. — Но какая жалость. Такой слабый и спящий, что прекрасная принцесса. — Она снова захихикала.

— Почему я так важна для Безымянной Ведьмы?

— Этого мы тоже не знаем, — сказала Сирения, приблизившись к бревну и зашептав, — еще она очень требовательная, но достаточно терпеливая, чтобы получить то, что она хочет, да таким способом, каким ей одной захочется. Она живет с очень давних пор и не имеет ничего кроме времени.

Я провела руками по волосам Ангела, раздумывая, что же делать. В ближайшее время нам нельзя было оставаться вместе на одном плоту. Вскоре его охватит жажда, и он против своей воли захочет укусить меня. Я даже не могла сбежать, ведь я боялась воды больше всего на свете.

Неужели мне придется сдаться и пойти с сиренами, только бы спасти Ангела... или же спастись самой? Это лишь еще одна ступень на пути к Башне Сказок.

Но с какой стати я должна продолжать жертвовать собой: сперва, ради моей родины и моей семьи я отказалась смотреть в зеркала; затем предать своего возлюбленного ради Безымянной Ведьмы, которая наверняка желает мне зла.

— Ты так и не сказала мне, почему так важно, чтобы Карнштейн вышла за Сорроу, — сказала я Сирении.

Она посмотрела на меня, словно в этом был хоть какой-то здравый смысл.

— Но Ваше Высочество, разве Вы не знаете? — подмигнула она. — Ваш отпрыск. Родится еще одна девочка, дочь Кармиллы Карнштейн и Ангела фон Сорроу.

— У нас будет девочка? — я улыбнулась сквозь всю мою печаль.

— Возможно, даже две, — сказала Сирения, и махнула рукой, словно это было пустяком, — Кто беспокоится о цифрах? Дело в том, что одна из них действительно, действительно угроза для Скорби.

— Насколько сильная?

— Ваше дитя, Кармила, сказано, что у него будет сила, настолько неизведанная, что она уничтожит не только всех вампиров в мире, но и все зло.

Глава 46

Мир Сновидений Фейбл

— Где он? — с ужасом в глазах спросила Сирена. Фейбл видела, как вздымается и опускается ее грудь, глаза вглядывались в ночной мрак в поисках парня, который не так давно отрубил ей руки.

— Не знаю, Серена. — Фейбл поняла, что она напугана не меньше ее. Она напомнила себе, что если Локи убьет ее в этом сне, там, в Реальном Мире, в подвале придется ставить еще один гроб. — Проблема сейчас заключается в том, что мы даже не знаем, с какой стороны он нападет на нас, — сказала ей Фейбл.

Она посмотрела на густые деревья, окружающие их. И как только люди находят дорогу в таких лесах?

— Быть может, он не будет нападать на нас, — предположила Серена. — Быть может, с ним что-нибудь произошло. Ведь что-то же его задержало?

— Локи любит играть в игры, помнишь? — сказала Фейбл, удерживая свою испуганную лошадь.

— Похоже, на этот раз ему не до игр. Должно быть, что — то произошло.

— Позволь мне посмотреть, — неохотно предложила Фейбл. Оказалось, что Локи хорош в различных ловушках и уловках. Но почему? Он же ведь сильный и злой, что может в мгновение ока прикончить их обеих. Бессмыслица какая-то.

— Будь осторожна, Фейбл, — произнесла Серена. Фейбл медленно направилась к деревьям.

— Кстати об осторожности. — Фейбл остановилась и обернулась. — Что произошло со мной за последние три месяца? — Если уж она взялась рисковать собой, высматривая Локи, тогда она предпочла бы узнать.

— Ты ведь знаешь, что произошло, — ответила Серена, морщась. — Ты же сама рассказала мне детали.

Фейбл вздохнула.

— Напомни мне, пожалуйста.

Серена выглядела озадаченной.

— Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе обо всем, что произошло с тобой? Прямо сейчас? Это вообще-то долгая история.

Казалось, у Фейбл нет выбора. Серена уже что-то заподозрила из-за поведения Фейбл. Лучше оглядеться в поисках Локи.

Лошадь Фейбл везла ее через непроходимую чащу в темную часть леса. Из-за плохого зрения, она чувствовала себя ужасно. Но вскоре она поняла, что на земле что-то лежит.

Фейбл прищурилась, но увидела ничего кроме силуэта. Она продолжила прищуриваться, пока увиденное не обрело смысл. Она смотрела на единорога Локи, лежащего на земле. Мой Бог! Одна из ног была отрублена.

Бедняжка. Лошадь Фейбл попятилась. Она потуже сжала поводья, продолжая щуриться. И не зря. Приглядевшись, она увидела на земле Локи, он был без сознания. Неужели кто-то отрубил ногу его единорогу и... убил его?

— Фейбл! — взволнованно окликнула Серена издали.

Фейбл развернулась и поскакала быстрее ветра. Если кто-то или что-то убило Локи, против этого ей не выстоять.

— Кто-то отрубил ногу его единорогу, — подъехав, сообщила она Серене. — За мной!

Но Серена на осталась на месте.

Проклятье, Серена.

— Ну, же! — закричала Фейбл, наклоняя голову.

Серена стояла парализованная, показывая на что-то за деревьями. Фейбл пришлось остановиться и обернуться.

Она увидела, что это было. Фигура, одетая в черное, промелькнула во мраке. Должно быть это тот, кто убил Локи. Серена села к ней на лошадь, показывая на нечто.

— Вперед, — закричала Фейбл и пришпорила лошадь. Лошадь запротестовала, но побежала.

— Не оглядывайся, Фейбл, — крикнула Фейбл, пока они мчались. — Нельзя медлить. Мы встретимся с Джеком, даже если ради этого придется вечно бродить по лесу.

Серена кивнула, ничего не ответив.

Немного погодя, лошадь Фейбл обо что-то споткнулась. Она подлетела в воздух, захваченная врасплох, затем упала, ударившись оземь. Миниатюрность Фейбл сыграла ей хорошую службу в ловкости. Она ударилась не очень сильно. Она стряхнула грязь с колен и головы и встала на четвереньки, оглядываясь в поисках лошади. Серена лежала без сознания рядом с трехногой лошадью Фейбл.

Что? Я на что-то налетела? Кто отрубил ноги моей лошади? Кто-то отрубил ноги и лошади Серены. Кто это был? Что за человек в черном?

Она вспомнила о Шу. Все еще ощущая головокружение, Фейбл поползла к ней. Та лежала в нескольких футах, распростершись на земле. Фейбл ползла и ползла.

Что произошло? Как все покатилося ко всем чертям так быстро? Я всего лишь хотела спасти Шу и Локи.

Она поползла быстрее, надеясь, что с Шу, которая все еще пребывала в коме, ничего плохого не стряслось. Но Фейбл так и остановилась на четвереньках. Очень медленно она поднялась на ноги. Что-то темное приближалось к телу Шу.

Глава 47

Дневник Королевы

Четвертый и пятый дни были худшими. Кроме того, что мы голодали, Ангел и я жили на противоположных сторонах плота. Всё о чем он мог думать, всё чего он хотел и жаждал, была моя кровь.

Ангел повторил несколько защитных заклинаний, которым научила его Амалия Хассенпфлаг, заклинания, которые успокоят зверя внутри в него. Это не продлилось долго, впрочем благодаря им, мне удалось расслабиться на несколько часов в течение дня. Потом он пытал удачи, стараясь уплыть, пока сирены притворялись спящими, лишь затем, чтобы понять, что все это ловушка. Они просыпались и начинали петь, пока он находился под водой.

Однажды, его тело настолько оцепенело, что я подумала, будто он вот-вот утонет. Я протянула ему руку помощи, чтобы он забрался обратно на плот. Как только он выбрался из воды, я снова перебралась на противоположный край.

Вот так мы и жили внутри кита. Мы были возлюбленными. Врагами. Заколдованными. Проклятыми. Нас охватило чувство, которое было запретным. Мы делили с ним плот, но все же оставались чужаками в разных кроватях.

Мы были окружены русалками. Нет, на самом деле, кровожадными сиренами. Мы слушали их музыку, но для души она была губительной. Мы были молоды, но ощущали себя глубокими старцами. В принципе, мы жили в сказке, вот только она была мрачной и темной.

— Иди с нами, Кармила, — сказала Сирения, — Мы не раним тебя. Мы сделаем тебя королевой.

— Ты будешь править миром, — предложила другая сирена позади.

— Ты будешь держать луну в одной руке, и солнце в другой, — искушала меня третья, — Ты станешь жизнью.

— Ты будешь Смертью, — завывала четвертая.

— Ты сможешь жить вечно, — сказала пятая.

— Ты будешь иметь все, что пожелаешь, — сказала шестая.

— Ты сможешь чувствовать радость! — произнесла седьмая.

Я ничего не ответила. Я свернулась в позе эмбриона на краешке плота, заключенная между страхом воды и депрессией Ангела. Краем глаза, я видела, как он истязает себя. Он достал из моря рыбий скелет и ранил себя острыми костями. Это было безумие. Думаю, он делал это, чтобы усмирить зверя внутри себя, не кусать девушку, не смотря на пророчество, и тем самым свести всю надежду на хороший конец к нулю.

Я закрыла глаза, дрожа от холодного ветра.

— Почему ты так поступаешь? — начала Сирения. — В мире не существует добра или зла. Нет такого понятия. Лишь ты и твои решения. Тебе не нужно принимать ничью сторону. — Проклятая сирена снова начала напевать мелодию.

— Прекратите! — заорал с другой стороны Ангел.

— Что это за мелодия? — спросила я, надеясь вытянуть побольше информации из русалки. — Почему я не могу ее вспомнить?

— Потому что у Вас к ней не было иммунитета, — ответила Сирения, наконец, открывая одну из тайн. — Если Вы вспомните эту мелодию, Вы сможете перепеть ее, быть может, даже изменить немного, чтобы она не оказывала на Вас подобного эффекта. Если слушать ее слишком долго, она надоест. Что же тогда станет с Ангелом?

— А еще, — продолжила другая сирена, — раз Вам не под силу сыграть ее, Вы не сможете обратить ее против нас!

— Тссс! — Сирения обернулась и ударила русалку по прекрасному лицу. Кажется, она раскрыла секрет, о котором мне не было положено узнать. Если бы я только смогла сыграть эту мелодию, я бы враз отделалась от русалок.

Но почему она не причиняет вреда им, когда они ее поют? Наверное, она не вредит тому, кто ее поет, только тому, кто ее слушает.

Сирения снова повернулась ко мне, делая любезное выражение лица, словно она заботилась обо мне.

— Если вы позволите Ангелу укусить Вас, всему придет конец. Вы оба станете вампирами и эта мелодия уже никогда не навредит вам, потому что вампиры не восприимчивы к ней.

— Я не позволю ему укусить меня! — закричала я. На самом деле, крик вышел слабым. Тонкий голосок, ослабевший от голода, стресса и безысходности.

Ангел ахнул.

— Не провоцируйте его, — захихикала Сирения. — В любом случае, — она всплеснула руками, — Безымянная Ведьма — наилучшее для Вас решение. Она даст вам то, чего вы так хотите.

— Если вы хотите, чтобы я встретила с этой вашей ведьмой, тогда почему вы силком не оттащите меня к ней? — проревела я из последних сил.

— Они не могут, — ответил Ангел, едва держась на ногах. Он не смотрел на меня. Один мой вид мог спровоцировать его голод. Он был все тот же Ангел, только постарел на миллионы лет.

В его волосах стали заметны седые пряди.

— Они теряют свою силу из-за моря. Они могут умереть, если посмеют взобраться на этот плот. — Он сжал кулаки. — Если бы у меня только была сила сразиться с ними.

Не смотря на то, что Ангел был не в лучшей своей форме, сирены отплыли подальше. Как бы мне хотелось подманить их поближе. Но как?

— Ну, он прав. — Равнодушно ответила Сирения, поглядывая на свои ноготки. — Поэтому мы окружили тебя на плоту. Ты с него не сбежишь, но и живыми вы с него не выберетесь.

***

На шестой день, я лежала на спине. Ноги и руки отнялись, во рту пересохло. Я пробовала пить китовую солоноватую воду, но это не помогло. Если Ангел нападет на меня, я ничего не смогу сделать. Я едва вижу.

Где он? Может, в другой части плота?

— Я верю в тебя, Ангел, — медленно произнесла я, с каждым слогом груз на плечах становился все тяжелее.

Он не ответил, но зато я расслышала его слабое дыхание. Самоистязание, должно быть, лишило его сил, это хорошо. Тогда у него не будет сил укусить меня.

— Расскажите мне поподробней об этой мелодии, — попросила я, проверяя, здесь ли сирены, перед глазами все расплывалось.

— Ее создали много веков тому назад, — ответила Сирения, будто рассказывая мне сказку на ночь. — Однажды, Человек с Флейтой был обманут теми, кто утверждал, что знают Слово Божье.

— Крысолов, — сказала я.

— Значит, ты знаешь, с чего началась эта история, — сказала она. — Крысолов создал мелодию, чтобы угодить своим прихотям. Мы знаем об этом совсем немного, и лишь немногие могут играть на Поющих Костях, и эти самые кости разбросаны по всему миру.

— Вроде той, что у Капитана Ахава?

— Да, вроде той, — ответила Сирения. — Не спрашивай меня, как он нашел ее. Ахав — дурень. Он хочет найти Башню Сказок.

— Нет, — запротестовала я. — Он сказал, что хочет найти кита. Сказал, что его не интересуется Башня Сказок.

Сирения рассмеялась над моей наивностью.

— Все хотят найти Башню Сказок, потому что всем хочется отыскать Землю Обетованную, где можно жить вечно в мире, не ведая войны. Разве не поэтому Вы хотите повстречать Леди Шалот?

— Уверена, что Капитан Ахав говорил мне, будто ищет кита.

— Какое вам до этого дела, Ваше Величество? — сказала Сирения. — Вскоре вам предстоит сделать выбор. Очень скоро, Моя Королева.

— Перестань называть меня своей королевой.

— Но так и есть, — ответила Сирения. — Судьбу изменить нельзя.

Упоминание о Судьбе навело меня на одну мысль. Что если это единственно верное решение?

— Шесть дней, Ваше Величество, — прошептала Сирена, склоняясь к моему уху. — Все свершится на этом же плоту через шесть дней. — Ее злобный голос был мелодичным. — Самое большое — семь дней. Никому не удавалось продержаться дольше семи дней.

— Почему? Что произойдет через семь дней?

Сирения не ответила мне. Она вздохнула. Я склонила голову набок, чтобы посмотреть на нее. В ее руках что-то было. Что это? Кости? Человеческие кости?

— С ними произойдет вот это, Ваше Величество.

Она улыбнулась.

— Кит, по имени Моби Дик, сильным потоком воды вычищает все остатки еды каждые семь дней.

Никто не сможет пережить этот потоп, если только он не русалка, конечно же. — Захихикала она. — И не имеет значения, как эти кости заиграют после вашей смерти, музыкой насладиться вы уже не сможете.

Глава 48

Мир Сновидений Фейбл

Фейбл по-прежнему во все глаза смотрела на темный силуэт, парящий над телом Шу. Он был одет в черный плащ. Казалось, у него нет глаз. Нет души.

Фейбл поежилась. Она подвела своих друзей: Локи и Шу..., и, вообще-то, Серену. Но она чувствовала, что должно произойти нечто ужасное. Разве не это чувство преследовало ее еще с момента пробуждения в Реальном Мире?

— Ты жалкая тупая девчонка! — зарычала позади нее женщина.

Фейбл вздрогнула, оказавшись между двух зол. Впрочем, она предпочла пододвинуться поближе к женщине. Человек в черном плаще казался куда страшнее.

— Что ты натворила? — продолжило существо позади нее. Определенно голос женский, но она выглядела несколько..... На что же Фейбл смотрела? Деформированная, маленькая, но очень широкая фигура, похожая на женщину. У нее было некрасивое лицо и кривой нос: длинный и изогнутый с двумя большими волосатыми отверстиями. Из-под ее плаща показались куриные ноги.

Фейбл ахнула и непроизвольно сделала шаг назад. Куда же ей бежать?

Беги отсюда, промелькнуло в голове, но в последнюю минуту она отбросила эту мысль. Она ведь пока дышит, не так ли? Тогда она будет драться до конца. Она задумалась в поисках волшебного заклинания, чтобы сразиться с этим существом. Но на ум ничего не пришло. Ей словно рот паутиной залепили. Заклинание разделения сердца сейчас оказалось бесполезным.

— Что, во имя Крысолова, ты сделала? — Существо/женщина просеменила к неподвижному телу Шу. Фейбл отпрянула, когда та проходила мимо, заметив, что человек в

черном плаще исчез.

— Что ты наделала? — повторила женщина, подняв Шу на руки, причитая, словно мать, потерявшая своих детей. Как такое чудище могло жалеть Шу? Зачем она задавала этот вопрос Фейбл? Риторическим он не был. Она, правда, хотела знать ответ.

— Я... - Фейбл колебалась. — Я использовала заклинание.

— Заклинание? — Уродливое лицо женщины стало еще уродливей, почти как у гоблина. — Какое еще заклинание?

Фейбл откашлялась. Кем была эта женщина? Неужели она, правда, хотела помочь Шу?

— Заклинание. — Фейбл пожалала плечами. Как ей объяснить, что она не знает, откуда узнала об этом заклинании? — Которое разделило сердце Шу между нами.

— Нами?

— Эммм, Семерыми Потерянными. — Зачем она это сказала? — Элис! — Она вскинула голову к пышным кронам деревьев над своей головой. — Чармвилль! — завопила она. — Кто-нибудь, помогите мне!

— Что ты сделала, ты, маленькая, дрянная ведьма? — Женщина, наконец, обличила свою темную сторону. Казалось, ей есть дело до Шу, но она явно не была добренькой. Господи Боже, от нее так плохо пахло, тухлой курицей и... кровью. — Тебе хоть известно, на каком языке это заклинание? — Женщина разговаривала с Фейбл так, будто бы знала ее давным-давно. Затем, она бросила Шу наземь и схватилась руками за голову, словно скорбящая мать на могиле. — Милейшая моя Королева Скорби, простите мне глупость этой девчонки, — воскликнула она.

Королева Скорби?

Фейбл стояла, недоумевая. Почему эта женщина так испугалась? Почему ее так волнует это заклинание?

— Посмотри только, какая Принцесса бледная, — продолжила женщина.

Фейбл заметила, что Шу стала бледнее обычного. В Реальном Мире, в качестве вампира-полукровки она всегда была бледной. Но сейчас ее бледность стала отчасти голубоватой, а кожа по необъяснимым причинам начала дрябнуть. Неужели Фейбл что-то напутала с заклинанием? Не об этом ли говорила ей женщина?

— Как давно ты произнесла заклинание? — спросила женщина.

Фейбл не стала отвечать. Эта женщина выглядела так, словно хотела обидеть Шу.

— Твои друзья умрут, если не скажешь, — прорычала женщина.

— Около десяти минут назад. — Сдалась Фейбл, она начала волноваться. Не смотря на все их различия, казалось, они обе сейчас пекутся о безопасности Шу.

— Тогда еще есть надежда, — сказала женщина.

— Надежда на что? — спросила Фейбл, бросая взгляд на Серену, которая все еще была без сознания.

— Ты перепутала заклинание. Это одно из самых сложных, чтобы запомнить его наизусть. Оно написано на древнем языке Тоски, так что ничто из тобою сказанного не было тем, о чем ты, по-твоему мнению, думала. Слова звучат как другие слова, и ты не знаешь наверняка, ты, дрянная ведьма.

— Но я ощущаю вес ее сердца в своей груди. — Фейбл дотронулась до своей груди. Это была правда. Она почти не имела власти над заклинанием в пещере, но она на самом деле почувствовала, что ее сердце стало тяжелее.

Она не знала, как объяснить все это, но это была правда. Это напомнило ей о том, как

Шу утверждала, что ощущает любовь к Локи в своей сердце там, в Реальном Мире. Сейчас казалось смешным и бессмысленным, но теперь Фейбл поняла.

— Быть может, это правда, впрочем, я не уверена, — ответила женщина. Она достала огромный сверкающий нож и направила его на Фейбл. — А вы себя не спрашивали, как Принцесса Белоснежка будет жить после трансформации? Если она отдаст каждому из вас по частичке своего сердца, тогда чье же сердце будет биться в ней, пока она не соберет все части назад?

Фейбл открыла рот от собственной наивности. Это имело смысл с логической точки зрения. Но какая может быть логика, если все это сон?

— То есть, у нее сейчас внутри нет сердца? — Фейбл чуть не ударила саму себя за вопрос. Конечно же, нет. — Но... — Она потеряла дар речи, на глаза навернулись слезы.

Неужели я убила Принцессу Скорби? Вместо того, чтобы спасти ее и Локи, я ее убила?

— Тебе не стоило разучивать это заклинание, никогда!

— Я не помню, откуда я узнала его. — Из-за слез Фейбл начала икать. Она все испортила. Не было никаких сомнений. Она не заслужила быть одной из Семерых Потерянных.

— Не лги мне, — закричала женщина. Двигалась она медленно, но весьма театрально и переигрывала. От ее воплей птицы вспорхнули с деревьев и улетели. — Ты меня знаешь. Я не люблю, когда ты мне врешь!

— Что? — огрызнулась Фейбл, больше не в силах все это терпеть. — Я вас даже не знаю. Кто вы такая?

— У нас нет времени играть в игры, Фейбл. — Она начала перетаскивать Шу на другое место. — Нам нужно найти сердце для Принцессы Скорби прямо сейчас, или она умрет.

Нам? подумала Фейбл. Значит, у нее все еще есть шанс все исправить? Но погодите...

— Кто вы такая? — Топнула она ногой и прорычала на уродливую женщину.

— Говоришь, что не помнишь меня? — Женщина, кажется, поморщилась, но по ее чертам лица было трудно сказать. — Да что с тобой случилось? Я — Баба Яга.

Глава 49

Дневник Королевы

Я сделала это на седьмой день.

Ангел сидел на краю плота, уставившись на меня алыми глазами. Более он не был собой. Все то хорошее, что осталось в нем, удерживало его от того, чтобы напасть на меня, словно леопард на жертву. Мне не хватило мужества выдержать его взгляд. К концу дня мы погибнем внутри кита. Или так, или он укусит меня и положит конец всему добру, что я привнесу в этот мир, если только пророчество окажется правдой. Или же я могла просто сдаться русалкам и позволить им отвезти меня к безымянной ведьме, не зная, что она уготовила для меня, разлучившись с Ангелом.

Я решила, что правильной будет осуществить пророчество. Я сердцем ощущала, что это верный выбор. А я ни на что так не полагалась в этом путешествии, как на свое сердце. Порой, оно подводило меня, но в большинстве случаев оказывалось право.

Однажды у меня будет ребенок или дети от Ангела, который избавят наш мир от всякого зла. А пока мне нужно быть сильной.

— Ваше Высочество. Ваше Высочество. Ваше Высочество, — звала меня Сирения. —

Вам не кажется, что на этот раз Вам следует все же пойти с нами? Вам ведь не захочется попасть к киту на обед?

— Я пойду с вами, — ответила я. Ангел, не отрываясь, смотрел на меня. Он ухмылялся, словно собирался напасть на меня прежде, чем я сбегу с русалками.

— Мудрое решение, Моя Королева, — сказала Сирения, и протянула мне руку. — Позвольте?

— Но сперва, мне нужно, чтобы вы помогли мне кое с чем, — ответила я.

— К Вашим услугам, Моя Королева. — Она склонила голову. Сирены за ее спиной выглядели взволнованными.

— Судьба.

— А что с ним?

— Он ваш повелитель, верно?

— Ну... — на лицах сирен проступило отвращение. — Он повелевает нами. Видите ли, он обладает силой над многими в этом море. Хвала Господу, что Моби Дик ему неподвластен. Нам не нравится Судьба, но нам приходится притворяться. А вот безымянная ведьма нам по душе. — Ее лицо засияло. — Она не живет в море, поэтому с ней Вы будете в безопасности, подальше от Капитана Крюка.

— Не могу, — ответила я. — Я продала ему свою душу.

— Что? — вскрикнули сирены. Они отпрянули от меня, сморщив носики. — Зачем Вы так поступили? Когда Вы успели?

— На Пекоде, — солгала я. — Прямо после урагана. Вы все испугались и уплыли. У меня не было выбора.

— Ну, тогда Вы сможете вернуть свою душу в течение семи дней, — сказала Сирения, словно я уже знала об этом.

Я подавила улыбку. Не знаю, что я делала в тот момент. Я просто хотела отделаться от них, угодив в лапы Судьбы.

— Точно, — сказала я. — Вы должны доставить меня к нему. Я продала ему свою душу в то утро, когда утонул Пекод. Сегодня мой последний шанс. Вы мне поможете?

— Конечно, — сказала Сирения, снова приблизившись ко мне. — Бедняжка, продали свою душу Судьбе. — Они окружили плот. — О чем Вы только думали? Разве Вы не знаете, что произойдет с Вами в будущем, продай Вы ему свою душу? Он ведь питается людскими страданиями.

— Я не могла рассуждать трезво, — ответила я. — Как тогда, когда я отказалась встретиться с безымянной ведьмой. Теперь я сожалею об этом.

— Мы прощаем Вас, Моя Королева, — сказала Сирения. — Она тоже простит Вас.

Все оказалось проще простого. Но это сработало. Сирены были злыми, безжалостными и хитрыми, но они все равно оставались сиренами. Они практиковали то, как я уже позднее узнала, что называли всеобщим грехом: глупость.

Они соорудили для меня плот. Я ушла от Ангела, не обернувшись, в противном случае они распознают мою слабость и заподозрят меня в обмане. Если все пройдет удачно, я еще вернусь к нему.

Пока сирены гребли, они напевали свои русалочьи песенки. Забавные, смешные и бессмысленные.

Греби, лодочка, греби скоро.

Русалочка на дне моря.

Мир оказался безумнейшим местом. Боги прятались за личиной зла. Счастливые концы были всего лишь сказкой. Выживание требовало каждодневного труда. Ни черного, ни белого. Большинство вещей скрывались за вуалью серого. Не существовало оттенков шоколада или молока. Повсюду властвовала кровь, цвет жизни. Кровь хороша только тогда, когда дана тебе во спасение жизни, но берегись, если ты растратил ее слишком много. Я потихоньку училась играть в жизнь. Порой у меня все же возникало ощущение, что в этой игре я так и останусь новичком.

Вцепившись в свой мешок, я позволила им отвезти меня к Веселому Роджеру. Я подумала, что, наконец, поняла предназначение мешка, который Зола дала мне. Она сказала, что ей не интересно, что там внутри, зато интересна ценность самого мешка; ее мать дала его ей много веков назад. Мне также было не интересно, что внутри, хотя Капитан Ахав утверждал, что я смогу вызвать Лунную Девушку при помощи этого. Мешок придавал хоть какое-то значение моему путешествию. Если бы не он, я не смогла бы бороться с судьбой. Существовала некая вероятность, что однажды я смогу отдать его Леди Шалот, и поступить тем самым правильно, получить вознаграждение на всю свою оставшуюся жизнь.

Я ощущала, как он греет мой живот, взбираясь на судно Капитана Крюка. То, что я собиралась сделать, было совсем неправильно. Но на данный момент, это было единственно верное решение. Пока что.

Сегодня я решила выжить. Я выбрала меньшее из двух зол. Завтра мне предстоит еще одна схватка. А после еще одна, и я не намерена сдаваться.

Глава

50

Мир Сновидений Фейбл

— Для того, чтобы Принцесса Скорби могла жить, нам нужно временное сердце и оно нужно нам прямо сейчас. — Баба Яга взмахнула своим сверкающим ножом в сторону Фейбл. У них не было времени обсуждать, что только что произошло и что происходит сейчас. — Нам нужно немедленно разрезать ей грудь и вложить сильное сердце, пока мы не соберем частички ее сердца от каждого из вас!

Фейбл поняла, что теперь ей и Бабе Яге нужно работать сообща, чтобы спасти Шу, у каждого были на то свои причины. Фейбл хотела спасти друга, которого любила и удостоверить, что они будут жить с Локи, может быть даже, долго и счастливо в Реальном Мире. Баба Яга хотела спасти Шу для Королевы, чтобы та смогла однажды завладеть ее сердцем.

— Может, возьмете мое сердце? — спросила Фейбл, не совсем уверенная в искренности своего предложения.

— Я бы разрезала тебя на кусочки и пожарила в своем подвале прямо сейчас, — ответила Баба Яга. — Твое сердце не подойдет. Не подойдет даже сердце этой стеклодувщицы, что лежит на земле.

Серена определенно заснула далеко и надолго. Фейбл задумалась, почему их сердца не подходят, чтобы спасти Шу.

— Ваши сердца не подойдут, потому что если заклинание сработало, тогда они весят больше двадцати одного грамма, — объяснила Баба Яга. — И всепотому что этой глупой

вселенной требуется соблюдать баланс, Шу нужно сердце весом двадцать один грамм, чтобы остаться в живых.

— Вы имеете в виду парня или девушку шестнадцати лет или даже старше? — Фейбл вспомнила разговор Семи Потерянных.

Но если вселенная требовала баланса в определенном весе сердца, что тогда случится с ними, ведь они осмелились выступить против? Лэдл была права, когда сказала, что для Семи Потерянных последствия могут оказаться плачевными. На волнения времени не осталось. Им нужно было немедленно спасти Шу.

— Сколько у нас времени? — спросила Фейбл.

— Не уверена, но попытаться стоит. Вот только примет ли она новое сердце или нет, — ответила Баба Яга, укладывая Шу в специальную позу для ритуала. Больше было похоже на операцию по пересадке сердца в Реальном Мире. — Ох, Королева Скорби, простите меня, — причитала Баба Яга. — Королева выпьет мою кровь и уж точно искупается в ней с молоком и шоколадом, после того как узнает, что произошло с ее дочерью.

Она пнула Шу своей куриной ногой, надеясь, что та просто очнется.

— Думаешь, я пытаюсь спасти ее жизнь, потому что она мне нравится? — Она взглянула на Фейбл. — Я должна спасти ее, так что мы вернем ее назад, или же Королева никогда не сможет завершить превращение. Она проведет остаток жизни, выпивая кровь юных девушек, чтобы оставаться красивой...или хотя бы на половину красивой.

— Дайте мне пару минут, — сказала Фейбл. — Я — быстрый бегун. — Раз уж Баба Яга поотрубала ноги лошадям, так что ими не воспользуешься..., да, это сделала Баба Яга, разве нет? Фейбл пришлось бежать. — Я вырву сердце первому, кого встречу. — Она сама не поверила, что только что сказала. Без сомнений, с ней уже что-то было не так.

Глубоко внутри себя она ощущала присутствие тьмы. Те заклинания, должно быть, изменили что-то в ней. — Вы уверены, что это не обязательно должно быть сердце девушки? — спросила она, готовая сорваться на бег.

— Нет, — раздался спокойный голос из темноты. Фейбл замерла. То был не голос Бабы Яги. — Сердце молодого человека подойдет идеально, — продолжил голос.

Фейбл услышала, как что-то тащат по грязной земле, словно у говорящего был тяжеленный мешок. Это была женщина. Не будь Фейбл такой измученной, растерянной и подавленной из-за провала своей миссии, она бы узнала ее немедленно.

Фейбл обернулась, увидев, что Баба Яга упала на колени, прося милости, когда человек в черном плаще приблизился к ней. Баба Яга будто бы умоляла его. Погодите. Это не Баба Яга отрубала ноги лошадям. Это был мужчина в черном плаще. И это был даже не мужчина. Это была женщина.

Женщина остановилась над телом Шу, ее походка была даже слишком уверенной. Она подождала нужного момента, чтобы стянуть капюшон. Фейбл в изумлении уставилась на Королеву Скорби.

Глава

51

Дневник Королевы

Судьба посиживал на плетеном стуле. Легкие волны раскачивали его корабль. Не отрывая от меня глаз, он хлебнул эля. Он был счастлив, горд, словно свершилась мечта всей

его жизни. Я одиноко стояла, стиснув в руке мешок, думая, чем же все это закончится. Я снова будто оказалась дома, в Штирии и со мной снова обращались как с принцессой. Люди стекались со всей Европы, чтобы благословить меня и поцеловать мою руку. Впрочем, я не ощущаю себя благословленной.

— Я видел с тобой русалок, — сказал он, поглаживая свою заплетенную в косу бороду.

— Я солгала им, — отвечаю я. — Они думают, что я продала тебе свою душу и теперь пришла, чтобы вернуть ее обратно. Они полагают, что я могу вернуть душу в течение семи дней.

— И ты знаешь, что это не так, верно?

— Наверное, — ответила я. — Почему никому не дозволено вернуть свою душу в течение семи дней? Да, ты злой человек, зависимый от печали. Мне с трудом верится, что ты бы так легко ее отдал.

— Печаль для меня что наркотик. — Глаза были сонными, но внимательными. — Даже выразить не могу, как сильно я люблю ее! — Он топнул ножицей по палубе корабля. — Все эти катастрофы, смерть, голод, крики, боль. Как сладко. Порой, мне хочется, чтобы какой-нибудь волшебник изобрел волшебный шар, в котором бы показывали человеческие страдания. Снова и снова. Тогда, мне незачем было бы покупать все эти души, — весело проревел он.

Я ничего не сказала. Я была овцой, ожидающей своей очереди за дверью скотобойни.

— Значит, ты их одурачила? — Казалось, на мгновение он задумался о чем-то. — Мне всегда нравились умные женщины. Стало быть, сейчас ты все же согласишься продать мне свою душу?

— У меня нет выбора, — объяснила я. — Или же я позволю любимому укунить себя и тогда конец пророчеству, или же меня через семь дней погубит кит. Или же вообще сдать себя безымянной ведьме, о которой я даже ничего не ведаю.

— Ах, — вздохнул он. — Безымянная ведьма. Кто знает, кто она такая на самом деле? Прошу, продолжай.

— Русалки сводят нас с моим возлюбленным с ума, оказывая на нас постоянное давление. По иронии судьбы, ты моя последняя надежда. Знаю, я проживу жизнь в горестях, после того, как продам тебе свою душу, но это мой единственный способ уйти от кита и русалок.

— Хмм... — он остановился, играя своей бородой, — Скажи мне, Кармила. Что заставляет тебя оставаться такой сильной?

— Ты думаешь, я стала сильной? — я нервно хихикнула.

— Так и есть. Просто ты не знаешь этого, — сказал он, почесывая голову крюком. — Когда тебя окружает горе, ты даже порой не сознаешь того, насколько ты сильна на самом деле. Потому что ты в шоке под воздействием всех тех событий, что происходят с тобой. Фактически, ты идешь вперед, не оглядываясь на всех тех, кто корчится от боли, в то время как ты — нет.

— Разве?

— Разве ты этого не видишь? — сказал он. — Разве ты не видишь, что большинство людей на Пекоде умерли, а ты — нет? Не думала о том, что многие погибали внутри Моби Дика, а ты — нет? Ведь это не твои сейчас обглоданные кости в руках русалок. Вот она ты, живая и здоровая, готова к следующей схватке. — Он замолчал, чтобы подумать. — Неужели ты не видишь, что ты нашла свою Истинную Любовь, пока большинство людей ищет и не

находит?

— Если ты так сильно мною восхищаешься, почему просто не отпустишь? — взмолилась я. — То есть, мы могли бы притвориться, что я продала тебе свою душу, и ты ни за что мне ее не вернешь. Сирены оставят меня в покое, а я смогу спасти возлюбленного.

Крюк надулся.

— Мне очень жаль, Кармила, — произнес он. — Быть может, я разумный человек. Порой весьма красноречивый. — Он хлебнул эля и отрыгнул. — Но я злой. — Он снова отрыгнул, и у него изо рта выпала мертвая рыбина.

— И мне это нравится! — Он поднял бутылку и посмотрел на меня. — Кроме того, ты слишком хороша, чтобы тебе отказывать. Я имею в виду, твоя душа стоит тысячи душ. Для меня ты жемчужина печали.

Я украдкой глянула на сирен, потом снова посмотрела на него. Я вымоталась настолько, что по иронии судьбы была рада оказаться здесь. Была ни была, подумала я.

— Что я должна сделать, чтобы продать свою душу тебе?

— Всего ничего. — Он разбил бутылку о голову моряка и поднялся, поправляя сюртук. Он вытер рот, словно собирался целоваться. — Я спрошу, согласна ли ты, Кармила Филип Карнштейн, продать мне свою душу, — сказал он, — И все, что тебе нужно сделать, это сказать: я согласна.

— Только и всего?

— Только и всего. — Он распростер руки, словно шут, приоткрыв рот.

— И русалки с безымянной ведьмой оставят меня в покое?

— Как только ты станешь моей, они не посмеют навредить тебе, — сказал он, затем повторил свое предложение.

Я кивнула и сказала:

— Я согласна.

Он чуть не подпрыгнул, затем сказал:

— Пока скорбь не разлучит нас.

В ту ночь я не могла унять слез. Не то чтобы меня обманули на продаже души. Я сделала это добровольно. Да и церемония оказалась куда проще, чем я думала. Я позаботилась о том, чтобы вернуться обратно к Ангелу. Конечно, мы будем жить в печали и горестях, но зато вместе. И я выношу его дитя, во что бы то ни стало, чтобы оно смогло спасти этот мир.

Глава

52

Мир Сновидений Фейбл

Перед Бабой Ягой и Фейбл появилась Королева Скорби. Она до сих пор была одета в королевские одежды. На ее одежде не было ни пылинки, словно она шла, не касаясь земли.

Она медленно приблизилась к Фейбл, не показывая гнева. Ее подбородок был высоко вздернут, а корона увита золотыми косами волос. Она что-то волокла за собой, прямо по лесной земле.

— Мне искренне жаль, Моя Королева, — причитала Баба Яга. — Умоляю, пощадите меня. Это все Фейбл виновата.

— Так ее зовут Фейбл? — спросила Королева. — Снова та самая веснушчатая девчонка? Фейбл охватил ужас от близости Королевы Скорби. Неужто она снова собиралась

околдовать ее зачарованными хлебными крошками? Но Королева почти не обратила на Фейбл внимания. Она разглядывала свою дочь, которая вот-вот должна была умереть и отказаться от своего самого востребованного сердца.

Королева обошла свою дочь, по — прежнему волоча нечто за собой. Теперь, в лунном свете, Фейбл увидела что это. Тело. Сердце Фейбл пропустило удар. Какой же жестокой, неблагодарной и эгоистичной была Королева Скорби. Она тащила за собой бездыханное тело Локи. Кармила Карнштейн привыкла извлекать выгоду из чего угодно. Она отрубилла ногу единорогу Локи, что волочь на ней тело. Насколько жестокой была эта женщина, даже хуже того, кто защищал ее? Своего обожаемого Охотника. Фейбл определенно не знала, что же делать сейчас.

— Иди, помоги Бабе Яге достать новое сердце для Шу, пока не стало слишком поздно, — приказала Королева, глядя на Фейбл.

Фейбл желала сделать все возможное в интересах Шу, но на счет сердца она была не уверена. О чем сердце говорила Королева Скорби?

— Вы имеете в виду дать ей сердце лучшего Охотника? — прокаркала Баба Яга.

— Если у моей дочурки, даже не смотря на то, что я ее ненавижу и желаю ей сдохнуть, все же появится сердце, пусть оно будет сильным, чтобы она смогла выжить и собрать для меня все частички своего сердца у этих сопливых мальчишек и девчонок, которые называют самих себя Семерыми Потерянными, — сказала Королева. — Сердце Локи сильное. Давай же, сделай это.

— Но Локи ненавидит ее, Моя Королева, — возразила Баба Яга. — Какая жизнь ее ждет?

Королева усмехнулась.

— Он ненавидит ее, тем не менее, ему не хватило духу поймать ее, когда она сбежала. Сказать по правде, он мне нравится. — Она бросила на него взгляд. — Но он не справился с миссией, которую я постоянно поручала ему. Я бы хотела наказать его: как по мне, оставить его сердце в теле той, кого он ненавидит — лучшее наказание.

— Едва ли ей станет известно, что это его сердце, — сказала Баба Яга. Казалось, у нее есть опыт в подобных делах. — Такое случается крайне редко. Но если и случается, то...

— Ты теряешь время, Баба, — произнесла Королева. — Я и тебя убью, если ты не спасешь временную жизнь моей дочери. Теперь давай, делай что нужно, пока не стало слишком поздно.

Фейбл была категорически против этого. Кого же ей спасти на этот раз: Локи или Шу? Она стояла, парализованная, наблюдая, как Баба Яга вскрывает грудь Шу, произнося заклинания. Они пытались исправить одну ошибку другой, проблема осложнялась еще тем, что Фейбл не в полной мере осознавала все происходящее.

Фейбл продолжала наблюдать, голова кружилась, взгляд метался между Локи и Шу. Если она их остановит — она спасет Локи, вот только Шу умрет. Если она не вмешается..., действие тем временем уже развернулось полным ходом, тогда...погодите. Что тогда?

Ритуал не казался слишком уж сложным для Бабы Яги. Резать, есть и менять сердца в Скорби вообще было делом привычным. Фейбл согласилась помочь Бабе Яге лишь для того, чтобы оказаться поближе к Локи и тайком стянуть его Руно себе в карман. Это было так легко. Даже слишком. Глядя на Руно Локи, Фейбл не могла поверить своим глазам. Но какой ценой оно добыто? Неужели это на самом деле произошло в прошлом? Ну, конечно же. Все здесь было воспоминанием, как и предупреждала Бабушка. Вряд ли Фейбл могла изменить

хоть что-либо.

Взгляд Фейбл метнулся к Серене, которая была без сознания, и удивилась, неужели Серена так испугалась Королеву Скорби, что инсценировала обморок. Но Серена ведь так любила Шу.

Слишком много мыслей теснилось в голове Фейбл, но выжить, было самой главной. Она знала, что Королева убьет ее, как только Шу оживет с бьющимся внутри нее сердцем Локи. Она должна быть готова. Фейбл ждала и с восхищением наблюдала, как Шу сделала первый вдох. Было похоже, что у нее кружится голова, а в глазах отражается тьма Локи, но она была жива.

Затем, ей внезапно стало хуже.

— Шу! — закричала Фейбл.

Королева Скорби схватила ее и яростно отшвырнула ее на несколько футов назад. Фейбл увидела, как Шу возвращается к жизни, хватая лесной воздух ртом, словно новорожденное дитя. Баба Яга улыбнулась Королеве, которая предпочла замаскировать свое удовлетворение воплем. Она приказала Бабе затащить Шу обратно в Королевскую Карету в лесу.

Фейбл огляделась в поисках Серены и увидела, что та уже исчезла. Значит все это время она был в сознании, просто хотела удостовериться, что Шу жива. Умная девчонка.

Фейбл, не колеблясь ни секунды, ударила толстую бабу Ягу складным ножом. Бедная девушка была в полнейшем шоке. Фейбл опустилась на колени и схватила Шу прежде, чем Королева нападет на нее.

— Помни, я сделала все это ради тебя и Локи, — произнесла Фейбл. — Я старалась из всех сил.

Шу, дрожащая и дезориентированная, казалось, вовсе не узнала Фейбл.

— Руки прочь от моего сердца, — зарычала Королева на Фейбл. У нее даже не возникло мысли сказать "руки прочь от моей дочери".

Фейбл запустила пригоршню земли в лицо Королеве. После со всех ног устремилась во тьму леса.

— Чармвилль! — закричала она во мраке. Рано или поздно Королева схватит ее. Все, чего хотела Фейбл, чтобы этот сон закончился. Ей ведь в итоге удалось достать то, чего она хотела, так ведь? — Прошу, помоги мне. Я нашла то, зачем пришла!

— Я здесь, Фейбл, — раздался голос.

Фейбл остановилась. Это была Элис Гримм.

Глава

53

Дневник Королевы

Ангел и я купили маленькую лодку у рыбака на близлежащем островке. Судьба, виновник всех моих горестей, неожиданно расщедрился и вывел нас на него. Мы знали, что оставаться на острове нельзя, Ночная Скорбь отыщет нас. Мы купили немного еды, отработав ее, затем отправились на лодке обратно в море в новое путешествие, в поисках Башни Сказок.

Нас тут же окружили сирены, проклиная и пытаясь напугать нас. Иногда ночами они снова и снова напевали свои мелодии. Но лодка была настоящим благословением. Ночи

были суровы, но мы продолжали спасаться бегством.

Меня так и подмывало вернуться и расспросить Судьбу, почему русалки до сих пор преследовали нас, но мне не хотелось лишний раз напоминать ему о себе. С нашей последней встречи не произошло ничего плохого. Неужто он позабыл обо мне или просто ждет подходящего случая? В конце концов, Судьба считал, что самое худшее приходит вслед за счастьем. Полагаю, он ждал, когда я по-настоящему стану счастливой, и вот тогда он нанесет свой безжалостный удар.

Но нам с Ангелом было все равно. Жизнь не слишком уж изменилась. Опасности по-прежнему подстерегали нас на каждом шагу. Кто знает, что ждало нас впереди? Но пока мы были вместе, все было хорошо. До тех пор, пока мы не отыщем Башню Сказок.

Однажды ночью, когда было полнолуние, я решила открыть мешок. Теперь я знала, что его первостепенной задачей было удержать внутри нечто, впрочем, меня даже не волновало, что я там найду.

Ангел крепко спал, когда я сунула руку в мешок, словно ребенок, который пытается стянуть подарок из-под носа у родителей. Руки сомкнулись на круглом предмете. Тарелке. Я вынула ее. И уставилась на нее. Белая тарелка, среди всего прочего в мешке. Она была самой большой.

Что есть луна, как не белая тарелка? Вспомнились мне слова Капитана Ахава. Ты смогла бы сама призвать луну.

Я поморщилась от одной только мысли. Затем я подняла взгляд на луну в небе. Я подняла тарелку и увидела, что они с луной похожи. Что если это правда? Я закрыла тарелкой луну в небе.

— Ты настоящая? — прошептала я, смущенная тем, что я подумала. Кто бы поверил Капитану Ахаву?

Я опустила тарелку, собираясь просмотреть остальные вещи из загадочного мешка. Но затем я снова это увидела. Луна мне улыбалась.

Ну же, Кармила. Этого не происходит.

Снова, я закрыла тарелкой луну в небе и начала играть в прятки с ней. Она снова улыбнулась мне, но когда я ловила ее, она замирала. Я протерла глаза и посмотрела снова. Она не улыбалась. Конечно же, нет.

Я убрала тарелку на место и решила, что лягу спать, не разглядывая остальное содержимое мешка. Я предпочла теплые объятия Ангела луне. Но затем она появилась. В смысле... ОНА пришла.

Я увидела спускающееся с неба сияние, кружащее вокруг нашей лодки. Крошечные разноцветные рыбки всплыли, радуясь свету. Но никаких сирен и прочих злобных существ. Они умолкли, заскрипев зубами. Свет был слишком ярким. Я прикрыла рукой глаза. Затем он слегка потускнел, и я увидела, что это вовсе не луна. Когда глаза привыкли к свету, я увидела сияющую девушку, которая шла ко мне. Она была моложе меня. Она ступала прямо по воде.

— Привет, Кармила, — она улыбнулась.

Я не смогла вымолвить ни слова, мои глаза широко распахнулись, глядя на чистый белый свет.

— Ты настоящая, — я ахнула.

— Конечно, — сказала она. Мне хотелось разглядеть ее получше. — Но ты никогда не показывалась...

— Шшш, — сказала она, — Еще слишком рано говорить об этом. Ты на правильном

пути, пока что. Ты все делаешь очень хорошо.

— Ты наблюдала за мной? — сказала я, — Тогда почему ты не...

— Не спасла тебя? — сказала она, — Это правда. Я помогаю добросердечным людям переплывать море ночью. И иногда я сражаюсь за них. Но делаю я это только для тех, кто в первую очередь боролся за себя. Я не смогу тебе служить, пока ты не начнешь служить себе. Посмотри, что ты сделала, — она улыбнулась, указывая на спящего Ангела, — Он пока не знает, что бессмертен.

— Что?

— Из-за тебя, Кармила, — сказала она, — Ты любишь человека так глубоко, что ты наградила его бессмертностью с помощью Истинной Любви.

— Истинная Любовь, — слова растаяли у меня во рту, — Ангел бессмертный.

— Теперь, не волнуйся, — сказала она, — Я буду заботиться о тебе, в твоём путешествии к Башне Сказок, насколько мне позволено.

— Правда?

— Но в первую очередь, дай мне кое-что проверить, — сказала она, — Ты можешь засунуть руку в свой мешок и пересчитать то, что внутри? Включая, тарелку в твоей руке, конечно.

— О, — я сделала, как она просила.

— Ты не должна вытягивать их и смотреть на них, — сказала Лунная Девушка, — Просто пересчитай.

— Шесть предметов, — я порылась в мешке, не глядя.

Лунная Девушка не выглядела счастливой.

— Подожди, — сказала я, — Семь. Ещё есть маленький мешочек... с чем-то.

— С бобами? — Лунная Девушка кивнула, её лицо снова засияло, — Это хорошо, Кармила. Тарелка в твоей руке принадлежит мне. Она напоминает меня, когда я полная. Береги их, как зеницу ока. Это твой билет к Скорби, как только ты доберешься до Башни Сказок.

— Скорби? — я уже стала презирать это слово.

— Королевство Скорби, — сказала Лунная Девушка, — Твоя судьба, и судьба каждого из нас. Мы рассчитываем на тебя.

— Вы? — я не знала, что она имеет в виду, — Рассчитываете на меня?

Лунная Девушка ничего не ответила. Она поцеловала меня в лоб и упорхнула, прежде чем я успела что-либо понять, она оставила меня одну в бездонном море.

— Ещё одна вещь, Кармила, — она окликнула меня.

— Да? — я поднялась, глядя в ночное небо.

— Передай этому подонку, Капитану Ахаву, что я — настоящая. — Она вернулась обратно на небеса, улыбнувшись мне и снова обернувшись луной.

— Конечно же, — я засмеялась, — Если когда-нибудь увижу его снова.

Глава

54

Сахарный Домик

Фейбл сидела на крыльце Сахарного Домика, уставившись на хлебные крошки в своей ладони. Они принадлежали ей, те самые, которые были с ней во время путешествия в Мир

Сновидений. Лишь Фейбл, да эти самые хлебные крошки знали, что на самом деле произошло там.

Она обернулась и заглянула в дом, увидев как Шу и Бабушка хлопочут над воскрешением Локи. Теперь, когда ей удалось заполучить его Руно обратно, ритуал воскрешения займет день или около того, по словам Бабушки.

Фейбл смотрела на них пустым взглядом. Она видела перед собою мать, которая желала вернуть своего сына к жизни, не зная, каким на самом деле чудовищем он был. После она перевела свой взгляд на Шу: у той до сих пор было разбито сердце, и она чувствовала себя виноватой после того, как ей пришлось убить Локи в своем Дримори. Как мало знала Шу о том, что внутри нее бьется сердце Локи. Еще меньше она знала о всей той лжи, в которую сама же и верила.

Лицо Фейбл посерьезнело. Не было никакой Истинной Любви. В Шу просто напросто билось сердце Локи. Его настоящее сердце. Но она не знала об этом. Поэтому у нее не было воспоминаний о том, как они с Локи полюбили друг друга... лишь одно сомнительное воспоминание из Мира Между Снами, когда он попросил ее спасти его. Оказалось, что Шу полюбила Локи потому, что его сердце билось у нее в груди по воле злобной ведьмы, которая ела детей и отправляла Королеве Скорби девушек для кровавых ванн.

Фейбл ни слова не рассказала Шу. Она сказалась уставшей и отложила разговор, пока не выспится, как следует. Фейбл хотелось обдумать все это, прежде чем она расскажет им правду, которая пока не имела никакого смысла. Правду, которая причинит Шу огромную боль. Правду, основанную на лжи.

Она поднялась, открыла дверь и вошла. Ни Бабушка, ни Шу ее не заметили. Ну, конечно же, все внимание было обращено на Локи. Кем был этот парень, которого они воскрешали? Фейбл сходила с ума. Как он мог быть таким милым в Реальном Мире и одновременно кем-то иным в Мире Сновидений? Этот парень никогда не был влюблен в Шу. Из всего того, что я видела, все было ложью. Красивой ложью? Сомневаюсь.

Она вспомнила встречу с Элис Гримм, прямо перед своим возвращением из Мира Сновидений. Она спросила ее об истории Локи, но Элис ответила, что у нее не хватит времени, чтобы все объяснить. Она помогла Фейбл вернуться в Реальный Мир, и попросила ее придерживаться плана воскресить Локи, чтобы он в свою очередь помог воскресить Чармвилля, а после отыскать Семерых Потерянных. У Фейбл было столько вопросов, но как и всегда, времени на все это не было. Когда же у нее будет достаточно времени?

Фейбл поняла, что идет в подвал. Она шла, словно загипнотизированная. Секреты, которые она теперь хранила, были для нее слишком. Если Баба Яга поместила сердце Локи в Шу, а Семеро Потерянных разделили сердце Шу на семь частей, как тогда Локи остался живых? Чье сердце билось внутри него?

Это было ошеломляюще, но не так печально, как собственная история Фейбл. Как она узнала о Темном Искусстве, и где провела последние несколько месяцев? Почему Серена не дала ей рассказать никому об этом, а лишь сказала: — Они не поймут.

Одной из любимых книг Фейбл была "Машина Времени" Герберта Уэлса, где главный герой решил использовать одноименный прибор, чтобы вернуться в мир, который он только что обнаружил, потому что у него было множество нерешенных загадок. Фейбл решила сделать то же самое.

Она легла в Храм Сна, не уверенная по силам ли ей войти в Мир Сновидений самой, без сновядищего под боком. Но ведь она теперь отчасти Охотница за Сновидениями, так ведь?

Почему Охотник за Сновидениями не может войти в собственные сны?

Она начала ритуал, надеясь, что он сработает. Ей нужно было вернуться. Правда, вернуться назад. На этот раз, она узнает, кто она. Кем она была на самом деле. Она положила на веки две оболские монеты и прошептала слово — Инкубатор. На этот раз, она все знала без подсказок.

— Ведьма, — произнесла она, удивляясь, почему ее глаза до сих пор приоткрыты, пока ее начинает клонить в сон.

Глава

55

Шлосс

Люси Румпельштейн не понравился Дневник Королевы ни на йоту. Зуд в глазах лишь усиливался по мере чтения, но на него она не обратила никакого внимания. Должно быть, все дело было в линзах. Что заботило ее больше всего, так это ее разочарование в связи с Дневником Королевы. Она никогда не представляла себе Королеву той, о ком она прочла. С другой стороны Аксель сроду бы не подумал, что будет так сильно сочувствовать Кармилле.

— Это не она, — разочарованно ахнула Люси. — Где ее сила, хитрость, зло? Спорю, что этот дневник — подделка.

— Сомневаюсь, что Пиквик — подделка, — напомнил ей Аксель. — Этот дневник охраняли сотню лет.

— Тогда что не так с Королевой Скорби? — спросила Люси. — Ни одно из этих событий не объясняет, как она стала такой, какой мы ее видели. Такой я ее люблю и обожаю.

— Она закончила тем, что продала душу Судьбе, разве не так? — спросил Аксель. — Думаю, это окажет огромное влияние на всю остальную историю.

— Ты так считаешь? — глаза Люси засияли. Должно быть, это Судьба, подумала она. Судьба, скорее всего, повергла ее в вечную скорбь и она превратилась в монстра. Люси понравилась эта идея.

— Меня больше интересуют семь предметов, спрятанных в мешке, — сказал Аксель.

— А что в них интересного?

— Не важно. — Аксель отмахнулся. Люси было плевать на этот мешок. — Скажи мне вот что, Люси. Ты не знаешь, почему Кармилла сама не забрала дневник? Зачем попросила тебя? — Люси ничего не ответила. Она уже размышляла над этим раньше, но так и не нашла ответа. — Видишь? Я же говорил тебе, с этим дневником не все так просто.

— Пойми, — начал Аксель. — Похоже мы лишь на середине этого дневника. Остальная часть истории спрятана здесь, в ней столько незаконченных нитей.

— Ладно, я продолжу читать. — Люси снова взялась за дневник. — Послушай, — произнесла она. — Здесь есть примечание, прямо после главы с Лунной Девушкой.

— Тогда прочти его, пожалуйста.

Глава

56

Дневник Королевы

Канун Всех Святых

10 год царствования Короля Ангела фон Сорроу.

1803 год в Реальном Мире.

За день до Затмения.

Пока я сделала небольшой перерыв в написании, вы должно быть думаете, что история подошла к концу. Вы, должно быть, думаете, что я искусная обманщица, или где я сейчас и что со мною случилось?

Вы с уверенностью можете найти все ответы в последующих событиях, после строительства нашего Королевства Скорби. Вам уже известны некие факты, вроде тех, что было внутри мешка и почему мне его дали.

Вам уже известно о Лунной Девушке и Башне Сказок и всех тех невообразимых вещах, что отразились на наших жизнях внутри королевства — подобные вещи обычно не случаются в сказках. Когда вы все об этом узнаете, я уверена, вы все поймете.

Теперь, мне нужно вернуться к написанию. Часы на стене тикают. Скоро наступит полночь. Я уже говорила вам, что это значит. Я буду вынуждена сделать нечто ужасное, страшное и невообразимое. Но прежде чем я начну, я бросаю последний взгляд на холст, висящий на стене передо мной. Он сшит из самых красивых нитей на свете. Думаю, он персидский, но могу и ошибаться.

Красивой каллиграфией вышит приговор. Приговор, который я не до конца понимала до сегодняшней ночи. Это была известная поговорка, которая останется со мною... и с вами... вечно. В ней говорится: *Нужно любить все, без исключения.* Прочитав эти слова, я ощущаю на сердце невероятную тяжесть. Почему я не обратила на эти слова прежде, не знаю. Но опять же, я — Королева Скорби, всегда была загадкой, даже для самой себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net